

КНИГА НОВОГО СОЛНЦА

ДЖИН ВУЛФ

СОЛНЦЕ И ЗАМОК

fanzon

Fanzon. Fantasy World. Лучшее современное фэнтези

Джин Вулф

Солнце и Замок

«ЭКСМО»

1987

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Вулф Д.

Солнце и Замок / Д. Вулф — «Эксмо», 1987 — (Fanzon. Fantasy World. Лучшее современное фэнтези)

ISBN 978-5-04-188591-5

Премия журнала SF Chronicle. Премия «Италия». Финалист премий «Хьюго», «Небьюла», «Локус», Сэйун. «Солнце и Замок» – продолжение прославленной тетралогии «Книга Нового Солнца» Джина Вулфа. «Урд Нового Солнца» Автарх Севериан, правитель древнего мира Урд, покидает планету и отправляется в путешествие сквозь пространство и время. Он должен предстать перед Судом, на котором могущественные иерограмматы решат – достойно ли человечество Нового Солнца или оно должно угаснуть вместе со Старым Солнцем. «Книга Чудес Урд и Неба» и «Истории из эпохи Севериана» Сборники сказок, притч и рассказов, которые дополняют цикл. «Замок Выдры» Сборник эссе о том, как Джин Вулф писал свой знаменитый цикл романов, как работал с редакторами, агентами, издателями и литературными критиками. Здесь вы найдете массу полезных советов по творческому мастерству и раскроете маленькие авторские секреты, позволяющие увидеть историю Севериана по-новому. «Прекрасная концовка и одновременно начало того, что, возможно, является лучшим литературным произведением американской научной фантастики, когда-либо созданным – тетралогии "Книга Нового Солнца"». – Chicago Sun-Times «Новая книга Джина Вулфа парит, свободно планирует, бежит, словно река, которая течет из вселенной во вселенную, между жизнью и смертью и снова жизнью. В этом фэнтези есть момент боли человеческого существования, что придает всему весомость видения». – Урсула Ле Гуин «Магнум-опус Джина Вулфа "Книга Нового Солнца" является одним из современных шедевров художественной литературы – воплощением мира настолько далекого будущего, что магия и технология, поэзия и наука неразличимы, мира, отягощенного временем и лишено надежды, мира, оживленного уникальным сочетанием слегка архаичного стиля и постоянно удивляющей лексики Вулфа». – The New York Times

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-188591-5

© Вулф Д., 1987

© Эксмо, 1987

Содержание

Урд Нового Солнца	10
I. Грот-мачта	10
II. Пятый матрос	15
III. Каюта	20
IV. Обитающие в парусах	24
V. Герой и иеродулы	29
VI. Смерть и тьма	34
VII. Смерть при свете	39
VIII. Пустота в рукаве	44
IX. Пустота	49
X. Интерлюдия	54
XI. Схватка	59
XII. Образы и подобию	63
XIII. Сражения	67
XIV. Конец мироздания	72
XV. Йесод	77
XVI. Эпитом	81
XVII. Остров	85
XVIII. Разбирательство	89
XIX. Безмолвие	93
XX. Покои, вьющиеся улиткой	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Джин Вулф Солнце и Замок

Gene Wolfe
The Urth of New Sun
The Castle of the Otter

© 1987 by Gene Wolfe

© 1982 by Gene Wolfe

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Урд Нового Солнца

Эта книга посвящается Эллиоту и Барбаре – кто знает, отчего...

Встань! Бросил камень в чашу тьмы Восток!

В путь, караваны звезд! Мрак изнемог...

И ловит башню гордую султана

Охотник-Солнце в огненный силок.

Омар Хайям¹

I. Грот-мачта

Итак, забросив в волны времени одну рукопись, я ныне сажусь за новую. Глупо, конечно, однако я вовсе не столь глуп – и впредь, надеюсь, не выживу из ума настолько, чтоб всерьез тешиться мыслями, будто все это когда-либо отыщет читателя, хотя бы в лице меня самого. Позвольте же для начала, пусть даже этой рукописи никто никогда не прочтет, объяснить, кто я таков и что сделал для Урд.

Настоящее имя мое – Севериан. Друзья, коих у меня никогда не имелось помногу, звали меня Северианом Хромцом. Солдаты, служившие под моим командованием в великом множестве, коего, однако, никогда не бывало довольно – Северианом Великим. Враги, плодившиеся, как мухи, подобно мухам, порождаемым трупами, ковром устилавшими поля наших битв – Северианом Казнителем. Я был последним Автархом Содружества – а значит, единственным законным правителем сего мира в те времена, когда он носил имя Урд.

Однако сколь же привязчиво, заразно писательское ремесло! Несколько лет назад (если время до сих пор хоть что-нибудь значит) я писал в каюте на борту корабля Цадкиэль, воссоздавая по памяти книгу, написанную мной в клеристории Обители Абсолюта. Сидел и скрипел, скрипел пером, точно какой-нибудь писарь, переписывая заново повесть, которую без труда мог вспомнить от слова до слова, когда того пожелаю, и чувствуя, что совершаю последнее что-либо значащее – или, скорее, абсолютно бессмысленное – деяние в жизни.

Так я писал, а затем засыпал, а пробуждаясь, садился за рукопись, снова и вновь отправляя перо в полет, от края к краю страницы, пока не выплеснул на бумагу, как вошел в башню бедной Валерии и как, услышав стоязкие голоса ее изъеденных временем стен, почувствовав тяжесть павшего на плечи бремени зрелости, понял: молодость в прошлом. По-моему, с тех пор прошло десять лет. Десять лет миновало с тех пор, когда я писал об этом в стенах Обители Абсолюта. Возможно, сейчас сей срок составляет уже столетие, а то и более – как знать?

В дорогу я прихватил с собой узкий свинцовый ларец с плотно пригнанной крышкой. Рукопись, как я и рассчитывал, заполнила его доверху. Закрыв и заперев ларец на замок, я переключил пистолет на самую малую мощность и лучом его сплавил крышку с ларцом в единое целое.

Чтоб выйти на палубу, нужно миновать череду странных коридоров, где зачастую слышится гулкая речь, не всегда членораздельная, но неизменно понятная. Достигнув люка, следует облечься в незримый воздушный плащ, окутаться собственной атмосферой, удерживаемой пустяковой с виду вещицей вроде блестящего ожерелья из цилиндрических звеньшек. В этой вещице содержится все необходимое: воздушный капюшон, воздушные перчатки для

¹ Перевод И. Тхоржевского.

кистей рук (эти, однако ж, стоит схватиться за что-либо, истончаются и пропускают холод), воздушные сапоги, и так далее, и так далее, и так далее.

Те корабли, что ходят меж солнцами, вовсе не таковы, как корабли Урд. Вместо палубы и корпуса – сплошь палубы, палубы, одна за другой: перемахни леер и ступай по соседней. Застланы они деревом, противостоящим смертоносной стуже куда лучше металла, а металл и камень служат им основанием.

Мачты, торчащие над каждой из палуб, в сотню раз превосходят высотой Флаговую Башню Цитадели. С виду они кажутся безупречно прямыми, однако, если взглянуть вдоль любой из них, будто вдоль пыльной, истоптанной дороги, уходящей за горизонт, увидишь, что все они слегка, едва заметно гнутся, кланяясь ветру солнц.

Мачт этих не сосчитать, и каждая мачта оснащена тысячей реев, а каждый рей несет на себе парус цвета сажи и серебра. Паруса заслоняют собою небо, и, если стоящий на палубе захочет полюбоваться лимонными, белыми, розовыми, фиолетовыми огнями далеких солнц, разглядеть их меж парусов будет не проще, чем среди туч в осеннюю ночь.

От стюарда я слышал, что матросы, несущие вахту на реях, порой оступаются. Случись такое на Урд, несчастный погибнет, разбившись о палубу, здесь же матросы избавлены от подобного риска. Пусть корабль и огромен, и полон несметных сокровищ, и мы куда ближе к его центру, чем те, кто ходит по Урд, к сердцу Урд, сила его притяжения совсем невелика. Пушинкой падая вниз среди множества парусов, беспечный матрос рискует разве что утратить достоинство, однако насмешки товарищей ему не слышны, ибо пустота заглушает любой голос, кроме голоса самого говорящего (если только двое не сойдутся так близко, что их воздушные облачения образуют единую атмосферу). Слышал я, не будь оно так, от рева солнц оглохла бы вся вселенная.

Однако, отправляясь на палубу, я ничего этого не знал. Загодя меня предупредили только о необходимости надеть ожерелье да о том, что внешнего люка – так уж они устроены – не открыть, пока не закроешь внутреннего, но не более. Представьте, как я был изумлен, выйдя наружу со свинцовым ларцом под мышкой!

Повсюду вокруг надо мной высились черные мачты, унизанные серебряными парусами. Ярус за ярусом, ярус за ярусом... казалось, полотнища парусов раздвигают в стороны сами звезды. Прочие снасти несложно было принять за тенета, сплетенные пауком величиною с корабль – а корабль изрядно превосходил размерами многие из островов, способных похвастать усадьбой и обитающим в ней армигером, чувствующим себя едва ли не полновластным монархом. Сама же палуба тянулась вдаль, словно равнина; для того, чтоб хотя бы ступить на нее, потребовалось все мое мужество.

В каюте, трудясь за письменным столом, я почти не замечал, что вес мой уменьшился до одной восьмой. Теперь же, шагнув на палубу, я почувствовал себя, будто призрак – или, скорее, бумажный человечек, достойный супруг для бумажных дам, которых мне не раз доводилось раскрашивать в детстве, задавая кукольные балы. Силой солнечный ветер уступает легчайшему из зефиров Урд, однако я, ощутив его легкое дуновение, всерьез испугался, как бы меня не унесло. Казалось, я не шагаю по палубе – парю над ней... Впрочем, так оно и было, поскольку подметки моих сапог отделял от досок слой воздуха, создаваемый ожерельем.

Полагая, что палубы, как и палубы кораблей Урд, должны кишмя кишеть матросами, я огляделся в поисках хоть одного, способного подсказать, где и как лучше взобраться наверх. Увы, вокруг не оказалось ни души: со временем воздух незримых плащей становится спертым, и потому матросы остаются под палубами, пока в них не возникнет нужда наверху, а возникает она крайне редко. Не придумав ничего лучшего, я закричал во весь голос, но отклика, разумеется, не последовало.

Одна из мачт возвышалась невдалеке, всего в нескольких чейнах, но, едва разглядев ее, я понял, что вскарабкаться на нее не смогу: гладкая, словно металл, мачта превосходила тол-

щиной любое дерево, когда-либо украшавшее наши леса. Охваченный страхом перед сотней вещей совершенно безвредных, но даже не подозревающий о настоящих опасностях, поджидающих наверху, я двинулся дальше.

Огромные палубы плоски, что позволяет матросам подавать знаки товарищам, работающим неподалеку: выпуклые и в равной мере удаленные от центра корабля, они заслоняли бы матросов друг от друга – таким же образом горизонты Урд заслоняют уходящие в океан корабли. Однако в силу этой же самой плоскости палубы неизменно кажутся наклонными, стоит хоть немного отойти от их центра, и посему меня, при всем ничтожестве собственного веса, никак не оставляло ощущение, будто я иду вверх по склону призрачного холма.

«Подъем» продолжался довольно долго – возможно, около половины стражи. Казалось, мертвая тишина, безмолвие тверже палубных досок, вот-вот сокрушит мою храбрость. Слышал я только собственную неровную поступь да порой дрожь или гул под ногами. Кроме этих негромких звуков, тишины не нарушало ничто. Еще в детстве, на уроках мастера Мальрубия, я усвоил, что пространства меж солнц далеко не пустынно: ведь их бороздят многие сотни, а может, и тысячи кораблей. Впоследствии выяснилось, что одними кораблями дело вовсе не ограничивается. К примеру, ундина, с которой мне дважды довелось повстречаться, обмолвилась, что порой плавает в межсолнечной пустоте, и там же парило крылатое существо, которое я мельком видел в книге Отца Инире.

Теперь же я открыл для себя то, чего никогда прежде не понимал: что все эти корабли и громадные существа – лишь жалкая горстка семян, рассеянных над пустыней, по завершении сева остающейся столь же пустой, как и прежде. Пожалуй, в этот миг я развернулся бы да похромал назад, в каюту... если б не понимал, что, как только переступлю порог, гордыня снова погонит меня наружу.

Наконец я доковылял до едва различимых издали ниспадающих паутинок вант, до канатов, порой поблескивавших в свете звезд, а порой исчезающих из поля зрения в темноте либо на фоне серебристых полотнищ верхних парусов соседней палубы. Сколь бы тонкими они ни казались с виду, каждый из этих канатов превосходил толщиной громадные колонны в нашем соборе.

Под воздушным плащом на мне имелся обычный, шерстяной. Обвязав подол вокруг пояса на манер котомки или узла, я уложил в него свинцовый ларец, вложил в здоровую ногу все силы и прыгнул.

Казалось, все существо мое соткано из невесомых перьев, и посему я полагал, что взлечу вверх плавно, медленно: мне говорили, что именно так взлетают на реи матросы. Не тут-то было. Прыгнул я так же резво, а может быть, и резвее, чем кто-либо здесь, на Ушас, однако полет ее прыгунов замедляется почти сразу, а со мной получилось иначе. Объятый восторгом и ужасом, я летел, летел вверх, нисколько не сбавляя первоначальной скорости.

Вскоре мой ужас изрядно усилился, так как я не сумел сохранить изначального положения: ноги сами собой задралась кверху, в полете меня развернуло на спину, а после закружило в пустоте, словно меч, воздетый над головой в миг победы.

Перед глазами мелькнул сверкающий канат. Не сумев дотянуться до него, я услышал сдавленный вскрик и лишь задним числом понял, что вскрикнул сам. Впереди поблескивал второй канат. По собственной ли воле, нет ли, я ринулся на него, будто на злейшего врага, ухватился, вцепился в него, да так, что чуть не вывихнул из плечевых суставов обе руки, а свинцовый ларец, пронесшийся над головой, едва не задушил меня собственным же плащом. Обхватив ледяной канат и ногами, я кое-как перевел дух.

Сады Обители Абсолюта населены множеством обезьян-ревунов, но, так как слуги низшего ранга (землекопы, носильщики и так далее) от случая к случаю ловят их на обед, людей они опасаются. Сколь часто я завидовал этим зверькам, наблюдая, как они взбегают вверх по стволу дерева, не падая и словно бы вовсе не подозревая о неодолимом тяготении Урд, а теперь

превратился в одного из подобных зверьков сам. Едва уловимое притяжение корабля подсказывало, что низ находится там же, где и просторная палуба, но это ощущение казалось смутным, будто воспоминание о воспоминаниях: очевидно, когда-то я падал с большой высоты, а теперь вспомнил, как вспоминал то падение раньше.

Однако канат оказался сродни тропе через пампасы: подъем ничуть не труднее спуска, и ни то ни другое не составляет труда. Тысячи прядей служили прекрасной опорой, и я, точно маленький длинноногий зверек, зайчишка, скачущий вдоль бревна, полез наверх.

Таким образом я вскоре добрался до рея – поперечины для крепления нижнего грот-марселя. С нее я перепрыгнул на другой канат, потоньше, а после на третий, а оседлав рей, к которому вел он, обнаружил, что будто бы ни на чем и не сижу. Шепот «низа» умолк; коричнево-серая обшивка корабля просто плыла сквозь пустоту где-то на самой границе видимости.

Над головой по-прежнему вздымались многие ярусы серебряных парусов, с виду столь же бесчисленных, как и до подъема на рей. Мачты на палубах справа и слева клонились в стороны, точно вильчатые острия стрелы для птичьей охоты – или, скорее, множества рядов подобных стрел, так как за ближайшими возвышались еще и еще мачты, отделенные от моей, по крайней мере, десятками лиг. Будто персты Предвечного, указывали они на рубежи мироздания, а верхние из их солнечных парусов, теряясь в мерцании звезд, казались лишь блестящими мишуры. Пожалуй, отсюда я вполне мог бы (как и задумал) зашвырнуть ларец в пустоту – чтоб он, если будет на то воля Предвечного, когда-нибудь попал в руки существа иной расы, в руки иного разума.

Удержали меня два соображения. Первым из них оказалась не столько мысль, сколько память о давнем решении, принятом, когда я трудился над рукописью, а все догадки насчет кораблей иеродул были для меня вновь – решению подождать, пока наше судно не пронзит ткань времени. Ту, первоначальную рукопись с повестью о моих странствиях я уже вверил попечению библиотечарей мастера Ультана, а в библиотеке она просуществует никак не дольше самой Урд.

Этот, второй экземпляр я (поначалу) предназначил для следующего творения, дабы, даже не выдержав предстоящего мне великого испытания, отправить хоть малую – неважно, сколь малую – частицу нашего мира за рубежи мироздания.

Теперь, глядя на звезды, на солнца, столь отдаленные, что планет вокруг и не разглядишь, хотя некоторые куда больше Серена, и на целые водовороты звезд таких далеких, что миллиарды их кажутся одной-единственной звездочкой, я с изумлением вспомнил собственную наивность. Еще недавно все это казалось слишком мелким для моих притязаний... Быть может, с тех пор вселенная выросла (хотя мисты утверждают, будто она больше не растет)? А может, с тех пор вырос я сам?

Второе соображение тоже было, скорее, не мыслью, а всего лишь неодолимым инстинктивным желанием: мне очень хотелось взобраться на самый верх. В защиту своей решимости могу сказать, что понимал: больше подобной возможности может и не представиться, что высота положения не позволяла довольствоваться победой менее той, которую одерживает простой матрос всякий раз, когда этого требует служба, и так далее, и так далее, и так далее.

Однако логика логикой, а дело было в другом – в восторге от этой затеи. Многие годы не находивший радости ни в чем, кроме побед, я снова почувствовал себя мальчишкой. Мечтая взобраться на вершину Башни Величия, я даже не подозревал, что Башня Величия сама может мечтать о взлете к небу, но теперь-то знал, что почему. Наш корабль вознесся за пределы небес, и мне хотелось подняться с ним как можно выше.

Чем дальше, тем легче, тем опаснее становился подъем. Тяжести во мне не осталось ни крупинцы. Прыжок за прыжком, прыжок за прыжком... Ухватившись за какой-нибудь фал или шкот, я подтягивался, закидывал на него ногу и, оттолкнувшись от него, прыгал снова.

После дюжины подобных взлетов меня осенило: зачем останавливаться так часто, если до вершины мачты, ни за что не хватаясь, можно добраться одним прыжком? С этой мыслью я взвился ввысь, подобно ракете на праздник Летнего Солнцестояния – нетрудно было вообразить, будто полет мой сопровождает точно такой же свист, а следом за мной тянется пышный хвост из алых и лазоревых искр.

Паруса и канаты замелькали перед глазами бесконечной чередой. Раз мне, кажется, удалось углядеть нечто непонятное, золотистое с алыми прожилками, с виду будто парящее в пространстве меж двух парусов – должно быть, какой-то прибор, установленный как можно ближе к звездам, или просто предмет, беспечно оставленный на палубе и после незначительной смены курса уплывший прочь.

Однако долго раздумывать обо всем этом было некогда: я ведь по-прежнему несся вверх.

Вот впереди показался грот-марс. Я потянулся к фалам. Здесь их толщина вряд ли намного превосходила толщину пальца, хотя любой парус мог бы накрыть разом две сотни лугов.

Фал оказался дальше, чем я думал, и дотянуться до него мне не удалось. За первым фалом промелькнул мимо второй.

А за вторым – по крайней мере, в трех кубитах от вытянутой руки – и третий.

Попробовав перевернуться, подобно пловцу, я сумел всего лишь поднять колено к груди. Блестящие канаты такелажа далеко отстояли один от другого даже внизу, где их только для этой мачты имелось более сотни, а здесь не осталось ни единого, кроме топенанта бом-брам-рея. Дотянуться я до него дотянулся, однако ухватиться не смог.

II. Пятый матрос

Тут я и понял: жизнь моя подошла к концу. На «Самру» за корму спускали длинный канат, последнюю надежду матроса, упавшего за борт. Имелся ли такой же за кормой нашего корабля, я не знал, но если и да, мне это ничем бы не помогло. Моя беда (ох, как велик соблазн написать «моя трагедия») заключалась не в том, что меня, упавшего с палубы, унесло за корму. Я поднялся выше верхушек мачт и, мало этого, продолжал подниматься – или, вернее, удаляться от корабля, так как вполне мог и падать головою вперед – с первоначальной, несколько не убывающей скоростью.

Корабль подо мною – или, по крайней мере, со стороны ног – казался стремительно уменьшающимся серебристым материком; черные мачты и реи сделались тонкими, будто усики сверчков. Звезды вокруг полыхали без удержу, сияли невиданным на Урд великолепием. Вспомнив об Урд, я (и вовсе не от велика ума – скорее, наоборот) принялся искать ее среди звезд – зеленую, будто Луна, только увенчанную с обеих сторон белыми шапочками ледников, смыкающихся над нашими стылыми землями... но не нашел ни Урд, ни даже оранжевого с алым отливом диска Старого Солнца.

Поразмыслив, я понял, что просто смотрю не в ту сторону: если Урд вообще различима, то место ей за кормой. Однако, взглянув туда, я увидел – нет, вовсе не нашу Урд, но разрастающуюся, кипучую, бурлящую круговерть цвета сажи – того самого, что черней черного. Больше всего схожую с вихрем, или водоворотом, ее окаймляли кольцом разноцветные сполохи, точно миллиарды звезд затеяли пляс в пустоте.

Тогда-то мне и сделалось ясно: чудо свершилось, но я проморгал его, увлеченный копированием неких нудных сентенций по поводу мастера Гюрло или Асцианской войны. Мы пронзили ткань времени. Круговерть цвета сажи – конец мироздания.

Конец мироздания... либо его начало, и если так, то сверкающий хоровод звезд – это россыпи новых солнц, единственное воистину волшебное кольцо, подобного коему вселенная еще не видывала и не увидит впредь. Приветствуя их, я испустил вопль радости, хотя моего голоса не слышал никто, кроме Предвечного да меня самого.

Подтянув к себе плащ, я вынул из его подола свинцовый ларец, обеими руками поднял ларец над головой и с торжествующим криком метнул за пределы незримого воздушного плаща, прочь из пределов нашего корабля, прочь из вселенной, привычной и мне и ларцу, встречь новому творению – словно прощальный дар творения старого.

В тот же миг судьба моя подхватила меня и отшвырнула назад. Нет, не прямоком вниз, к покинутой части палубы, навстречу весьма вероятной гибели, но вниз и вперед. Верхушки мачт стремительно понеслись ко мне. Наклонив голову, я разглядел ближайшую; она оказалась последней. Еще эль-другой правее, и клотик мачты разможил бы мне голову, однако меня пронесло между верхней ее оконечностью и бом-брам-реем, в стороне от бык-горденей. Я обо-гнал корабль.

Впереди – далеко-далеко и совсем под иным углом – показалась еще одна из бесчисленного множества мачт, унизанная парусами, будто дерево листьями, причем все они оказались не знакомыми, прямоугольной формы, а треугольными, косыми. Поначалу мне показалось, что я пролечу мимо, обгоню и ее, затем – что вот-вот расшибусь о нее. В отчаянии взмахнув руками, я что было сил ухватился за бом-кливерлеер...

...и завертелся вокруг него, точно флаг на игривом, непостоянном ветру.

Ладони обожгло ледяным холодом. Тяжко дыша, я огляделся вокруг, собрал все силы и прыгнул вниз, вдоль бушприта – да чем еще, кроме бушприта, могла оказаться последняя мачта? Пожалуй, если б меня с лету ударило о нос корабля, я бы ничуть о том не пожалел. В

этот миг мне хотелось лишь одного и ничего иного – коснуться корпуса корабля, где угодно и каким угодно манером.

По счастью, угодил я в полотнище стакселя и заскользил по его необъятной серебристой поверхности вниз. Казалось, кроме поверхности в нем ничего больше и нет, словно парус – тоньше, неосязаемей шепота – шит из чистого света. В скольжении меня завертело, закружило, точно лист, подхваченный ветром, и я кубарем скатился на нашу палубу.

Вернее сказать, на какую-то из палуб, так как я вовсе не был уверен, что вернулся именно на ту палубу, с которой полез на мачту. Хромая нога мучительно заныла. В попытках отдышаться я, почти не удерживаемый тяготением корабля, распростерся на палубе во весь рост.

Однако участвовавшее дыхание даже не думало успокаиваться или хотя бы замедлиться, и, сделав около сотни частых, судорожных вдохов, я сообразил, что возможности воздушного плаща на исходе, собрался с силами и поднялся. Хоть и почти задохнувшись, на ноги встать мне удалось легко, даже чересчур – еще немного, и я взмыл бы вверх снова. Прохромав около чейна, я доковылял до люка, из последних сил распахнул его настежь и поспешно захлопнул за собой крышку. Внутренний люк отворился едва ли не сам по себе.

Воздух плаща тут же сделался свеж, словно благородный юный бриз, ворвавшийся в зловонную темницу. Дабы ускорить дело, в коридоре я немедля сорвал ожерелье с шеи и замер на месте, вдыхая прохладный, чистый воздух, практически не понимая, где нахожусь, но всей душой радуясь тому, что снова внутри, под палубой корабля, а не болтаюсь над его парусами обломком разбитого штормом суденышка.

Коридор оказался неширок и светел, а освещали его яркие до боли в глазах голубые огни, неспешно ползшие по стенам и потолку, мигавшие, словно оглядывая коридор откуда-то со стороны, не будучи его частью.

Если я не без чувств либо не близок к обмороку, в моей памяти сохраняется все до мелочей. Вспомнив все коридоры, которыми шел от каюты до ведущего на палубу люка, я понял, что этот мне незнаком. Большая часть тех напоминала убранством гостинные роскошных шато – картины, до блеска начищенные полы... Здесь же мореные доски палубного настила уступили место ковру вроде травы, вцеплявшейся крохотными зубчиками в подошвы сапог, как будто каждая из иссиня-зеленых травинок – не травинка, а миниатюрный клинок.

Таким образом, я оказался перед лицом выбора, причем выбора не из приятных. Там, за спиной, люк. Можно вновь выйти наружу и искать свою часть корабля, перебираясь с палубы на палубу. А можно направиться вперед, вдоль коридора, и поискать путь обратно изнутри. Конечно, сия альтернатива обладала изрядным недостатком: внутри я легко мог заблудиться... Но что может быть хуже, чем, как совсем недавно, заблудиться среди такелажа, а то и вовсе навек потеряться в бескрайней пустоте среди солнц, куда меня – опять же, совсем недавно – не унесло только чудом?

Так я и стоял возле люка, не зная, на что решиться, пока откуда-то издали не донеслись голоса. Чужая речь заставила вспомнить, что плащ мой до сих пор нелепо обвязан вокруг пояса, и, едва я закончил приводить себя в порядок, говорящие выступили из-за поворота.

Все они были вооружены, но этим их сходство и ограничивалось. Один казался человеком вполне обычным, из тех, кого каждый день можно встретить в окрестностях доков Несса. Второй принадлежал к расе, с которой я не сталкивался ни в одном из множества странствий: высокий, как экзультант, он разительно отличался от первого цветом кожи – не розовато-смуглой, которую изволим называть белой мы, но воистину белой, точно морская пена, а голову его украшал венчик столь же белых волос. Третьей оказалась женщина ростом разве что самую малость ниже меня, а толщиной рук и ног превосходившая всех женщин, каких мне когда-либо доводилось видеть. За этими тремя, будто гоня их перед собой, следовал некто, с виду похожий на рослого, плечистого здоровяка, с ног до головы закованного в латный доспех.

Пожалуй, не останови я их, они прошли бы мимо без единого слова, но я, выступив на середину коридора, загородил им путь и объяснил, в какую попал передрыгу.

– Я доложил об этом, – заверил меня некто в латном доспехе. – За тобой придут или пошлют с тобою меня. А пока что ты должен будешь пойти со мной.

– Куда же вы идете? – спросил я, но он, не дослушав вопроса, отвернулся и подал знак остальным.

– Идем, – сказала женщина и поцеловала меня.

Поцелуй был недолог, однако в нем чувствовалась грубая страсть, а ее пальцы, сомкнувшись на моем локте, не уступали силой мужским.

– Идем, не упрямясь, – поддержал ее обычный матрос (на самом деле вовсе не выглядевший обычным: довольно симпатичное лицо его лучилось несвойственным матросской братии дружелюбием, а песчано-русые волосы выдавали в нем уроженца южных земель). – Иначе они не поймут, где тебя искать, а то и вовсе искать не станут, хотя это, пожалуй, не так уж плохо.

С этим он двинулся вперед, а мы с женщиной, придерживающей меня за локоть, последовали за ним.

– Возможно, ты сможешь помочь мне, – подал голос беловолосый.

Заподозрив, что узнан, и почитая за благо обзавестись как можно большим числом союзников, я ответил: разумеется-де, помогу, если, конечно, сумею.

– Ради любви к Данаидам молчи, – велела ему женщина и обратилась ко мне: – Оружие у тебя есть?

Я показал ей пистолет.

– С такими штуками здесь осторожнее надо. Не мог бы ты убавить мощность до минимума?

– Уже.

И сама она, и остальные были вооружены легкими аркебузами, с виду вроде фузей, только приклад короче, хотя и толще, а ствол, наоборот, куда более тонок. Вдобавок у пояса женщины висел длинный кинжал, а ее спутники предпочитали боло – короткие, увесистые ножи с широким клинком, из тех, какие в ходу у жителей джунглей.

– Я – Пурн, – представился блондин-южанин.

– Севериан.

Мы обменялись рукопожатием. Ладонь его оказалась под стать матросской службе – широкой, грубой, мясистой.

– Ее зовут Гунни...

– Бургундофара, – поправила его женщина.

– Да, но мы зовем ее Гунни. А это, – Пурн указал на беловолосого, – Идас.

– Тихо! – рыкнул человек в латах, пристально взглядываясь в коридор позади нас.

Я еще никогда не видел, чтоб кому-либо удалось повернуть голову так далеко назад.

– А его как зовут? – шепнул я Пурну, но тот промолчал.

– Сидеро, – ответила за него Гунни.

Похоже, из всех троих она относилась к латнику с наименьшим почтением.

– Куда он нас ведет?

Одним прыжком обогнав нас, Сидеро распахнул настежь какую-то дверь.

– Сюда. Хорошее место. Вероятность успеха высока. Разойдитесь шире. Я держу центр. Первыми не атаковать. Сигналы – голосом.

– Во имя Предвечного, что все это значит?

– Аппортов ищем, – негромко пробормотала Гунни. – А Сидеро не слишком-то слушай. Почуешь опасность – не церемонься, стреляй.

С этими словами она подтолкнула меня к распахнутой двери.

– Да не волнуйся, там, скорее всего, нет ни единого, – добавил Идас, придвинувшись к нам сзади так близко, что я машинально шагнул через порог.

За дверью царил непроглядная тьма, однако я сразу же понял, что под ногами не сплошной пол, но довольно редкая и шаткая решетка, а помещение впереди гораздо просторнее обычной каюты.

Плеча коснулись волосы Гунни, устремившей взгляд в темноту из-за моей спины. Вблизи от нее повеяло духами пополам с потом.

– Сидеро, включи свет. Не видно же ничего.

Свет вспыхнувших ламп заметно отличался оттенком от освещения в оставшемся позади коридоре: казалось, их нездоровое, желтушное сияние высасывает краски изо всего вокруг. Мы четверо остановились, замерли, тесно сгрудившись у порога. Пол под ногами сменился неширокими решетчатыми мостками из черных прутьев не толще человеческого мизинца, лишенными даже перил по краям, а в пространстве впереди и внизу (поскольку потолок над самой головой, несомненно, поддерживал палубу) без труда поместилась бы моя родная Башня Матачинов – вся целиком.

Однако сейчас в нем хранилось невообразимое нагромождение грузов – всевозможных коробок, тюков, бочек и ящиков, механизмов и их деталей, мешков (чаще всего из мерцающей полупрозрачной пленки), штабелей бревен...

– Туда! – рявкнул Сидеро, указав на ажурный трап, ведущий вниз вдоль стены.

– Ступай ты первым, – возразил я.

Разделяло нас не больше пяди, и посему рывка в мою сторону засим не последовало... а я не успел выхватить пистолет. С изрядной, достойной немало изумления силой сграбастав меня и оттеснив на шаг назад, Сидеро безжалостно толкнул меня в грудь. Взмахнув руками в тщетной попытке удержаться на краю мостков, я покачнулся... и полетел вниз.

На Урд я, вне всяких сомнений, сломал бы шею. Здесь, на борту корабля, я, можно сказать, плавно поплыл к полу, однако страха перед падением его непривычно медленная скорость ничуть не ослабила. Сверху неторопливо вращались потолок и мостки. Я понимал, что приземлюсь на спину и позвоночник с черепом ждет серьезная встряска, однако развернуться не мог. Рука сама собой потянулась в сторону, ища, за что б уцепиться, в памяти вновь, точно в горячечном бреду, мелькнул образ бом-кливер-леера. Четыре лица над краем помоста – забрало шлема Сидеро, бледные, точно мел, щеки Идаса, ухмылка Пурна, грубоватые, однако прекрасные черты Гунни – казались масками из ночного кошмара (ведь ни одному несчастному, сброшенному с вершины Колокольной Башни наяву, не придется ждать неминуемой гибели так долго).

Удар начисто вышиб из меня дух. На протяжении сотни – а то и более – ударов сердца лежал я на спине, хватая ртом воздух точно так же, как по возвращении снаружи на борт корабля. Мало-помалу мне сделалось ясно, что упасть я упал, но пострадал при этом не более, чем от падения с кровати на ковер во время жуткого сновидения, навеянного Тифоном. Сев, я обнаружил, что костей не переломал.

«Ковром» мне послужили кипы бумаг, и я решил, что Сидеро заранее знал о них, а посему за меня вовсе не опасался. Может, и так... но, совсем рядом со мной возвышался какой-то причудливо наклоненный вбок механизм, угрожающе ошетилившийся множеством стержней и рычагов.

Я поднялся на ноги. Помост высоко над головой опустел, а дверь, ведущая в коридор, оказалась затворена. Тогда я отыскал взглядом ажурный трап, ведущий с помоста вниз, но весь его, кроме самых верхних ступеней, загораживал все тот же механизм. Пришлось огибать его, увязая в неровно сложенных кипах бумаг (связаны они были сизалевой бечевой, и кое-где бечева полопалась, так что ноги оскальзывались на документах, будто в снежном сугробе), однако легкость тела весьма облегчала задачу.

Все это время я смотрел под ноги, чтобы не оступиться, отчего тварь впереди заметил, только – в буквальном смысле этого слова – столкнувшись с нею нос к носу и изумленно уставившись в ее безглазую морду.

III. Каюта

Рука потянулась к пистолету сама собой – я даже не заметил, как выхватил и поднял оружие. На вид это приземистое, сгорбленное, косматое существо ничем не отличалось от саламандры, едва не спалившей меня заживо в Траксе. Казалось, сейчас оно разогнется, распухнет, точно цветок, обдаст меня таящимся внутри жарким пламенем...

Но нет, ничего подобного не произошло, а с выстрелом я опоздал. На миг оба мы замерли, а затем странное создание пустилось бежать – вприпрыжку, перескакивая через бочки и ящики, будто неуклюжий щенок в погоне за упругим мячиком, которым тоже было оно само. Подстегнутый присущим каждому гнусным инстинктом, велящим убить того, кто боится тебя, я выстрелил ему вслед. Луч – все еще смертоносный, хотя, запаивая свинцовый ларец, я убавил мощность до нижнего предела – рассек воздух и увесистый с виду слиток металла зазвенел словно гонг. Однако неведомая тварь, кем бы она ни оказалась, успела умчаться вперед, по крайней мере, на дюжину элей, и в следующий миг скрылась за статуей, укутанной для пушей сохранности в полотнища плотной ткани.

Невдалеке закричали (кажется, этот голос, хрипловатое контральто, принадлежал Гунни). За криком последовал звук, вроде свиста стрелы, и новый вопль, вырвавшийся из другого горла.

Косматое создание вприпрыжку прискакало назад, но на сей раз я, успевший опомниться, стрелять не стал. Появившийся неизвестно откуда Пурн выстрелил в него из аркебузы навскидку, словно из охотничьего ружья. Тот же свист, что и прежде, и в воздух, вместо ожидаемой мною арбалетной стрелы, взвилось нечто вроде веревки – гибкой, блестящей, казавшейся черной в странно желтоватом свете.

Угодив в косматую тварь, черная веревка захлестнула ее петлей-другой, но этим результаты выстрела, похоже, и ограничились. Пурн, завопив, кузнечиком прыгнул к добыче. Прежде мне как-то не приходило в голову, что в столь просторном помещении я сам мог бы прыгать совсем как на палубе, но в этот миг я, подражая Пурну, тоже прыгнул вверх (в основном, потому что не желал потерять из виду Сидеро, пока не поквитаюсь с ним) и едва не вышиб себе мозги о потолок.

Однако сверху, в полете, мне открылся великолепный вид на трюм подо мной. Первым делом взгляд мой упал на косматую тварь (наверное, под солнцем Урд она выглядела бы блекло-коричневой), перечеркнутую черными линиями, но все еще неистово скачущую в попытке удрать. На моих глазах шнур из аркебузы Сидеро перечеркнул ее еще парой штрихов. Тем временем Пурн приземлился с ней рядом, а на подмогу ему, огромными прыжками перескакивая с вершины на вершину беспорядочных нагромождений груза, бросились Идас с Гунни, стрелявшей даже на бегу.

Приземлившись возле них, я не слишком уверенно взобрался по наклоненному вниз стволу горной карронады к казеннику, и едва снова увидел косматую тварь, карабкающуюся ко мне, та прыгнула почти в мои объятия. «Почти» – так как на самом деле я ее не поймал, и она, разумеется, обнимать меня не спешила, но и расстаться нам было не суждено: черный шнур прилип к моей одежде не хуже, чем к плоским, узеньким лентам (ни мехом, ни перьями это не назовешь), сплошь покрывавшим шарообразное туловище косматой твари.

Спустя еще миг, свалившись вместе с ней с карронады, я открыл для себя еще одно свойство черных шнуров: растянутые, они снова сжимались, сокращаясь в длине, причем с огромной силой. Рванувшись в попытке освободиться, я оказался связан крепче, чем когда-либо в жизни, а Гунни с Пурном нашли сие обстоятельство весьма забавным.

Сидеро, крест-накрест обмотав косматую тварь свежим шнуром, велел Гунни освободить меня, что она и сделала, разрезав мои путы кинжалом.

– Спасибо, – выдохнул я.

– Такое случается постоянно, – сказала она. – Я сама как-то раз к такой же корзине прилипла. Стесняться тут нечего.

Возглавляемые Сидеро, Пурн с Идасом поволокли изловленное создание прочь. Я поднялся на ноги.

– Боюсь, надо мной давненько никто не смеялся. Отвык.

– А было дело, смеялись? С виду и не подумаешь.

– В ученичестве. Над младшими из учеников насмеются все до единого, особенно старшие.

Гунни пожала плечами.

– Если вдуматься, любой нередко выглядит глупо. Например, заснув с разинутым ртом. Конечно, если ты квартирмейстер, смеяться никто не подумает. Но если нет, лучший друг сунет тебе в рот комок пыли... Оставь, не трогай!

Остатки черных шнуров прилипли к ворсу бархатной рубашки, и я ковырнул один ногтем.

– Надо, пожалуй, при себе носить нож, – сказал я.

Во взгляде Гунни мелькнуло сострадание. Глаза ее были огромны, темны, безмятежны, будто коровьи.

– А ты, что же, не носишь? Нож ведь у каждого должен быть.

– Когда-то я носил меч, – ответил я. – Но со временем изменил этой привычке и начал брать его с собой только на церемонии. А сейчас, уходя из каюты, подумал, что пистолетом вполне обойдусь.

– Для боя – да. Но часто ли такому, как ты, приходится драться? – Отступив на шаг, она сделала вид, будто оценивает мою внешность. – Вряд ли с тобой многим охота связываться.

На самом-то деле в матросских башмаках на толстой подошве она нисколько не уступала мне в росте, а там, где люди что-либо весят, в весе не уступала бы тоже: под кожей были видны настоящие мускулы, прикрытые добрым слоем жирка.

Я, рассмеявшись, согласился: да, когда Сидеро сталкивал меня с помоста, нож пришелся бы очень кстати.

– О, нет, – осклабившись, возразила Гунни, – этого ножом даже не оцарапаешь, как сказал хозяин борделя, увидев входящего моряка.

Я вновь рассмеялся, и она подхватила меня под локоть.

– И вообще, нож – он обычно не для драки. Нож – для работы, для самой разной работы. Как без ножа сплеснить канат или открыть коробку с пайком? Пока идем, поглядывай по сторонам. В этих грузовых отсеках чего только не найдешь.

– Мы идем не в ту сторону, – заметил я.

– Я знаю другой путь, а если пойдем тем же, которым пришли, найти ничего не успеешь. Слишком он короток.

– А что, если Сидеро погасит свет?

– Не погасит. Разбуженные, светильники светятся, пока рядом остается хоть кто-нибудь. О, уже кое-что вижу. Взгляни-ка.

Сам не знаю отчего, я сразу же проникся уверенностью, что Гунни заметила этот нож еще во время охоты за косматым созданием, но притворяется, будто нашла его только сейчас. Из груды хлама торчала наружу только костяная рукоять.

– Не стесняйся. Возьмешь себе – никто слова против не скажет.

– Нет, я думал совсем не о том.

Нож оказался охотничьим, суженным к острию, длиной около двух пядей, с широким, зазубренным обухом.

«Как раз для черной работы», – подумалось мне.

– И ножны тоже возьми. Не станешь же его в руке носить целый день.

Ножны, хоть и сшитые из простой черной кожи, были снабжены кармашком, где некогда хранился какой-то небольшой инструмент, живо напомнившим мне кармашек для точильного камня на великолепных, человеческой кожи, ножнах «Терминус Эст». Нож понравился мне с первого взгляда, а при виде этого кармашка я полюбил его всей душой.

– Повесь на пояс.

Я послушно прицепил ножны к поясу, слева, уравновесив ножом тяжесть пистолета.

– Я думал, на таком большом корабле грузовые трюмы гораздо больше.

– Да это на самом деле не груз, – пожав плечами, объяснила Гунни. – Так, барахло. Всякая всячина. Знаешь, как устроен этот корабль?

– Понятия не имею.

Гунни негромко рассмеялась.

– И никто другой не знает, по-моему. Соображения есть у каждого, и каждый делится ими с товарищами, но в итоге все эти догадки обычно не подтверждаются. По крайней мере, в самое яблочко еще никто не попал.

– А я думал, уж вы-то в своем корабле разбираетесь от и до...

– Он слишком велик, а еще здесь уйма таких мест, куда нас не водят, а самим их не найти или не попасть внутрь. Однако точно известно: бортов у него семь, чтоб парусов нес побольше, понимаешь?

– Да, понимаю.

– Под некоторыми палубами – по-моему, под тремя – трюмы, огромные, не чета этому. Там и хранится основная часть груза. Отсеки под четырьмя другими оставлены клиновидными. Некоторые, как этот, заняты всякой рухлядью. Некоторые отведены под каюты и кубрики для команды... да, кстати, о кубриках: возвращаться пора.

С этим она отвела меня еще к одному трапу, ведущему на еще один решетчатый помост.

– Мне почему-то казалось, что нам нужно будет пройти сквозь потайную дверь за панелью... а может, по пути назад все это, как ты выразилась, барахло превратится в чудесный сад.

Гунни, покачав головой, широко улыбнулась.

– Похоже, кое-что на борту ты уже повидал. А еще ты поэт, верно? И, бьюсь об заклад, приврать мастер.

– Я был Автархом Урд, а на такой должности, видишь ли, без вранья не обойтись. Только мы называли его дипломатией.

– Ну, так позволь тебе сообщить: это обычный грузовой, рабочий корабль, и построен людьми, только не такими, как мы с тобой. Автарх... то есть ты правил всей Урд?

– Нет, правил я лишь небольшой ее частью, хотя считался законным правителем всей Урд целиком. И уже в самом начале путешествия знал, что, если добьюсь успеха, Автархом назад не вернусь. Но на тебя это, похоже, впечатления не произвело совершенно.

– Миров, – пояснила Гунни, – их ведь так много...

Внезапно она присела на корточки, прыгнула и взмыла в воздух, словно огромная синяя птица. Конечно, подобное я уже не раз проделывал сам, однако от женщины такого прыжка почему-то не ожидал. В прыжке она взвилась над помостом примерно на кубит, а то и меньше, и медленно, плавно опустилась прямым на него.

Кубрики для команды я неосознанно представлял себе помещением длинным и узким, тесным, как кубрик под полубаком «Самру». На деле они оказались многоярусным муравейником из множества просторных кают, выходящих дверями на галереи, одна над другой опоясывавшие ствол общей вентиляционной шахты. Здесь Гунни, сказав, что ей пора возвращаться на вахту, предложила мне поискать свободную каюту самому.

Я едва не ответил, что каюта, причем покинутая всего стражу назад, у меня уже есть, однако что-то мне помешало. Вместо этого я согласно кивнул и спросил, где лучше располо-

житься, имея в виду (и намек она поняла), какая каюта окажется ближе всего к ее. Гунни показала мне свою дверь, и на этом мы распрощались.

На Урд древние замки повинуются волшебным словам. Моя каюта – отдельная, апартаменты первого класса – запиралась на говорящий замок. Для отпираания люков никаких слов не требовалось, для двери, распахнутой перед нами Сидеро, тоже, однако замки оливково-зеленых дверей, ведущих в матросские отсеки, оказались точно такими же, как у меня. Две первые двери, к которым я подошел, сообщили, что охраняемые ими каюты уже заняты. Должно быть, механизмы замков были действительно древними: даже характер у каждого свой.

– Ай да каюта! Чудо, а не каюта! – воскликнул третий замок, приглашая меня войти.

Я спросил, давно ли в этой чудо-каюте кто-либо обитал.

– Точно не знаю, хозяин! Много рейсов назад.

– С «хозяином» не спеши, – велел я. – Я еще не решил поселиться именно здесь.

Ответа не последовало. Вне всяких сомнений, умственные способности подобных замков весьма и весьма ограничены, иначе они быстро выучились бы брать мзду... хотя еще быстрее повредились бы в уме. Слегка помедлив, дверь отворилась, и я вошел внутрь.

По сравнению с моей личной каютой эта роскошью не блистала: две узкие койки, платяной шкаф, рундук да санузел в углу. Вдобавок все вокруг покрывал такой толстый слой пыли, что я легко мог вообразить, как ее несет сюда серыми тучами сквозь вентиляционную решетку, хотя разглядеть эти тучи сумел бы лишь человек, наделенный некоей способностью сжимать время, подобно нашему кораблю... к примеру, живущий, как живет дерево, почитая год за день, или как Гьёлль, струющийся вдоль долины Несса, не зная счета сменам эпох.

Размышляя о подобных материях (причем думал я над ними изрядно дольше, чем писал о сем), я отыскал в платяном шкафу красную тряпку, смочил ее в умывальнике и принялся вытирать пыль, а протерев от пыли крышку рундука и стальную раму одной из коек, понял, что, пусть неосознанно, решил остаться здесь. Личную каюту я, разумеется, отыщу и ночевать чаще всего буду там, но...

Но и эту каюту оставлю за собой. Одолеет скука – вновь присоединюсь к команде и, таким образом, узнаю об управлении кораблем куда больше, чем в качестве пассажира.

Опять же, Гунни... Женщин в моих объятиях побывало довольно, чтоб не кичиться их числом (в скором времени замечаешь, что подобное единение если не укрепляет, то непоправимо увечит любовь), а еще мысли мои нередко занимала бедняжка Валерия, и все же я жаждал симпатий Гунни. В бытность Автархом друзей, кроме Отца Инире, у меня имелось отнюдь не много, а женщин, помимо Валерии, среди них не было вовсе. Улыбка Гунни чем-то напоминала беззаботное детство с Теей (как же мне до сих пор не хватает ее!) и долгий путь в Тракс вдвоем с Доркас. В то время я счел путешествие туда всего лишь изгнанием, и посему каждый день спешил, торопился вперед, но теперь понимал: во многих отношениях то была лучшая пора моей жизни.

Сознавая, что смачивал тряпку уже много раз, хотя и не помня, сколь много, я снова смочил ее, но, оглядевшись в поисках пыльных мест, не обнаружил пыли нигде.

С матрасом так запросто было не разделаться, однако его тоже следовало каким-то образом вычистить: грязен он оказался не меньше всего остального, а нам ведь наверняка не раз захочется на нем полежать. Вытащив матрас на мостки, нависавшие над вентиляционной шахтой, я принялся трясти, выбивать его, пока не выбил пыль без остатка.

Но, стоило мне, закончив работу, свернуть его, чтоб отнести в каюту, ветер принес из шахты дикий, безумный вопль.

IV. Обитающие в парусах

Кричали снизу. Перегнувшись через тонкие, точно лучинка, перила, я пригляделся, сощурился, и снизу снова донесся крик. Исполненный одиночества и гнетущей тоски, заскакал он среди ажурных металлических мостков, вновь и вновь отражаясь звонким эхом от металлических переборок многоярусных жилых кубриков.

На миг мне показалось, будто кричу я сам, будто нечто, сдерживаемое мною глубоко-глубоко внутри с той самой сумрачной предрассветной стражи, когда я шел вдоль берега моря с аквастором мастером Мальрубием, глядя, как распадается в мерцающую пыль аквастор Трискель, вырвалось на свободу, отделилось от меня и сейчас воет, воет где-то там, внизу, в неярком свете почти ничего не освещающих ламп.

Одолев соблазн перепрыгнуть через перила (глубины шахты я себе в то время даже не представлял), я швырнул матрас за порог новой своей каюты и устремился вниз по узкой винтовой лестнице, прыгая с пролета на пролет.

Сверху недра шахты казались попросту темными: странный свет желтых ламп бился о сумрак, царящий внизу, безо всякого толку. Я полагал, что темнота рассеется, стоит только спуститься на нижние ярусы, но нет, сумрак, напротив, сгущался и вскоре обернулся туманом, немедля напомнившим мне туманные покои Бальдандерса, только далеко не таким густым. Вдобавок воздушный вихрь со дна сделался заметно теплее – вероятно, туман, заволакивавший все вокруг, порождал теплый, насыщенный влагой воздух из корабельной утробы, смешиваясь с прохладой верхних ярусов. Спина под плотным бархатом рубашки немедля взмокла от пота.

Здесь двери многих кают оказались распахнуты настежь, однако внутри, за дверями, было темно. Очевидно – по крайней мере, так уж мне показалось – когда-то на этом корабле служило гораздо больше матросов, а может, на нем перевозили заключенных (кое-какие изменения в отданных замкам наставлениях, и каюты вполне сошли бы за камеры) либо солдат.

Вопль повторился вновь, и на сей раз ему вторил звук наподобие звона молота о наковальню, однако некие нотки подсказывали, что это вовсе не звон железа, но голос – голос живого, дышащего существа. По-моему, среди ночи, в безлюдной горной глуши, голоса эти казались бы куда жутче воя дикого волка. Какая тоска, какой ужас и одиночество, какая мука и безысходность слышались в них!

Остановившись отдышаться, я огляделся вокруг. Похоже, дальше, в нижних каютах, держали зверей, а может, безумцев – ведь и у нас, палачей, было заведено содержать обезумевших под пыткой клиентов на третьем, нижнем ярусе подземных темниц. Если так, кто поручится, что все двери заперты? Вдруг часть этих созданий вовсе не под замком, а на верхние ярусы не забирается лишь волею случая или из страха перед людьми? Сняв с пояса пистолет, я еще раз убедился, что он переключен на нижний предел мощности и полностью заряжен.

Первый же взгляд на виварий внизу подтвердил мои худшие опасения. У кромки ледника покачивались тонкие, как паутинка, деревья; звонко пел струящийся со скалы водопад; кверху тянулся желтый, бесплодный склон песчаной дюны, а среди всего этого бесцельно бродило около четырех дюжин самых разных зверей. Понаблюдав за ними на протяжении дюжины вдохов, я заподозрил, что свободы они все-таки лишены, а еще полсотни вдохов спустя убедился в том окончательно. Каждому был отведен собственный – кому просторный, кому поменьше – клочок земли, и смешаться друг с дружкой они не могли, подобно зверью, содержащемуся в клетках Медвежьей Башни. Ну и странную же эти звери составляли компанию! Пожалуй, такой причудливой коллекции не собрать, даже прочесав все леса и болота Урд в поисках живых диких животных. Одни из них лопотали нечто невнятное, другие, не мигая, взирали перед собой, но большая часть лежала неподвижно, словно в бесчувствии.

– Кто кричал? Что за шум! – рывкнул я, убрав пистолет в кобуру.

Конечно, то была просто шутка, предназначенная лишь для меня самого, однако в ответ где-то у дальнего края вивария жалобно заскулили, и я, огибая зверей узкой, почти незаметной тропинкой, протоптанной, как вскоре выяснилось, посылаемыми кормить их матросами, двинулся на голос.

Скулил тот самый косматый зверек, которого я помогал изловить в грузовом трюме. Стоило мне узнать его, на сердце стало теплее. С тех пор, как пинас увез меня из садов Обителя Абсолюта на борт этого корабля, я чувствовал себя так одиноко, что вторая встреча со столь странным на вид зверем казалась едва ли не воссоединением с давним-давним знакомым.

Вдобавок сам зверек тоже заинтересовал меня еще во время ловли. Когда мы гонялись за ним, он выглядел почти шарообразным, а теперь мне удалось разглядеть, что на самом-то деле это один из тех коротколапых (да и телом не слишком длинных) грызунов, что обитают в норах – иными словами, нечто вроде пищухи. Короткую настолько, что ее существование оставалось лишь принимать на веру, шею венчала круглая голова, казавшаяся попросту продолжением округлого туловища, четыре коротких лапы заканчивались четырьмя длинными, тупыми когтями и еще одним когтем поменьше, и все это, кроме пары блестящих, черных бусинок-глаз, покрывала гладкая, серовато-бурая шерсть.

Зверек замер, не сводя с меня взгляда.

– Бедный ты, бедный, – сказал я. – Как же тебя туда, в трюм, занесло?

Двигаясь куда медленнее (очевидно, страх его отпустил), зверек подошел к окружавшей его незримой ограде.

– Бедный ты, бедный, – повторил я.

Зверек, совсем как пищуха, поднялся на задние лапы, а передние скрестил поверх белого брюшка. Белую шерсть до сих пор пересекали обрывки черных шнуров. Увидев их, я вспомнил, что точно такие же прилипли к моей рубашке, и подцепил один ногтем. Со временем изрядно ослабшие, шнуры рассыпались в прах, и те, что оставались на шерсти зверька, надо думать, мало-помалу отваливались тоже.

Изловленный зверек негромко пискнул, и я инстинктивно потянулся погладить, успокоить его, будто испуганного пса, но тут же, опасаясь, как бы он не укусил меня либо не полоснул когтями, отдернул руку.

И тут же мысленно обругал себя за трусость. В трюме зверек никому не сделал ничего дурного, и даже схваченный мною, старался разве что вырваться, не помышляя ни о чем ином. Просунув сквозь ограду (нисколько мне не воспрепятствовавшую) указательный палец, я почесал его мордочку возле крохотной пасти. Зверек совершенно по-собачьи повернул голову в сторону, и я нащупал под шерстью маленькие ушки.

– Милая зверушка, а? – раздалось у меня за спиной.

Я обернулся. Позади стоял Пурн, тот самый матрос с вечной ухмылкой на губах.

– На вид он вполне безобиден, – ответил я.

– Они почти все... безобидны, – с легкой запинкой подтвердил Пурн. – Только чаще всего дохнут, и их уносит. Говорят, нам на глаза попадают считанные единицы.

– Гунни назвала их аппортами, – заметил я, – и я подумал... Их ведь приносят на корабль паруса, так?

Безучастно кивнув, Пурн тоже сунул палец сквозь ограждение и пощекотал зверька.

– Должно быть, соседние паруса – все равно, что два больших зеркала. А поверхности их выгнуты, и потому где-нибудь – а скорее всего, во многих местах – наверняка параллельны. И освещены звездами.

– Ну, да, – вновь кивнул Пурн. – Потому-то судно вперед и движется, как ответил шкипер на вопрос о его подруге.

– Знавал я некогда человека по имени Гефор, призывавшего и заставлявшего служить себе крайне опасных тварей. А от другого, по имени Водал – хотя Водалу, признаться, веры

мало, – слышал, будто Гефор призывает их с помощью зеркал, и один мой друг тоже творит волшебство с зеркалами, но его волшебство не из злых. Так вот, этот Гефор служил матросом на корабле вроде вашего.

Немедля оживившийся, Пурн оставил зверька в покое и повернулся ко мне.

– Название помнишь? – спросил он.

– Название его корабля? Нет. Названия он, кажется, ни разу не упоминал. Хотя, подожди-ка... он говорил, будто служил не на одном – на нескольких! «Долго служил я на кораблях сребропарусных, кораблях по сту мачт, достигавших самих звезд, долго плавал под их сверкающими кливерами, и Плеяды горели у нас за кормой»...

– А-а, – снова кивнул Пурн. – Кое-кто утверждает, что такой корабль на свете только один. Я порой думаю: правда ли, нет ли...

– Нет, таких наверняка много. Я ведь еще мальчишкой слышал рассказы о них – о кораблях какогенов, заходящих в порт на Луне.

– Это где же такая?

– Луна? Так называется спутник моего мира. Спутник Урд.

– Значит, речь о какой-нибудь мелочи шла, – рассудил Пурн. – Тендеры, катера и так далее. Спору нет, этаких-то каботажных скорлупок, порхающих между мирами всевозможных солнц, на свете целая прорва. Только этот корабль и другие такие же, если их вправду больше одного, обычно в подобные места не заходят. Могут, конечно, только дело это уж больно тонкое... да и камней вблизи от солнц мимо свищет немало.

На лестнице показался беловолосый Идас с охапкой садового инструмента.

– Привет! – крикнул он.

Я помахал ему.

– Делом нужно заняться, – негромко пробормотал Пурн. – Нам с этим поручено приглядывать за зверьем. Я как раз глядел, все ли с ними в порядке, вижу – тут ты... э-э... Как тебя, говоришь?..

– Севериан, – напомнил я. – Бывший Автарх – то есть правитель – Содружества, а ныне эмиссар Урд. Ее посол. Ты, Пурн, откуда родом? С Урд?

Пурн призадумался.

– Вряд ли... но, может, и да. Луна там какая? Большая, белая?

– Нет, зеленая. Наверное, ты с Верданди: я читал, ее луны светло-серые.

– Даже не знаю, – пожав плечами, ответил Пурн.

– Чудесно, должно быть, – сказал подошедший к нам Идас.

Что он имел в виду, я себе даже не представлял.

Пурн отвернулся и двинулся прочь от нас, поглядывая на зверей.

– Ты на его счет не беспокойся, – заговорщически шепнул мне Идас. – Он просто боится, как бы я не донес на него – что бездельничает во время вахты.

– А ты не боишься, что я донесу на тебя? – спросил я.

Сам не знаю, что меня в этом Идасе так раздражало – возможно, всего лишь его кажущаяся слабость.

– О, так ты знаком с Сидеро?

– Полагаю, с кем я знаком, кроме меня никого не касается.

– По-моему, не знаешь ты никого, – заявил он, но тут же, словно допустив всего-навсего мелкую бестактность, добавил: – Но, может, и знаешь. Или я могу тебя с нашими познакомить. Если хочешь, только скажи.

– Хочу, – ответил я. – Познакомь меня с Сидеро при первой же возможности. А теперь я требую, чтоб меня препроводили в личную каюту.

– Ладно, – кивнул Идас. – А ты не против, если я как-нибудь загляну к тебе туда, побеседовать? Ты ведь, не в обиду тебе будь сказано, в кораблях ничего не смыслишь, а я ничего не знаю о местах вроде... э-э...

– Вроде Урд?

– О мирах вообще. Только на картинках кое-что видел, и это все... если их не считать, – пояснил он, взмахом руки указав на зверей. – Отвратительные твари, все до единого. Но, может, там, на мирах, есть и другие, добрые, только такие до палуб не добираются никогда. Гибнут.

– Но ведь и эти, конечно же, далеко не все злы.

– О-о, все, – заверил меня беловолосый. – Все поголовно. И я, вынужденный убирать за ними, кормить их, а когда нужно, регулировать состав атмосферы, куда охотнее перебил бы этих тварей, не пощадив ни одной, но в таком случае Сидеро и Зелезо изобьют меня.

– Не удивлюсь, если даже убьют, – сообщил я, охваченный отвращением к этому жалкому человечешке, готовому по злобе погубить столь великолепную коллекцию живых созданий. – По-моему, так вышло бы вполне справедливо. С виду ты сам – будто из их числа.

– О, нет, – без тени улыбки возразил он. – Это тебе, и Пурну, и всем остальным среди них самое место. А я рожден здесь, на борту корабля.

Что-то в его манерах подсказывало: он просто старается вовлечь меня в разговор и с радостью затеет со мной перепалку, лишь бы я не умолк. Я, со своей стороны, разговаривать не желал вовсе, а уж браниться с кем-либо – тем более. Устал я так, что едва не валился с ног, и вдобавок зверски проголодался, и посему сказал:

– Если мое место в этом собрании экзотического зверья, ты обязан позаботиться о моем пропитании. Где тут камбуз?

С ответом Идас замешкался, явно обдумывая, чего бы потребовать от меня взамен (к примеру, ответов на семь вопросов об Урд, а после он, так и быть, укажет мне путь), но тут же сообразил, что, едва заикнувшись об этом, получит изрядную трепку, и, пусть довольно брюзгливо, объяснил, как добраться до камбуза.

Одно из преимуществ памяти вроде моей, сохраняющей все, не упуская ни единой мелочи, состоит в том, что в подобных случаях она вполне заменяет бумагу (может статься, других преимуществ у нее и нет). Однако на сей раз пользы она принесла не больше, чем в тот вечер, когда я пытался отыскать постоянный двор, руководствуясь указаниями лохага пельтастов, остановивших меня на мосту через Гьёлль. Несомненно, Идас, не по заслугам переоценив мое знакомство с внутренними помещениями корабля, рассудил, что считать двери и повороты с доскональной точностью мне ни к чему.

Вскоре я понял, что заплутал. Вместо двух расходящихся в стороны поворотов передо мной оказалось целых три, а обещанного трапа не оказалось вовсе. Вернувшись назад, я отыскал место, где (как полагал) сбился с дороги, и начал поиски заново. И почти сразу же очутился в широком, прямом коридоре – именно таком, какой, по словам Идаса, вел к камбузу. Рассудив, что на полпути отклонился от предписанного маршрута, но теперь-то иду куда надо, я в весьма приподнятом настроении двинулся дальше.

По корабельным меркам коридор этот действительно был изрядно широк и извилист. Воздух, вне всяких сомнений, поступал сюда прямым из устройств, ведавших его циркуляцией и очисткой, так как пахло вокруг южным бризом в дождливый весенний день. Из-под ног вдаль тянулся не пол из странной зеленой травы, не решетчатые настилы (их я уже ненавидел всем сердцем), но полированные плашки паркета, погребенного под толстым слоем прозрачного лака. Стены – в матросских кубриках темные, мертвенно-серые – сделались белыми, а раз или два на глаза мне попадались мягкие скамьи, придвинутые спинкой к стене.

Коридор свернул вбок – раз, другой, и дальше путь пошел слегка «в горку», хотя ноги несли тяжесть тела с такой легкостью, что в этом нетрудно было усомниться. На стенах появи-

лись картины, и некоторые из этих картин двигались, а на одной оказался изображен наш корабль, как будто запечатленный живописцем, находящимся где-то далеко-далеко. Не удержавшись, я остановился взглянуть на картину внимательнее и содрогнулся при мысли, как близок был к тому, чтоб самому полюбоваться им с расстояния столь же далекого.

Еще поворот... но на сей раз за поворотом оказался тупик: здесь коридор завершался круглой площадкой, окруженной кольцом дверей. Наугад выбрав одну из них, я переступил порог. За дверью обнаружился узкий проход, настолько темный после белизны стен коридора, что разглядеть удавалось лишь лампы над головой.

Вскоре мне сделалось ясно, что коридор привел меня к люку – первому люку, попавшему на глаза после возвращения на борт. Не успевший забыть о страхе, навеянном прекрасной и ужасающей картиной, я поспешил извлечь из кармана ожерелье и убедиться, что оно не сломалось.

Узкий проход дважды свернул вбок, раздвоился, сделался извилистым, точно змеиный след на песке.

Еще десяток шагов – и из-за двери, распахнувшейся при моем приближении, повеяло восхитительным ароматом жареного мяса, а звонкий металлический голос ее замка произнес:

– С возвращением, хозяин!

Заглянув в проем двери, я обнаружил за нею свою каюту. Не ту, разумеется, которую занял в матросских кубриках, но личные апартаменты, покинутые, дабы отправить свинцовый ларец в полет, навстречу величественному сиянию новой вселенной, родившейся на свет всего стражу-другую тому назад.

У. Герой и иеродулы

Не обнаружив меня в каюте, стюард, принеся еду, оставил ее на столе. Жаркое под полушарием колпака еще не успело остыть, и я, неописуемо проголодавшийся, истребил его без остатка – как и свежесдобитый хлеб с подсоленным маслом, и сельдерей со скорцонерой, не говоря уж о красном вине. Покончив с едой, я разделся, вымылся и уснул.

Разбудил меня, встряхнув за плечо, все тот же стюард. Странно, однако взойдя на борт, я, Автарх всея Урд, почти не обращал на него внимания, хотя именно он приносил мне пищу и охотно выполнял всевозможные мелкие поручения; несомненно, эта готовность услужить и делала его столь незаслуженно неприметным. Теперь же, когда я сам стал членом команды, он словно бы повернулся ко мне другим, новым лицом.

Именно это лицо – грубоватое, однако с виду весьма разумное, глаза поблескивают от затаенного волнения – и нависло надо мною сейчас.

– Тебя хотят видеть, Автарх, – негромко пробормотал стюард.

Я сел.

– Кто же? Особа столь важная, что ты счел уместным разбудить меня ради нее?

– Именно так, Автарх.

– Должно быть, это сам капитан корабля.

Уж не ждет ли меня порицание за самовольный выход на палубу? Ожерелье мне выдали для экстренных случаев... но нет, это представлялось маловероятным.

– Нет, Автарх. Уверен, наш капитан тебя уже видел. Тебя ожидают трое иеродул, Автарх.

– Вот как? – хмыкнул я, дабы выиграть время. – Не голос ли капитана я слышу порой в коридорах? Когда он мог видеть меня? Я встречи с ним не припоминаю.

– Не могу знать, Автарх. Однако не сомневаюсь: наш капитан тебя видел. Возможно, не раз и не два. Капитан видит всех.

– Неужели? – усомнился я, переваривая намек на существование внутри корабля второго, тайного корабля на манер Тайной Обители в недрах Обители Абсолюта и надевая свежую рубашку. – Должно быть, это изрядно отвлекает его от других дел.

– Не думаю, Автарх. Они ждут снаружи... не мог бы ты поспешить?

Разумеется, после этого я начал одеваться неторопливее прежнего. Чтоб вынуть из пропылившихся брюк пояс, с него пришлось снять пистолет и нож, найденный для меня Гунни. Услышав от стюарда, что ни то ни другое мне не понадобится, я, как это ни глупо, вновь нацепил на пояс и ножны, и кобуру, точно собрался устроить смотр вновь сформированному подразделению демилансеров. Изрядно длинный, нож недотягивал до звания меча разве что самую малость.

Мне даже в голову не пришло, что этой троицей могут оказаться Оссиаго, Барбат и Фамулим. Насколько я мог судить, они остались далеко позади, на Урд и на борт пинаса со мной уж точно не поднимались, хотя, разумеется, судно у них имелось свое. Однако в эту минуту все трое предстали передо мной, точно так же (и в точности так же скверно) наряженные людьми, как и в замке Бальдандерса, при первом нашем знакомстве.

Оссиаго отвесил мне столь же неловкий, как и прежде, поклон, а Барбат и Фамулим склонились передо мной с прежней грацией. Ответив на их приветствие со всем возможным радушием, я предложил, раз уж им хочется поговорить со мною, пройти ко мне и загодя извинился за беспорядок в апартаментах.

– Нет, войти к тебе мы не можем при всем желании, – ответила Фамулим. – Комната, куда мы тебя приглашаем, не так уж далеко.

Голос ее, как и прежде, звучал, словно пение жаворонка.

– Каюты вроде твоей не столь безопасны, как нам хотелось бы, – сочным, мужественным баритоном добавил Барбат.

– Тогда ведите. Идемте, куда вам угодно, – согласился я. – Знаете, я искренне рад вновь увидиться с вами. Ведь ваши лица, пусть они и фальшивы, знакомы мне по родным краям.

– Вижу, ты знаешь нас, – заметил Барбат, стоило всем нам двинуться вдоль коридора. – Но, боюсь, лица, таящиеся под этими, для тебя слишком ужасны.

Идти рядом вчетвером ширина коридора не позволяла, и посему мы с Барбатом шли впереди, а Фамулим и Оссипаго следовали за нами. Совладать с отчаянием, охватившим меня в этот миг, удалось далеко не сразу.

– Выходит, для вас эта встреча первая? – спросил я. – Прежде вы со мной не встречались?

– Да, Севериан, – переливчато отозвалась Фамулим, – мы с тобой незнакомы, но ты-то нас знаешь много урдских лет! Я заметила, как ты обрадовался, едва нас увидев. Очевидно, встречались мы часто, и мы – друзья.

– Однако больше не встретимся, – вздохнул я. – Расставшись со мной, вы отправитесь вдоль тока времени вспять, в прошлое, и потому этот раз для вас первый, а для меня, как ни жаль, станет последним. При первой встрече ты сказала: «Добро пожаловать! Для нас нет радости большей, чем радость встречи с тобой, Севериан», – а перед расставанием погрузнела. Я это прекрасно помню – я все помню великолепно, как тебе некогда было известно. К примеру, как ты перед взлетом помахала с борта вашего корабля мне, оставшемуся на крыше замка Бальдандерса под проливным дождем.

– Памятью сродни твоей может похвастать лишь Оссипаго, – прошептала Фамулим, – но этой встречи я не забуду.

– Значит, настал мой черед сказать «добро пожаловать»... и мой черед тосковать: ведь нас ждет разлука. Я знаю вас уже больше десяти лет и знаю, что жуткие лица под этими масками тоже всего лишь маски – в день первой встречи Фамулим сняла и ту и другую, и уже не впервые, хотя тогда я этого еще не понимал. Знаю, что Оссипаго – машина, но не такая ловкая, проворная, как Сидеро; он ведь, сдается мне, тоже машина, а не человек...

– Его имя означает «железо», – впервые подал голос Оссипаго. – Правда, лично я с ним незнаком.

– А твое означает «растящий кости». Ты заботился о Барбате и Фамулим в детстве, приглядывал, чтобы они были сыты и ухожены, и с тех пор остаешься при них. Об этом мне как-то рассказывала Фамулим.

– Вот мы и пришли, – объявил Барбат, распахнув передо мной дверь.

В детстве нам представляется, будто любая неотворенная дверь может вести к чуду, в края, непохожие ни на одно из знакомых мест. Отчего? Оттого, что в детстве нередко так и случается: не знающий ничего, кроме родного дома, малыш приходит в восторг от всего нового, тогда как взрослому новизна привычна. Когда я был всего лишь мальчишкой, дверь одного мавзолея казалась мне вратами в сказку, и, переступая порог, я отнюдь не разочаровывался. Здесь, на корабле, не ведая о нем ничего, я вновь стал ребенком, для которого все вокруг вновь.

Покои, куда ввел меня Барбат, оказались для взрослого Севериана – Автарха Севериана, обладателя всего жизненного опыта Теклы, и прежнего Автарха, и еще доброй сотни самых разных людей – чудом не меньшим, чем в детские годы тот мавзолей. Тут крайне велик соблазн написать, будто я переступил границу подводного царства, но это было не так. Скорее, мы словно бы погрузились... не в воду, но в некую иную жидкость, являвшую собой точно такой же другой мир, как глубины морские в отношении Урд, хотя, может статься, нас и впрямь со всех сторон окружила вода, однако ж настолько холодная, что в любом из озер Содружества немедля застыла бы льдом.

Полагаю, такое впечатление создавал свет – свет, ледяной ветер, гулявший по залу, чудом не замерзая на лету, да множество самых разных цветов, нежнейших оттенков зеленого, плавно

переходящего где в черный, где в синий: виридиан, берилл, аквамарин с вкраплениями мрачно-ватого, тускло поблескивавшего золота и пожелтевшей от времени слоновой кости.

Меблировка покоев нисколько не походила на мебель в нашем, человеческом понимании. Составляли ее пестрые плиты, с виду будто бы каменные, но проминающиеся, если ткнуть пальцем, косо прислоненные к стенам и в беспорядке разбросанные по полу. С потолка лохмотьями свисало множество разнокалиберных лент, столь легких, что при едва ощутимом приращении корабля они, казалось, вовсе не нуждались в каких-либо креплениях. Насколько я мог судить, воздух в покоях был так же сух, как и в коридоре, однако в лицо хлестнуло мельчайшей, призрачной ледяной моросью.

– Это странное место и служит вам апартаментами? – спросил я Барбата.

Барбат кивнул и снял маски одну за другой. Под масками оказалось прежнее, некогда довольно красивое, до боли знакомое нечеловеческое лицо.

– Мы видели покои, что строят твои собратья. Нам в них неуютно не меньше, чем тебе, вне всяких сомнений, здесь, а поскольку нас трое...

– Двое, – поправил его Оссипаго. – Мне все равно.

– Нет, я ничуть не в обиде, я восхищен! Увидеть, как вы живете, когда у вас есть возможность устроиться на свой, привычный манер, для меня великая честь!

Избавившись от фальшивого человеческого лица, Фамулим сняла и другое, личину неведомого глазастого чудища с полной пастью игольно-острых зубов, и я (в последний, как полагаю, раз) увидел ее подлинную красоту богини, не рожденной от женщины.

– Вот видишь, Барбат, как быстро выяснилось, что этот несчастный народ, с которым нам предстоит познакомиться, даже не подозревающий о вещах, нам хорошо известных, способны на высшую степень учтивости, будучи гостями!

Вдумавшись в смысл ее слов, я наверняка не сдержал бы улыбки, однако все мое внимание было поглощено осмотром необычайной каюты.

– Еще мне известно, – наконец сказал я, – что ваша раса сотворена иерограмматами по образцу и подобию расы, когда-то сотворившей их самих. Теперь же я вижу – вернее, полагаю, будто вижу: в прошлом вы были обитателями озер и речных омутов, «келпи», как говорят у нас в деревнях.

– На нашей родине, – ответил Барбат, – жизнь, как и у вас, зародилась в морях. Но отголосков сего давнего, туманного прошлого в устройстве наших жилищ не больше, чем в ваших жилищах – памяти о деревьях, по ветвям которых скакали твои прародители.

– Не рано ли затевать ссоры? – пророкотал Оссипаго, так и не снявший маски (наверное, оттого, что ему маскарад не доставлял никаких неудобств: правду сказать, без маски я его не видел ни разу).

– Он прав, Барбат, – пропела Фамулим и обратилась ко мне. – Ты, Севериан, покидаешь свой мир. Мы трое, подобно тебе, покидаем свой. Мы поднимаемся вверх против течения времени, тебя же ток времени несет вниз. Потому мы с тобою и здесь, на борту этого корабля. Для тебя годы дружбы с нами, годы наших напутствий уже позади, а для нас только начинаются. И начнем мы их, Автарх, вот с какого совета. Для спасения солнца вашей расы необходимо только одно: ты должен послужить Цадкиэлю.

– Кто это, и каким образом я должен ему послужить? – спросил я. – Я о нем никогда ничего не слышал.

– Что вовсе неудивительно, – хмыкнул Барбат, – поскольку Фамулим не следовало называть тебе этого имени. Больше мы им не воспользуемся. Однако он – особа, упомянутая Фамулим, – судья, назначенный разбирать твое дело. Как и следовало ожидать, он иерограммат. Что тебе известно об иерограмматах?

– Немногое, помимо того, что они ваши повелители.

– Тогда твои знания воистину ничтожны: даже это неверно. Вы называете нас иеродулами, но слово это не наше, а ваше, так же, как и слова «Барбат», «Фамулим» и «Оссипаго», выбранные нами, во-первых, за необычность, а во-вторых, потому, что описывают нас лучше любых других ваших слов. Знаешь ли ты, что означает слово «иеродулы» – слово из твоего же собственного языка?

– Я знаю, что вы – существа, принадлежащие к этому мирозданию, созданные обитателями следующей вселенной, дабы служить им здесь. А служба, порученная вам ими, заключена в формировании нашей расы, людей, кровных родичей тех, кто создал их в эпоху предыдущего творения.

– «Иеродулы», – переливчатой трелью отозвалась Фамулим, – сиречь «священные рабы». Как же мы можем считаться священными, если не служим Предвечному? Он – наш «владыка» и только он.

– Ты ведь командовал армиями, Севериан, – добавил Барбат. – Ты царь, герой – или, по крайней мере, был таковым, пока не оставил свой мир. Впрочем, возможно, на трон ты еще вернешься, если не выдержишь испытания. Так вот, кто-кто, а ты должен знать: солдат служит вовсе не поставленному над ним офицеру – точнее сказать, должен служить не ему. Солдат служит своему роду, своему племени, а от офицера лишь получает команды.

– Понимаю, – согласно кивнул я. – Значит, иерограмматы – ваши офицеры. Возможно, вам еще неизвестно, что вместе с верховной властью я унаследовал память предшественника и знаю, что он пробовал выдержать предстоящее мне испытание, но не сумел. И мне все это время казалось, что обошлись с ним, вернув его, лишеного мужской силы, назад, глядеть, как Урд с каждым днем приходит в упадок, и держать за все это ответ, сознавая: это он, он пустил прахом единственную возможность исправить положение к лучшему, крайне жестоко.

Неизменно серьезное лицо Фамулим сделалось серьезнее прежнего.

– Его память, и только? И это все, Севериан?

Впервые за многие годы почувствовал я, как кровь приливает к щекам.

– Нет, я солгал, – признался я. – Я и есть он – в той же степени, что и Текла. Все вы мне друзья, а друзей у меня исчезающе мало, и лгать вам не стоило... хотя я так часто вынужден лгать себе самому!

– Тогда, Севериан, – пропела Фамулим, – ты должен знать, что кара лишь одна, одна для всех. Но, тем не менее, чем ближе к успеху, тем сильнее душевная боль, и сей закон мы изменить не в силах.

Снаружи, из коридора, донесся крик. Кричали довольно близко. Но стоило мне двинуться к двери, крик оборвался на той самой булькающей нотке, означающей, что горло кричащего переполнено кровью.

– Севериан, стой! – рявкнул на меня Барбат.

Оссипаго поспешно загородил собой дверь.

– Мне осталось сказать лишь одно, – настойчиво, размеренно продолжила Фамулим, – Цадкиэль и справедлив, и добр. И посреди страданий помни это.

Я повернулся к ней. Слова сорвались с языка сами собой:

– Помнится мне... помнится мне, прежний Автарх своего судьи даже не видел! Я не мог вспомнить имени, потому что предшественник мой изо всех сил старался забыть его, но теперь мы с ним вспомнили все, и имя это – Цадкиэль! А ведь прежний Автарх был человеком куда добрей Севериана, куда справедливее Теклы... На что надеяться Урд сейчас?

Кому – быть может, Текле, а может, одной из расплывчатых теней за спиной Старого Автарха – принадлежала потянувшаяся к пистолету рука, я сказать не могу, и, мало этого, даже не подозреваю, в кого (если не в меня самого) она собиралась стрелять. Однако кобуры пистолет так и не покинул: Оссипаго, обхватив меня со спины, накрепко прижал мои локти к ребрам.

– Решать Цадкиэль, не нам, – спокойно ответила Фамулим. – А Урд может рассчитывать на все, что по силам тебе.

Возможно, дверь, не отпуская меня, каким-то образом умудрился открыть Оссипаго, а может, она отворилась сама, по команде, которой я не расслышал. В следующий миг Оссипаго рывком развернул меня к двери и вытолкнул в коридор.

VI. Смерть и тьма

Кричал стюард. Теперь он лежал ничком посреди коридора, так что изрядно потертые подметки его тщательно начищенных ботинок покоились в каких-то трех кубитах от моей двери. Клинок, перерезавший горло, едва не отсек ему голову. Возле правой руки на полу лежал складной нож, так и оставшийся сложенным.

Десять лет я носил при себе черный коготь, выдернутый из плеча на берегу Океана. Взойдя на трон, достигнув вершины власти, я нередко пытался пустить его в дело, но всякий раз безрезультатно, а последние восемь лет практически не вспоминал о нем. Теперь же я вынул коготь из крохотного кожаного мешочка, сшитого Доркас в Траксе, и коснулся им лба стюарда в попытке снова проделать то же, что и с больной девочкой в хакале возле обрыва, и с обезьяночеловеком у водопада близ Сальта, и с погибшим уланом.

Продолжать ужасно не хочется, но все же я постараюсь описать, что произошло дальше. Некогда, в плену у Водала, меня укусила летучая мышь из тех, что питаются кровью. Боли я почти не почувствовал, однако нарастающее истощение сил становилось все притягательнее и притягательнее, а когда я, брыкнув ногой, вспугнул мышь посреди трапезы, порыв ветра, поднятого ее темными крыльями, показался мне дыханием самой Смерти. Так вот, все это было лишь призраком, предощущением того, что я почувствовал в следующий миг. Для себя самого каждый из нас – сердцевина всего мироздания, а тут мироздание, подобно истлевшим лохмотьям клиента, с треском разорвалось в клочья, обернулось невесомой серой пылью и развеялось без остатка.

Долгое время я, охваченный дрожью, лежал в темноте. Возможно, сознания и не утратил, но сам этого уж точно не сознавал – чувствовал только кроваво-алую боль со всех сторон да невероятную слабость, должно быть, знакомую одним лишь умершим. Наконец во мраке вспыхнула искорка. Полагавший, будто ослеп, я подумал, что ее крохотный огонек сулит пусть призрачную, но все же надежду, приподнял голову и сел, хотя это стоило мне, дрожащему, ослабшему до предела, неопишуемых мук.

Бесконечно крохотная, словно солнечный зайчик на острие иглы, искорка вспыхнула вновь. Замерцала она у меня на ладони, однако угасла прежде, чем я успел осознать это, исчезла во мраке задолго до того, как я, сумев шевельнуть онемевшими пальцами, обнаружил, что они скользки от моей собственной крови.

Огоньком сиял коготь – тот самый твердый, острый, черного цвета шип, вонзившийся мне в плечо многие годы назад. Должно быть, стиснув кулак, я вогнал шип во вторую фалангу указательного пальца, да так, что острие, вонзившись в кожу, вышло из ранки наружу в другом месте, будто рыболовный крючок. Почти не почувствовав боли, я выдернул коготь из пальца и сунул в мешочек, тоже скользкий от моей крови.

Сомнений не оставалось: да, я ослеп. Гладкая поверхность, на которой я лежал, казалась не более чем полом знакомого коридора, а обшитая панелями стена, которую я нащупал, как только поднялся на ноги, легко могла оказаться его стеной. Однако коридор был прекрасно освещен. Кто же уволок меня оттуда в это темное место и что со мною проделал? Отчего все тело так жутко болит?

Совсем рядом страдальчески застонали. Сообразив, что стон мой собственный, я поспешил зажать рот ладонью.

В юности, путешествуя с Доркас из Несса в Тракс, а из Тракса (как правило, без спутников) в Орифию, я всегда имел при себе кресало и кремень для разведения костров. Сейчас у меня с собой ничего подобного не оказалось. Обшарив и память, и карманы в поисках хоть какого-нибудь источника света, я не придумал ничего лучшего, как воспользоваться пистоле-

том. Вынув оружие из кобуры, я набрал в грудь побольше воздуха, чтоб криком предостеречь тех, кто мог угодить под выстрел, и только тут додумался позвать на помощь.

Ответа на зов не последовало. Чьих-либо шагов я, как ни прислушивался, не расслышал тоже. Убедившись, что пистолет по-прежнему переключен на самую малую мощность, я твердо решил стрелять.

Выстрелю одиночным. Не увижу фиолетовой вспышки – значит, я вправду потерял зрение. А если так, не расстаться ли заодно и с жизнью, пока необходимое для сего отчаяние не утратило силу? Или прежде проверить, чем мне сумеют помочь на борту корабля? (Правда, пусть даже сам я – то есть мы – и предпочтем гибель, права расстаться с жизнью у нас попросту нет. Кроме нас, Урд надеяться не на кого.)

Коснувшись свободной левой рукой стены, чтоб без ошибки направить ствол вдоль коридора, я поднял пистолет вровень с плечом, подобно стрелку, целящемуся вдаль.

Вдруг впереди замерцал огонек величиной с булавочную головку: точно таким же алым огоньком сияет Верданди сквозь пелену облаков. Это зрелище оказалось столь неожиданным, что я почти не почувствовал, как вспоротый когтем палец вдавил в рукоять спусковой крючок.

Луч выстрела рассек мрак надвое. Фиолетовая вспышка выхватила из темноты тело стюарда, полуоткрытую дверь моей каюты и смутный силуэт человека, скорчившегося от боли. В руке незнакомца блеснула сталь.

Мгновение – и все вокруг вновь окуталось мраком, однако я убедился, что не ослеп. Как мне ни худо, как ни ломит каждую косточку (казалось, меня, подхваченного смерчем, швырнуло о каменный столб), я вижу! Вижу!

Итак, со зрением все в порядке, просто на корабле отчего-то темно, будто ночью.

Невдалеке снова раздался стон – человеческий, однако этот голос принадлежал не мне. Выходит, в коридоре, кроме меня, все-таки есть еще кто-то, и этот кто-то намеревался лишить меня жизни: предмет, блеснувший в его руках, не мог оказаться ничем иным, кроме клинка некоего оружия. На малой мощности луч пистолета опалил его, как некогда ослабленные до предела лучи пистолетов иеродулы опалили Бальдандерса. Разумеется, оказаться здесь, в коридоре, Бальдандерс не мог, однако противник мой тоже, подобно гиганту Бальдандерсу, остался жив... и, возможно, явился по мою душу не в одиночестве. Пригнувшись к полу, я ощупью отыскал мертвое тело стюарда, перебрался через него, словно увечный паук, все так же на ощупь добрался до двери в собственную каюту и заперся изнутри.

Лампа, при свете коей я переписывал рукопись, не горела, как и светильники в коридоре, однако стоило мне нащупать в темноте секретер, под руку подвернулась палочка воска. Тут-то я и вспомнил о золотой свече, на которой растапливал воск, – о свече, заживавшейся от нажатия кнопки. Хранилось сие хитроумное устройство в одном отделении с воском, в специальном гнезде, однако на прежнем месте его не оказалось. Вскоре я обнаружил его среди прочего хлама на откидной доске для письма.

От первого же прикосновения к кнопке свеча вспыхнула ярким желтым огнем, осветив разгромленную каюту. Вся моя одежда, разбросанная по полу, оказалась распорота, разодрана по швам. Чей-то острый клинок от края до края взрезал матрас. Среди ключев одежды в беспорядке валялись перевернутые, опорожненные ящики секретера и книги, и даже сумки, в которых мои пожитки доставили на борт, были располосованы в лоскуты.

Поначалу я было счел все это обычным вандализмом, учиненным кем-либо из моих ненавистников (а на Урд таковых имелось немало), не заставшим меня во сне и таким образом выплеснувшим накопленную ярость. Однако недолгие размышления привели меня к иному выводу: разгром в каюте казался слишком уж обстоятельным. Почти сразу же после того, как я покинул апартаменты, в каюту кто-то проник. Несомненно, иеродулы – ведь их время течет вспять, навстречу привычному для нас току времени – предвидели его появление и послали за мной стюарда, главным образом, ради того, чтоб я не столкнулся со злоумышленником нос к

носу. Обнаружив мое отсутствие, неизвестный злоумышленник принялся обыскивать каюту, причем искал нечто совсем небольшое – то, что легко спрятать хоть в воротнике рубашки.

За чем бы он ни явился, сокровище у меня имелось всего одно – врученное мастером Мальрубием письмо, удостоверяющее, что я законный Автарх всея Урд. Грабежа я не ожидал, а посему прятать его даже не думал – попросту сунул в ящик секретера среди прочих бумаг, прихваченных с Урд, и, разумеется, письмо оттуда исчезло.

Выходя из моих апартаментов, грабитель столкнулся со стюардом, а тот, должно быть, заподозрил неладное и остановил его. Этого так оставлять было нельзя, поскольку стюард смог бы после описать мне грабителя. Грабитель обнажил оружие, стюард, защищаясь, выхватил складной нож, но, увы, не успел его даже раскрыть. Я, разговаривая с иеродулами, услышал его крик, однако выбежать за порог – и столкнуться с грабителем – мне помешал Оссипаго. Здесь все было предельно ясно.

А вот далее следовало самое странное во всем этом происшествии. Обнаружив тело стюарда, я попытался оживить его, воспользовавшись вместо настоящего Когтя Миротворца шипом с кустов на берегу Океана. Из этой затеи ничего не вышло, однако все прежние попытки воззвать к неведомой силе, которой я повелевал, обладая подлинным Когтем, тоже завершились ничем. (Первой такой попыткой, кажется, было прикосновение к даме, заключенной в наших подземных темницах, любительнице обставлять комнату мебелью из похищенных детей).

Все эти неудачи, однако ж, не повлекли за собой никаких катаклизмов, подобно словам не из числа слов власти: слово произнесено, а двери просто не отворяются, и делу конец. То же самое выходило и с моими стараниями: прикосновения попросту не приводили ни к исцелению, ни к ресусцитации.

На этот же раз дело обернулось совсем по-другому. Оглушило меня так, что дурнота и слабость не отпускали до сих пор, а я даже не догадывался, что, собственно, произошло... но это, как сие ни противоречиво, вселяло надежду. По крайней мере, произошло хоть что-то, пусть даже едва не стоившее мне жизни.

Что б ни случилось, в результате я лишился чувств, а вокруг стало темно, хоть глаз выколи. Осмелевший грабитель вернулся. Вернулся и, услышав мой крик о помощи (на какой любая благонамеренная особа откликнулась бы непременно), рассудил, что со мною самое время покончить.

Все эти мысли промелькнули в голове куда быстрее, чем я их описываю. Набирающий силу ветер крупница за крупницей, зерно за зерном уносит нашу новую землю к ушедшим под воду землям Содружества, но, прежде чем удалиться в беседку и лечь спать, я напишу еще кое о чем, а именно – о единственном дельном выводе, к которому все они привели. Возможно, подумалось мне, грабитель, раненный выстрелом, еще лежит в коридоре, а если так, его неплохо бы расспросить и о движущих им побуждениях, и о сообщниках, буде таковые имеются. Загасив свечу, я как можно тише отворил дверь, выскользнул за порог, замер, прислушался и рискнул зажечь ее снова.

Враг мой исчез, но в остальном за дверью все осталось по-прежнему. Убитый стюард лежал замертво, рядом валялся его складной нож. В освещенном желтым колеблющимся огоньком коридоре не было ни души.

Опасаясь, как бы свеча не прогорела или не выдала меня, я погасил ее снова. В ближнем бою найденный для меня Гунни охотничий нож казался куда удобнее пистолета. Вооружившись ножом, а свободной рукой касаясь стены коридора, я осторожно двинулся вперед, на поиски апартаментов иеродул.

Сопровождаемый Фамулим, Барбатом и Оссипаго, я не обращал внимания ни на расстояние, ни на направление, но помнил каждую пройденную дверь и почти каждый сделанный

мною шаг. Конечно, путь занял куда больше времени, чем в первый раз, однако нужную дверь я (во всяком случае, по собственным ощущениям) отыскал без ошибки.

На стук в дверь отклика не последовало. Прижавшись к ней ухом, я не услышал за дверью ни шороха и постучал вновь, громче, и вновь ничего не добился. Тогда я забарабанил в дверь рукоятью ножа.

Когда и это не принесло результата, я прокрался сквозь мрак к дверям справа и слева (хотя та и другая от первой отстояли далековато, а я был уверен, что обе – не те), постучал в них, однако на стук снова никто не ответил.

Вернуться к себе в каюту означало бы напрашиваться на новое покушение, и я от всего сердца поздравил себя с тем, что загодя подыскал еще одну. Все бы хорошо, вот только единственный известный мне путь к ней вел мимо двери в мои апартаменты. Помнится, изучая историю предшественников и воспоминания тех, чьи личности слились воедино с моей, я был поражен, сколь многие из них лишились жизни, повторив некий рискованный поступок – к примеру, лично возглавив последнюю победную атаку, либо инкогнито нанося прощальный визит какой-нибудь пассии в городе. Воскресив в памяти дорогу к матросским кубрикам, я рассудил, что смогу догадаться, в какой части корабля находится новое пристанище, и решил, пройдя коридором, свернуть, где удастся, в сторону, обогнуть прежнюю свою каюту, затем вернуться назад, в коридор, а там уже следовать к цели.

Изрядно утомившие меня блуждания по кораблю я, дабы не утомлять оными и тебя, гипотетический мой читатель, описывать здесь не стану. Довольно будет упомянуть, что со временем я отыскал трап, ведущий на нижний ярус, и коридор, вроде бы пролежавший прямо подо мною покинутым, но вскоре завершившийся еще одним трапом, ведущим вниз, в темный, как подземелье, лабиринт галерей, мостков, лесенок и узких проходов. Здесь пол под ногами заметно подрагивал, а воздух с каждым шагом вперед становился все более жарким и влажным.

Довольно долгое время спустя знойный сквозняк принес с собой едкий, до боли знакомый запах. Столь часто похвалявшийся безупречной памятью, я двинулся дальше, вынюхивая дорогу, словно ищейка-браше, и так – едва не вопя от восторга при мысли о знакомых местах после долгих странствий во мраке, пустоте и безмолвии, – казалось, прошел не менее лиги.

Увидев вдали проблеск неяркого света, я вправду не сумел сдержать торжествующего вопля. За многие стражи блужданий во чреве корабля глаза мои настолько привыкли к темноте, что, при всей слабости этого проблеска, я сумел разглядеть и неугомный пол под ногами, и замшелые стены вокруг – и, спрятав нож в ножны, помчался вперед во всю прыть.

Вскоре я оказался среди округлых клочков земли, служивших средой обитания примерно сотне зверей. Запах привел меня в зверинец, где содержали аппортов, а свет мерцал в загородке, отведенной одному из них. Подойдя ближе, я обнаружил внутри того самого косматого зверька, которого помог изловить. Зверек стоял на задних лапах, опершись передними о незримую ограду, не позволявшую ему улизнуть. Вдоль брюха его мелкой рябью бежали вверх сполохи фосфорического сияния, а ярче всего светились передние лапки, удивительно похожие на человеческие ладони. Стоило мне заговорить с ним, точно с любимым котом по возвращении из долгого путешествия, зверек совершенно по-кошачьи обрадовался моему появлению – прижался мохнатым телом к невидимой стене, замыкал, не сводя с меня молящего взгляда.

Однако в следующий же миг он обнажил крохотные клыки в злобном оскале, сверкнул глазками, точно демон. Испуганный, я бы отпрянул назад, но чья-то рука обхватила со спины мою шею, а к груди моей молнией метнулся стальной клинок.

Перехватив запястье убийцы, я удержал острие ножа в каком-то пальце от тела, напряг все силы, присел и перебрался напавшего через голову.

Меня считают человеком довольно сильным, но противник оказался слишком силен. Поднять его мне удалось без труда – здесь, на борту корабля, я легко поднял бы дюжину чело-

век, однако его ноги сомкнулись на моем поясе, будто медвежий капкан. Не сумев сбросить его, я вместе с ним рухнул наземь и судорожно извернулся, уклоняясь от нового удара ножом.

И тут напавший завопил от боли, причем прямо над моим ухом.

Упав, мы откатились внутрь вольера, и косматый зверек немедля вонзил зубы в его запястье.

VII. Смерть при свете

К тому времени, как я, опомнившись, поднялся на ноги, убийцы и след простыл. В границах владений моего косматого друга остались лишь несколько пятен крови, казавшейся почти черной при свете золотой свечи. Сам зверек сидел, в странно человеческой манере подогнув под себя задние лапы, старательно вылизывая передние и приглаживая ими шелковистую шерсть вокруг пасти. Фосфорический свет, испускаемый его брюхом, угас.

– Спасибо тебе, – сказал я, и зверек, услышав мой голос, вопросительно склонил голову на сторону.

Нож убийцы остался лежать совсем рядом. Довольно длинный, неуклюжий на вид «боло» с широким лезвием и изрядно потертой рукоятью из какого-то темного дерева, он, по всей вероятности, принадлежал простому матросу. Пинком отшвырнув нож, я извлек из глубин памяти образ руки нападавшего – все, что, пусть мельком, успел разглядеть. Мужская, широкая, крепкая, грубая... но никаких особых примет. Жаль, жаль: отсутствующий палец, а то и два тут бы вовсе не помешали, хотя, возможно, недавняя схватка стоила ему чего-то подобного – ведь укусил его зверек от души.

Матрос с серьезной раной от укуса... Неужели он так долго шел за мной в темноте, преодолев столько трапов и галерей, столько извилистых коридоров? Наверяд ли. А если так, значит, он набрел на меня случайно и немедля воспользовался представившейся возможностью. Опасный человек... Пожалуй, лучше всего отыскать его как можно скорее, не дожидаясь, пока он, опомнившись, не выдумает какой-нибудь сказки в объяснение, где и как повредил руку. Узнав, кто он таков, я сообщу о его проделках корабельным офицерам, а если на это не окажется времени или офицеры ничего не предпримут, покончу с ним сам.

Подняв над головой золотую свечу, я двинулся к трапу, ведущему в сторону кубриков. Планы рождались в голове куда быстрее, чем я шел. Офицеры – да тот же капитан, упомянутый погибшим стюардом – распорядятся привести мои апартаменты в порядок или отведут мне новые. Я велю выставить у дверей вооруженную охрану, не столько ради защиты собственной персоны (так как не собираюсь оставаться там дольше, чем требуют приличия), сколько затем, чтоб у врагов появилась новая цель, а затем...

Не успел я перевести дух, как все лампы вокруг разом ожили. При свете я смог разглядеть под ногами металлический трап без опор. Вдали сквозь черный ажур трапа виднелись зеленые с желтым земли вивария. Справа неяркие, мутные огни ламп терялись в перламутровой дымке тумана; по левую руку влажно, словно темная гладь перевернутого набок горного озера, поблескивала далекая черно-серая стена. Наверху вполне могло не оказаться вообще ничего, кроме туч в кольце кружащего по небу солнца.

Однако продолжалось все это не дольше одного вздоха. Откуда-то издалека донеслись крики матросов, привлекающих внимание товарищей к некоему обстоятельству, которого ни в коем случае нельзя упустить, и лампы угасли. Окутавший все вокруг мрак казался много ужаснее прежнего. Стоило мне одолеть сотню ступеней, свет вспыхнул опять, заморгал, будто все лампы до единой выбились из сил не меньше, чем я сам, и угас снова. Тысяча ступеней, и огонек золотой свечи съезжился до синеватого пятнышка. Чтобы сберечь остаток горючего, пришлось продолжить подъем в темноте.

Вероятно, все дело было лишь в том, что я, покинув недра корабля, поднялся к самой верхней из палуб, удерживающих воздух внутри, однако вокруг изрядно похолодало. Тогда я решил разогнать кровь и согреться, прибавив скорости, но обнаружил, что быстрее подниматься вверх не могу. Мало этого, в спешке я оступился, и нога, вспоротая безвестным ассианским пехотинцем во время Третьей Орифийской Баталии, едва не увлекла меня в могилу.

Некоторое время я опасался, что могу не узнать яруса, где находится моя каюта и каюта Гунни, однако без колебаний свернул с трапа, всего на миг зажег золотую свечу и услышал скрип петель отворившейся двери.

Закрыв дверь, я отыскал свою койку и лишь после этого почувствовал, что рядом есть кто-то еще. На оклик непрощенный гость отозвался, и я немедля узнал в нем Идаса, того самого матроса с необычайно белыми волосами. В его голосе явственно слышались нотки страха пополам с любопытством.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я.

– Тебя жду. Я... я надеялся, что ты придешь. Сам не знаю, отчего, но мне показалось, что долго ждать не придется. Внизу, с остальными, я тебя не видал.

Я промолчал.

– Ну, за работой, – пояснил Идас. – Поэтому тоже улизнул от всех и пришел сюда.

– В мою каюту. А ведь замок не должен был тебя впускать.

– Отчего? Ты же ему этого не запретил. Я тебя описал, а меня замок, понимаешь ли, знает. Моя каюта тоже здесь, совсем рядом. Вдобавок я ни словом ему не соврал. Сказал, что просто хочу дождаться тебя.

– Впредь прикажу ему не пускать за порог никого, кроме меня, – буркнул я.

– Но для друзей-то надо бы исключение сделать.

– Посмотрим, – ответил я, однако на самом деле подумал, что уж ему-то в «исключениях» не бывать. Вот Гунни – дело другое.

– У тебя есть свет. Может, зажжешь? При свете уютнее.

– Откуда ты знаешь, что есть?

– Когда дверь отворилась, снаружи на миг вспыхнул свет. Это ведь ты его зажигал, верно?

Я кивнул, но тут же сообразил, что в темноте этого не разглядеть, и ответил:

– Да, но горючее зря предпочту не тратить.

– Ладно. Странно только, что ты не зажег его в поисках койки.

– Я и так прекрасно помню, где она.

На самом-то деле я не стал зажигать золотую свечу из соображений самодисциплины. Как ни велик был соблазн проверить, не обожжен ли Идас, не укушен ли, здравый смысл подсказывал: убийца, попавший под выстрел, не смог бы так скоро покушаться на мою жизнь еще раз, а укушенный опережал меня не настолько, чтоб я не услышал, как он поднимается по железному трапу воздушной шахты.

– Скажи, ты не против поговорить? Мне еще с прошлого разговора так захотелось послушать о твоём родном мире!

– Что ж, с удовольствием, – ответил я, – если и ты не откажешься ответить на пару вопросов.

До сих пор не оправившийся, я бы с гораздо большим удовольствием прилег отдохнуть, однако возможность разузнать нечто новое – вещь не из тех, коими стоит пренебрегать.

– Нет-нет, – заверил меня Идас, – конечно, не откажусь! Наоборот, рад буду ответить на твои вопросы, если ты согласишься ответить на мои.

В поисках безобидного начала для разговора я снял сапоги и улегся на койку, негромко, жалобно заскрипевшую под моей тяжестью.

– Тогда скажи, Идас, как называется язык, на котором мы говорим? – начал я.

– На котором мы с тобой сейчас разговариваем? Корабельным, конечно, как же еще?

– А какие-нибудь другие языки ты знаешь?

– Нет. Откуда бы? Я ведь родился здесь, на борту, и как раз хотел тебя расспросить: чем отличается жизнь человека, рожденного на одном из настоящих миров? От наших-то, от команды, я много разного слышал, но все они просто невежественные матросы, а в тебе сразу чувствуется человек мыслящий.

– Спасибо на добром слове. Однако, родившийся здесь, ты имел немало возможностей повидать настоящие миры. Часто ли среди них попадались такие, где говорят на корабельном?

– Правду сказать, я в увольнительные на берег почти не ходил. Мой вид... думаю, ты заметил...

– Будь добр, ответь на вопрос.

– По-моему, на корабельном почти везде говорят.

Казалось, голос Идаса звучит чуточку ближе, чем раньше.

– Понятно. На Урд язык, который ты зовешь «корабельным», в ходу только среди нас, граждан Содружества. У нас он считается более древним, чем остальные, но до сего момента я сомневался, что это правда, – пояснил я и решил повернуть разговор к происшествию, свергнутому все вокруг в темноту. – Пожалуй, беседа стала бы гораздо интереснее, имей мы возможность видеть друг друга, не так ли?

– О, да! Не зажжешь ли ты свет?

– Возможно, чуть погодя. Как полагаешь, скоро ли твои товарищи исправят корабельное освещение?

– Его сейчас чинят, и в главных помещениях свет уже есть, – отвечал Идас, – но кубрики к ним не относятся.

– Что же стряслось с освещением?

Казалось, я воочию вижу, как он пожимает плечами.

– Должно быть, на шины одной из ячеек главного аккумулятора упало что-то токопроводящее, только никто не может выяснить, что. Но шины пережгло начисто... и еще кабели кое-где – хотя этого произойти вроде как не могло.

– И все остальные матросы сейчас работают там?

– Почти вся наша вахта.

Сомнений не оставалось: Идас придвинулся еще ближе. Теперь его отделяло от койки не более эля.

– Несколько отослала с другими поручениями. Так я и ускользнул. Скажи, Севериан, а твой родной мир... там красиво?

– Очень красиво, но вместе с этим и страшно. Пожалуй, прекраснее всего ледяные острова, плывущие к северу из южных широт, точно *океанические странники*, караван кораблей с океана. Белые, бледно-зеленые, они искрятся на солнце не хуже алмазов и изумрудов. Соленая вода вокруг них кажется черной, но она так прозрачна, что бока их, уходящие в океанскую глубину, видны далеко-далеко...

Услышав во мраке едва уловимый вдох Идаса, я как можно тише обнажил нож.

– ...и каждый высится, словно гора, на фоне василькового неба, припорошенного россыпью звезд. Вот только жить на таких островах невозможно... слишком суровы они для людей. Всё, Идас. Я вот-вот засну, а тебе, надо думать, лучше вернуться к работе.

– Но у меня еще так много вопросов!

– И ты все их непременно задашь. Но в другой раз.

– Севериан, а принято ли среди жителей вашего мира обмениваться прикосновениями? К примеру, рукопожатиями в знак дружбы? Такой обычай есть на многих мирах.

– И на моем тоже, – подтвердил я, переложив нож в левую руку.

– Тогда давай пожмем друг другу руки, и я пойду.

– Давай, – согласился я.

Наши пальцы соприкоснулись... и тут в каюте зажегся свет.

Державший в руке боло клинком вниз Идас нанес удар, вложив в него всю тяжесть тела. Моя правая рука взметнулась вверх. Остановить удар я бы не смог ни за что, однако сумел отвести клинок в сторону, и широкое лезвие, насквозь пропорвав ткань рубашки, вонзилось в матрас так близко, что я кожей почувствовал холод стали. Идас немедленно выдернул боло из

матраса, но я перехватил его руку возле запястья, и вырваться ему уже не удалось. Теперь я мог бы без труда покончить с ним, но вместо этого вонзил нож в его предплечье – с тем, чтоб он, разжав пальцы, выпустил рукоять боло.

Противник мой вскрикнул – пожалуй, не столько от боли, сколько при виде клинка, торчащего из его руки. Я швырнул Идаса на пол и мигом приставил острие ножа к его горлу.

– Тихо, – велел я, – или прикончу без разговоров. Стены здесь толстые?

– Рука...

– Забудь о руке. Зализать раны еще успеешь. Отвечай!

– Нет, какое там «толстые»... И переборки, и палубы – просто листы металла.

– Прекрасно. Значит, поблизости никого нет. Лежа на койке, я не услышал ни единого шага. Можешь выть, сколько хочешь. Встать, живо.

Заточен охотничий нож оказался на славу. Одним махом распоров рубашку Идаса вдоль спины, я сдернул ее. Под тканью, как и ожидалось, обнаружились едва наметившиеся груди.

– Отвечай, девчонка: кто послал тебя по мою душу? Абайя?

Идас уставилась на меня, высоко подняв белесые брови.

– Ты знал?!

Я, покачав головой, отрезал от рубашки полосу ткани.

– На. Руку перевяжи.

– Благодарю тебя. Незачем. Моя жизнь все равно кончена.

– А я говорю: перевяжи. И так вся одежда в крови, а мне с тобой еще работать и работать.

– Пытать меня незачем. Да, я была рабыней Абайи.

– Посланной погубить меня, чтоб я не привел на Урд Новое Солнце?

Девчонка кивнула.

– А выбрана потому, что еще мала и можешь сойти за человека. Кто еще с тобой заодно?

– Никто. Я одна.

Я потянулся к ней, но девчонка вскинула кверху правую ладонь.

– Клянусь в том Владыкой Абайей! Может, на борту и есть еще кто-то вроде меня, но я их не знаю.

– Стюарда убила ты?

– Да.

– Разгром в моих апартаментах устроила тоже ты?

– Да.

– Но выстрел из пистолета опалил не тебя. Кто был с тобой?

– Просто... матрос, нанятый за хризос. Когда ты выстрелил, я стояла за ним, дальше по коридору. Понимаешь, мне нужно было выбросить тело в пространство, но я не знала, смогу ли донести его до люков сама и справлюсь ли с люками. Вдобавок...

Тут она осеклась.

– Вдобавок – что?

– Вдобавок, потом ему пришлось бы помочь мне еще кое в чем, не так ли? Ну, а теперь: как ты узнал обо всем? Прошу, объясни.

– Зарезать меня у загонов с аппортами пыталась тоже не ты. Кто?

Идас встряхнула головой, будто затем, чтоб разогнать туман, заволокший мысли.

– Об этом я не знала вообще.

– Сколько тебе лет, Идас?

– Не знаю.

– Десять? Тринадцать?

Девчонка пожала плечами.

– Мы не считаем года. Но ты напрасно говоришь, что мы не люди: мы – люди не хуже вас. Мы – Иной Народ, подданные Великих Владык, что обитают в море и под землей. Ну, а теперь ответь, пожалуйста, на мой вопрос – ведь я же ответила на твои. Как ты узнал?..

Я присел на край койки. Еще немного, и эту долговязую, нескладную девчонку придется пытаться... а времени с тех пор, как я был подмастерьем Северианом, утекло немало – возможно, в ту пору она еще не родилась, и предстоящее дело не сулило мне ничего приятного. Памятуя об этом, я едва ли не надеялся, что девчонка бросится к двери.

– Во-первых, твоя речь не похожа на речь моряков. Среди моих друзей был старый моряк, и их манера разговора мне прекрасно знакома, но это – история слишком уж долгая. Неприятности – убийство стюарда и так далее – начались вскоре после знакомства с тобой и остальными. Ты почти сразу сказала, что родилась на борту корабля, однако обычных матросских присказок я ни разу не слышал только от тебя, да еще от Сидеро.

– Пурн и Гунни оба родом с Урд.

– Затем ты обманула меня, когда я спросил, как найти камбуз. Отчего? Оттого, что намеревалась последовать за мной и зарезать при первом же удобном случае, однако я отыскал собственные апартаменты, и у тебя, должно быть, возник лучший план. Чего уж проще: подождать пока я усну, и обмануть замок – что для тебя, числящейся в экипаже, полагаю, не составило бы труда.

Идас кивнула.

– Я прихватила с собой инструменты и сказала замку, что послана починить ящик секретера.

– Однако меня в каюте не оказалось, а ты, уходя, попала на глаза стюарду. Что ты искала?

– Письмо. Письмо от аквасторов Урд к иерограммату. Я отыскала его и сожгла на месте, в твоих же собственных апартаментах, – отвечала девчонка с триумфальными нотками в голосе.

– Найти письмо не составляло труда: оно лежало почти на виду. Ты искала что-то еще и считала, будто вещь эта спрятана куда надежнее. Не ответишь, что это – я сделаю тебе очень и очень больно.

Девчонка покачала головой.

– Можно, я сяду?

Ожидая, что усядется она на рундук или на свободную койку, я согласно кивнул, однако девчонка опустилась на пол и, несмотря на рост, в кои-то веки сделалась похожа на настоящую девочку.

– Совсем недавно, – продолжал я, – ты упорно просила меня зажечь свет. После второй просьбы несложно было догадаться, что тебе хочется убедиться в чистоте удара. Тогда я вставил в рассказ о ледяных островах упоминания об «океанических странниках», так как эти слова часто служат рабам Абайи паролем: давным-давно некто, подумавший, будто я могу оказаться одним из вас, вручил мне карточку, где говорилось, что его можно найти на улице Океанических Странников, а Водал – возможно, ты о нем слышала – велел мне передать некую весть тому, кто скажет: «Океанический странник увидел»...

Закончить цитаты я не успел. На борту корабля все тяжелое становится легче легкого, и потому падение девчонки оказалось медленным, плавным, однако настолько резким, что пола ее лоб коснулся с мягким, негромким стуком. Вне всяких сомнений, смерть ее наступила едва ли не в самом начале моей недолгой хвастливой тирады.

VIII. Пустота в рукаве

Вскочив с койки, я поспешил перевернуть Идас на спину, пощупал пульс, забарабанил кулаком по груди в надежде вернуть к жизни сердце. Увы, спешить было уже некуда: пульса я не нашел, а изо рта девчонки явственно пахло отравой. Все мои старания оказались напрасны.

Должно быть, яд она прятала на теле. Не в рубашке – разве что сунула пилюлю под язык еще в темноте, чтоб раскусить, не сумев сделать дело. Скорее уж в волосах (хотя что в них можно спрятать при такой-то короткой стрижке?), или в поясе брюк: оттуда она без труда могла незаметно преправить ее в рот, унимая кровотечение.

Прекрасно помня, чем кончилась попытка вернуть к жизни стюарда, пробовать коготь на ней я не осмелился. Обыскал тело, но не нашел почти ничего, кроме девяти хризосов, которые спрятал в кармашек ножен. По словам Идас, за хризос она наняла себе в помощь одного из матросов, а если так, очевидно, Абайя (или кто там из его министров отдал девчонке приказ) снабдил ее десятью. Срезав с нее сапоги, я обнаружил, что пальцы ног Идас необычайно длинны и соединены перепонками. Обувь я осмотрел с тем же тщанием, с каким девчонка пару страж назад обыскивала мои пожитки – рассек на кусочки, распорол каждый шов, однако успеха добился нисколько не большего.

Чем дольше я, сидя на койке, разглядывал ее тело, тем сильнее удивлялся: где были мои глаза? Как я мог обмануться? Правда, обманула мой взор не столько Идас, сколько воспоминания об ундине, освободившей меня, запутавшегося в стеблях неньюфаров во время купания в Гьёлле, а после перехватившей посреди ночи у того самого брода. Она была настоящей великаншей, оттого Идас и показалась мне долговязой, голенастой девицей, а не огромных размеров ребенком, хотя довольно похожего ребенка – мальчишку, и куда младше возрастом – держал у себя в замке Бальдандерс.

Должно быть, главную роль тут сыграли волосы той ундины – не белые, травянисто-зеленые. Мне сразу следовало бы понять, что столь яркий зеленый цвет ни человеческим волосам, ни звериному меху от природы не свойственен, а если и свойственен, то лишь в результате воздействия крохотных водорослей, называемых тиной, наподобие тех, в крови зеленого человека из Сальта, да и веревка, оставленная в пруду, тоже довольно скоро позеленеет... Какого же я сваял дурака!

О смерти Идас следовало доложить. Первым делом мне пришлось в голову поговорить с капитаном, а дабы заранее заручиться его благосклонностью, связаться с ним через Барбата либо Фамулим.

Но как только я затворил за собой дверь, мне сделалось ясно: представить меня капитану в выгодном свете ни тот, ни другая не смогут. Разговор в их апартаментах для них был первой встречей со мной, а для меня с ними – последней. Выходит, придется разыскать капитана как-то иначе, удостоверить подлинность собственной личности и сообщить, что произошло. По словам Идас, внизу полным ходом идут ремонтные работы, а возглавляет их наверняка кто-то из офицеров... Рассудив так, я снова направился вниз, по продуваемому сквозняком трапу, и на сей раз, миновав загородки аппортов, спустился еще ниже. Жара и влажность усиливались на каждом шагу.

Как это ни абсурдно, спускаясь в низы, я почувствовал, что мое тело, почти невесомое на том ярусе, где находилась каюта, сделалось еще легче. Прежде, карабкаясь к верхушке мачты, я заметил, что притяжение корабля слабеет по мере подъема – следовательно, по пути вниз, в корабельное чрево, оно должно было нарастать, однако у меня такого впечатления не возникло. Скорее, наоборот.

Вскоре снизу донеслись чьи-то шаги, а опыт последних нескольких страж наглядно свидетельствовал, что любой случайно встреченный незнакомец может желать моей смерти. Остановившись, я напряг слух и выхватил из кобуры пистолет.

Негромкий лязг металла внизу утих вместе с моими шагами, но тут же возобновился – частый, неровный, будто поднимающийся мне навстречу по трапу спотыкается на бегу. Раз подо мною что-то зазвенело, точно оброненный меч или шлем; нетвердый шаг вновь ненадолго стих и вновь зазвучал в прежнем ритме. Сомнений не оставалось: спешащий навстречу бежит от какой-то опасности, а я иду напрямиком к ней. Здравый смысл велел тоже бежать прочь, да как можно дальше, однако я остался на месте, из глупой гордости решив не отступать, пока не узнаю, что именно мне угрожает.

Долго ждать не пришлось. Вскоре внизу показался человек в латном доспехе, без оглядки бегущий вверх. Еще миг, и я, отделенный от встречного лишь одним пролетом, смог разглядеть его во всех подробностях. Казалось, правая рука его даже не отсечена – оторвана начисто: из-под блестящего полировкой брассарда свисали обильно кровоточащие клочья мышц пополам с обрывками сухожилий.

Казалось, опасаться нападения со стороны этого человека, раненого и вдобавок изрядно напуганного, резона нет: скорее уж, он, почуяв во мне угрозу, пустится в бегство. Спрятав пистолет в кобуру, я окликнул его и спросил, что случилось и чем ему можно помочь.

Бегущий, остановившись, поднял голову, взглянул на меня сквозь забрало шлема, и я с удивлением узнал в нем Сидеро.

– Сохранил ли ты преданность?! – с дрожью в голосе крикнул он.

– Кому, друг мой? Зла я тебе не желаю, если речь об этом.

– Кораблю!

Преданность кораблю – всего-навсего изделию иеродул, пусть и необычайно огромному – показалась мне довольно бессмысленной, однако вдаваться в рассуждения об отвлеченных понятиях сейчас явно было не время.

– Разумеется! Жизнь за него положу, если нужно! – откликнулся я, мысленно моля мастера Мальрубия, некогда пытавшегося втолковать мне кое-что о преданности, простить мою грешную душу.

Сидеро продолжил подъем – чуть медленнее, спокойнее, однако по-прежнему спотыкаясь. Вблизи мне удалось разглядеть, что сочащаяся из его раны темная жидкость, принятая мною за человеческую кровь, слишком вязка и цвета к тому же не алого, а черного с зеленым отливом. Лохмотья, которые я счел клочьями плоти, оказались обрывками проводов вперемешку с чем-то наподобие ваты.

Выходит, Сидеро, подобно моему другу Ионе – андроид, автоматон в человеческом облике! Обругав себя за то, что не понял этого раньше, я, однако ж, вздохнул с облегчением, так как кровью наверху, у себя в каюте, уже налюбовался досыта.

К этому времени Сидеро, одолев последние ступени, взошел ко мне на площадку и, пошатнувшись, остановился рядом со мной. Я в грубоватом, повелительном тоне, неосознанно принимаемом всяким в надежде ободрить собеседника, велел ему показать руку. Сидеро послушался, и я в изумлении отшатнулся прочь.

Боюсь, попросту написав здесь, что рука оказалась поллой, я создам впечатление, будто поллой она оказалась на манер кости, но это не так. Она оказалась пустой. Тоненькие провода и клочья пропитанной темной жидкостью ваты торчали лишь по краям стальной оболочки, а внутри не было ничего. Вообще ничего.

– Как же тебе помочь? – спросил я. – Иметь дело с такими ранами мне прежде не доводилось.

Казалось, Сидеро задумался. Я бы сказал, что забрало стального шлема к выражению чувств неспособно, но нет: выражение ему придавал угол наклона головы, движения, игра теней, отбрасываемых его чертами.

– Для этого нужно в точности исполнить мои указания. Не подведешь?

– Разумеется, нет, – заверил его я. – Признаться, еще недавно я клялся однажды столкнуть тебя с высоты, как ты меня, но мстить раненому, конечно, не стану.

Тут мне вспомнилось, сколь сильно бедному Ионе хотелось, чтобы его полагали человеком, причем многие, и я в том числе, действительно думали, будто он – человек, и, по сути, нисколько в этом не ошибались.

– Что ж, придется поверить тебе, – решил Сидеро.

С этим он отступил назад, и его грудь – весь торс целиком – раскрылась, словно бутон огромного стального цветка. Изнутри его туловище тоже оказалось пустым: под стальной оболочкой не обнаружилось ничего.

– Не понимаю, – признался я. – Чем я могу помочь?

– Смотри.

Подняв уцелевшую руку, Сидеро ткнул пальцем во внутреннюю поверхность одного из стальных «лепестков», части полый груди.

– Видишь письмена?

– Да, линии и символы самых разных цветов. Но прочесть их я не могу.

Тогда Сидеро описал на словах некий сложный символ и символы, его окружавшие, и после недолгих поисков мне удалось его отыскать.

– Вставь туда острый металлический предмет, – продолжил Сидеро, – и поверни вправо – на четверть оборота, не больше.

Прорезь оказалась изрядно узкой, но мой охотничий нож обладал игольно-тонким острием, начисто вытертым о рубашку Идас. Вставив острие в указанную Сидеро щель, я повернул нож, как было велено. Темная жидкость потекла куда медленнее.

Затем Сидеро описал второй символ, на другом лепестке, и во время поисков я отважился сообщить, что никогда не слышал и не читал о таких существах, как он.

– Хадид или Ерро могли бы рассказать о нас куда больше. Я всего лишь исполняю свой долг и о подобных вещах задумываюсь разве что изредка.

– Понимаю, – протянул я.

– Ты обижен тем, что я столкнул тебя в трюм. Но сделал я так потому, что ты не подчинился моим указаниям. Мне давно известно: такие люди, как ты, опасны для корабля. А если кто-то из них и пострадает, со мной они обошлись бы нисколько не милосерднее. Как по-твоему, сколько раз подобные люди пытались меня уничтожить?

– Понятия не имею, – признался я, оглядывая пластину в поисках описанного им символа.

– Я тоже. Мы вливаем во Время и возвращаемся, и вновь отправляемся в рейс. По словам капитана, наш корабль – единственный. Других не существует. Все корабли, попадающие нам навстречу меж галактик и солнц, есть он и только он. Откуда же мне знать, как часто на меня покушались и сколько раз в том преуспели?

Едва мне подумалось, что он заговаривается, противореча здравому смыслу, нужный символ наконец-то нашелся. Стоило вставить в прорезь острие охотничьего ножа и повернуть клинок, утечка жидкости практически сошла на нет.

– Благодарю тебя, – сказал Сидеро. – Все это время мое давление стремительно падало.

Я спросил, не нужно ли ему выпить новую порцию жидкости, чтобы восполнить утраченное.

– Со временем – да. Однако теперь у меня снова есть силы, а полную силу я обрету после еще одной, последней коррекции.

Объяснив мне, куда смотреть и что нужно сделать, он продолжал:

– Ты спрашивал, как мы появились на свет. А сам представляешь ли, как появилась на свет твоя раса?

– Смутно. Знаю, что некогда мы были животными, обитавшими на деревьях. Так говорят мисты. Только не обезьянами, так как обезьяны существуют по сию пору. Наверное, кем-то вроде зоантропов, только помельче. Я замечал, что зоантропов неизменно тянет в горы, и там, в горных джунглях, они лазают по деревьям. Как бы там ни было, эти животные обладали способностью общаться между собой при помощи особых криков и телодвижений – на что, впрочем, способен даже домашний скот, не говоря уж о волках. Со временем, согласно воле Предвечного, те, кто общался с окружающими лучше всего, уцелели, а те, кто оказался в общении не силен, вымерли.

– И это все?

Я покачал головой.

– Когда их общение развилось, усложнилось настолько, что сделалось достойным называться речью, они и стали людьми. Теми, кем мы остаемся по сию пору. Изначально наши руки были приспособлены для того, чтоб цепляться за сучья, глаза – чтоб, прыгая с дерева на дерево, видеть следующий сук, рты – чтоб разговаривать меж собой, а еще жевать фрукты да неоперившихся птенцов. Таковы они и поныне. А как появились на свет ты и тебе подобные?

– Почти так же, как вы. Если предания не врут, вахтенным офицерам нужна была защита – от пустоты, от пагубных излучений, от вражеского оружия и прочих подобных напастей. Поэтому они соорудили для себя жесткие оболочки. Еще им требовалось стать сильнее и крепче – и для сражений, и для работ на палубах. Для этого нас – точнее сказать, не нас, наших предков – наполнили той самой жидкостью, которую ты только что видел, сообщившей нашим рукам и ногам способность двигаться, как им требуется, но с большей мощностью. Еще им требовалось переговариваться между собой, и нас оборудовали устройствами связи. А затем добавили электросхемы, позволявшие нам выполнять одно дело, пока сами они заняты другим. Устройства, сообщающие нам способность говорить и действовать, даже когда они сами к тому неспособны. И так, пока мы не выучились разговаривать самостоятельно и действовать без человека внутри. Ну, что там? Никак не найти?

– Сейчас отыщу, – заверил его я (на самом деле нужный символ я уже отыскал, но очень хотел послушать, что он расскажет еще). – Выходит, корабельные офицеры носят вас, словно одежду?

– Теперь – лишь изредка. Ищи звездочку с прямой чертой сбоку.

– Помню, помню, – ответил я, размышляя, что мог бы предпринять, и меряя взглядом полость внутри его тела.

Пояс с ножом и пистолетом в кобуре внутрь наверняка не войдет, а вот без них я там вполне помешусь...

– Погоди чуток, – попросил я Сидеро. – Искать приходится, согнувшись едва ли не вдвое, и вся эта амуниция больно впивается в живот.

Расстегнув пояс, я бросил его под ноги, а ножны и кобуру пристроил рядом.

– И, знаешь, будет намного проще, если ты ляжешь.

Сидеро лег, причем, не истекая наполнявшей его жидкостью, проделал это с неожиданной быстротой и изяществом.

– Скорее. Мешкать не время.

– Послушай, – возразил я, – если бы за тобой кто-то гнался, он уже был бы здесь, а я даже шагов снизу не слышу.

Изображая заминку, я лихорадочно размышлял. Идея казалась сумасбродной, но в случае успеха сулила и защиту, и маскировку. Латы я носил часто, так отчего б не тряхнуть стариной – тем более, эти гораздо лучше!

– Думаешь, я бежал от них?

Слова Сидеро я слышал прекрасно, однако внимания им почти не уделил. Совсем недавно я вспоминал, как вслушивался в тишину, и вот теперь действительно услышал кое-что новое, а сосредоточившись, понял, что это за шум. Откуда-то сверху доносилось неторопливое, мерное хлопанье огромных крыльев.

IX. Пустота

Острие ножа уже отыскало нужную прорезь. Повернув клинок, я сорвал с себя плащ и, кувыркнувшись вбок, вкатился прямо в распахнутое тело Сидеро. Взглянуть, что за создание машет крыльями над головой, я даже не пробовал, пока – причем с заметным трудом – не втиснул голову внутрь его черепа, и лишь затем выглянул наружу сквозь забрало.

Увы, даже после этого мне не удалось разглядеть ничего – вернее, почти ничего. Прежде воздух в шахте, здесь, на такой глубине, был вполне прозрачен и чист, но теперь все вокруг подернулось дымкой тумана: некая сила гнала, теснила холодный воздух с верхних уровней вниз, смешивая его с теплым и влажным смрадом, которым дышали мы. Под натиском этой силы туман клубился, кипел, словно вокруг буйно плясала тысяча призраков.

Ни хлопанья крыльев, ни чего-либо другого я больше не слышал. Казалось, моя голова заперта в пыльном несгораемом шкафу, и я гляжу наружу сквозь замочную скважину. Впрочем, голос Сидеро я вскоре услышал... но не ушами.

Как описать происшедшее? Даже не представляю. Чужие мысли в собственной голове мне знакомы прекрасно, но на визиты Теклы и прежнего Автарха, не раз пробуждавшихся во мне, пока я не слился с ними в единое целое, это не походило ничуть. На обычные звуки чужой речи – тоже. Одно могу сказать (да и то описание выйдет весьма приблизительным): казалось, голос Сидеро достигает тех органов слуха, что находятся под черепом, прямо за ухом, минуя ушную раковину.

– *Я ведь могу убить тебя.*

– После того как я тебя починил? Знал я неблагодарность, но в такие ее глубины еще не заглядывал!

Грудь Сидеро сомкнулась, и я, упершись ладонями в полости плеч, принялся пропихивать ноги в его ноги, точно в штанины брюк. Дело шло туговато. Имей я возможность чуть дольше задержаться снаружи, сбросил бы и сапоги, и тогда все вышло бы гораздо проще, а сейчас... Казалось, обе лодыжки уже потрескались.

– *У тебя нет на меня никаких прав!*

– Есть, и еще как. Ты сделан, чтоб защищать людей, а кто я, если не человек, нуждающийся в защите? Хлопанье крыльев слышишь? И хочешь сказать, будто подобные создания, вольно порхающие по всему кораблю – это в порядке вещей?

– *Они выпустили на свободу аппортов.*

– Кто «они»?

Здоровая нога, наконец, распрямилась. С хромой должно было получиться проще, так как ее мышцы изрядно усохли, но пропихнуть ступню в сочленение не хватало сил.

– Рыскуны.

Меня свернуло клубком, так что колено уперлось в грудь. Сидеро сел, а затем поднялся на ноги, и в этом положении мне удалось выпрямить вторую, хромую ногу. После этого моя левая рука проскользнула в руку Сидеро как по маслу, и правая вошла в его правую с той же легкостью, но оказалась снаружи: остатки брассарда прикрыли только плечо.

– Вот, так-то лучше, – сказал я. – Подожди малость...

Однако Сидеро немедля ринулся наверх, одолевая разом по три ступени.

Я остановился, развернулся и снова направился вниз.

– *За это я непременно тебя убью.*

– За то, что я хочу подобрать нож с пистолетом? По-моему, не стоит: они могут нам пригодиться.

Нагнувшись, я подобрал оружие, так что нож оказался в правой руке, моей собственной, а пистолетом мы с Сидеро вооружились, можно сказать, сообща. Поясной ремень едва не про-

валился сквозь решетку настила, но я без труда подхватил его, вдел в ножны и кобуру и туго – пальца не просунуть – затянул на талии Сидеро.

– *Вон из меня!*

Я застегнул плащ, наброшенный на его плечи.

– Возможно, ты не поверишь, но во мне тоже люди живут, и немало. И это вполне может приносить радость, не говоря уж о пользе. Поскольку я здесь, внутри, у нас есть правая рука. Ты говоришь, что предан кораблю. Я тоже. Зачем же нам с тобой...

Из мутных клубов тумана к нам, вниз, спикировало столь же туманное, бледное существо. Невероятно огромные крылья, прозрачные, словно у насекомого, но куда гибче крыльев летучей мыши, сомкнулись вокруг площадки – вокруг нас, – будто занавеси катафалка.

Внезапно я обнаружил, что снова слышу. Должно быть, Сидеро привел в действие устройства, передававшие звук из его ушей в мои, а может, просто, отвлекшись, позабыл отключить их вовремя. Как бы там ни было, по ушам плетью хлестнул посвист ветра, поднятого взмахом титанических призрачных крыльев. Наверное, точно так же зашипела бы тысяча добела раскаленных клинков, погруженных в бадью с водой.

Вскинув неизвестно как оказавшийся в руке пистолет, я принялся озираться в поисках хоть какой-нибудь цели – головы или лапы. Отыскать достойную цель мне так и не удалось, однако чья-то рука – а может, лапа, а то и щупальце – обхватив мои ноги, подняла нас с Сидеро вверх, словно ребенок куклу. Тогда я выстрелил наугад. Увы, прореха, появившаяся в титанических крыльях, оказалась до смешного крохотной: я бы и вовсе ее не заметил, если б не узкая, дочерна обгоревшая кайма по краям.

Ударившись коленями о перила, я в тот же миг выстрелил снова. Ноздри защекотал запах гари.

Казалось, выстрел опалил мою собственную руку. От боли я вскрикнул. Тем временем Сидеро вступил в схватку с крылатым созданием без моей воли. В руке он держал охотничий нож, и мне на миг сделалось страшно: что, если он отсек мне руку, а эту жгучую боль порождает пот, заливающий рану? Еще миг, и я выстрелил бы в него, но вовремя сообразил, что его рука – продолжение моей собственной.

Словно вновь оказавшийся в жуткой власти «Революционера», я бился, насмерть бился с самим собой, больше не понимая, кто я – Севериан ли, Сидеро, Текла при жизни или Текла в посмертии. Нас закружило, перевернуло вниз головой...

...и мы рухнули вниз.

Ужаса, овладевшего мной в этот миг, не описать словами. Умом-то я понимал: падать здесь, на борту корабля, можно лишь крайне медленно, и даже смутно помнил, что на нижних ярусах полет вниз ничуть не убыстрится, однако свист в ушах становился все громче и громче, стена воздушной шахты утратила четкость, слилась в бесконечную мутно-серую полосу.

Да ведь все это было сном, просто сном... но сколь странным! Сначала я взошел на борт огромного корабля о множестве палуб со всех сторон, затем влез в нутро металлического человека... но вот наконец-то проснулся. Проснулся на ледяном склоне горы в окрестностях Тракса, увидел над собой, в вышине, пару звезд и, полусонный, вообразил, будто это глаза.

А рука? Очевидно, во сне я придвинулся правым плечом слишком близко к костру... но никакого костра рядом не оказалось. Значит, жжется не пламя – стужа, а туда, где земля помягче, меня перетасила Валерия.

А этот звон? Звонит колокол, самый большой, басовитый из колоколов Колокольной Башни. Среди ночи Колокольная Башня взвилась в небеса верхом на столбе пламени, а к рассвету опустилась на землю невдалеке от Ациса. Теперь бронзовая глотка огромного колокола орет, орет на скалы, и скалы, дрожа, откликаются на его крик гулким эхом...

Хотя нет, это же Доркас в кулисах включила запись «За сценой басовито, гулко звонят колокола»... А произнес ли я свою финальную реплику? «В будущем, как давно было сказано,

с гибелью Старого Солнца погибнет и Урд. Но из ее могилы восстанут чудовища, новые люди и Новое Солнце. Старая Урд расцветет, словно бабочка, сбросившая высохший кокон, и Новая Урд будет названа именем Ушас»... Пафоса-то, пафоса!.. Пророк уходит.

За кулисами ждет крылатая женщина из книги Отца Инире. Увидев меня, она всего раз, формально хлопает в ладоши, точно высокородная дама, подзывающая горничную. Едва ладони ее размыкаются после хлопка, меж ними вспыхивает жаркий, жгучий белый огонек, и мне кажется, будто огонек этот – мое лицо, а мое лицо – лишь обращенная к нему маска.

– Найди нового...

Это прежний Автарх, живущий в моем сознании, но крайне редко подающий голос.

– Найди нового, – шепчет он, едва шевеля моими вспухшими губами.

Дюжина судорожных, прерывистых вдохов – и только потом я понимаю, о чем он. Настало время отдать это тело смерти. Настало время нам всем – и Севериану, и Текле, и ему самому, и всем прочим, стоящим в его тени – шагнуть вперед, в свою очередь уходя в тень. Настало время найти кого-то еще.

* * *

Он лежал между двух огромных машин, сплошь в брызгах какой-то темной смазки. Едва не упав, я склонился к нему, раскрыл было рот, дабы объяснить, что он должен сделать...

Увы, он был безнадежно мертв: обезображенная шрамом щека холодна на ощупь, иссохшая нога сломана, да так, что обломок кости сквозь кожу торчит... Оставалось одно – опустить ему веки.

Шаги. Торопливые, частые. Кто-то спешил ко мне. Не успел частый топот утихнуть, кто-то еще, склонившись надо мной, подsunул ладонь под затылок, помог приподнять голову. В полумраке блеснули огоньки его глаз, от буйной шевелюры и бороды повеяло мускусом. Свободной рукой незнакомец поднес к моим губам чашку.

В надежде, что это вино, я сделал глоток. Нет, в чашке оказалась вода, но прохладная, чистая, вкуснее любого вина.

Тут надо мною раздался звучный, грудной женский голос:

– Севериан!

Возле меня опустился на корточки рослый, крепкий матрос. Не заговори он снова, я бы и не подумал, что это женщина и голос принадлежит ей.

– Похоже, с тобою порядок. А то мы... а то я боялась...

Осекшись, она поцеловала меня. Обросший космами незнакомец тоже поцеловал нас обоих, и если его поцелуй завершился немедля, то ее оказался столь затяжным, что я едва не задохнулся.

– Гунни, – пробормотал я, когда она, наконец, отпустила меня.

– Ну? Как себя чувствуешь? Мы уж боялись, что ты умрешь.

– Умру непременно, как же без этого.

Я сел и выпрямился, хотя ни на что другое был неспособен. Каждая косточка ныла, голова раскалывалась от боли, правую руку будто бы сунули в огонь. От бархатного рукава рубашки остались одни лохмотья, а кожу покрывал толстый слой желтоватой мази.

– Что со мной стряслось?

– Должно быть, упал в отдушину – нашли мы тебя там. Точнее, Зак нашел и тут же сбегал за мной, – ответила Гунни, кивнув в сторону косматого карлика, поившего меня водой. – А перед этим тебя, видимо, искрой шарахнуло.

– Искрой?

– Ну, дуговым разрядом обожгло. Такое часто случается, когда где-нибудь закоротит. Меня тоже угораздило. Гляди.

Распахнув ворот серой матросской робы, она показала мне багровый ожог между грудей, густо смазанный той же мазью.

– Я как раз работала у силовой установки, а когда под искру угодила, меня отправили в лазарет. А там намазали этой дрянью и дали тубик с собой, на потом. Наверное, поэтому Зак и побежал ко мне. Хотя тебе сейчас, похоже, не до болтовни?

– Пожалуй, нет.

Странно наклонные стены повели вокруг нас хоровод – неторопливо, величественно, совсем как ритуальные черепа во время той достопамятной церемонии.

– Приляг-ка и полежи, а я для тебя поесть чего-нибудь раздобуду. А Зак тут покараулит, на случай, если рыскуны явятся... хотя здесь, так глубоко в низах, их, скорее всего, ни единого нет.

Мне следовало бы задать ей целую сотню вопросов, но куда больше хотелось лечь да уснуть, если боль позволит, и я, не успев подумать ни о чем больше, лег и задремал.

Разбудила меня Гунни, вернувшаяся с миской и ложкой.

– Атоле, – пояснила она. – Поешь, подкрепишься.

На вкус похлебка оказалась вроде лежалого хлеба, сваренного в молоке, но зато горячей и сытной. Кажется, прежде чем снова уснуть, я съел ее почти всю.

Проснувшись, я обнаружил, что боль поутихла, хотя далеко не унялась. На месте выбитого зуба по-прежнему зияла дыра, губы и челюсть отчаянно ныли, чуть выше уха красовалась шишка величиной с голубиное яйцо, кожа на правом плече полопалась, несмотря на мазь. Между тем трепки от мастера Гюрло или кого-либо из подмастерьев я не получал уже десять с лишним лет и за это время, как выяснилось, порядком отвык стоически переносить боль.

Дабы хоть чем-то отвлечься, я принялся осматриваться вокруг. Место, где я лежал, напоминало не столько каюту, сколько полость в каком-то огромном механизме, щель из тех, где нередко находишь самые разные предметы, неизвестно откуда там взявшиеся, только увеличенную во много раз. Наклонный потолок отделяло от пола не меньше десяти элей, а двери, оберегающей чье-либо уединение, преграждая путь незванным гостям, не было вовсе: сквозь обширный проем в углу сюда мог войти кто угодно.

Я лежал на груде чистой ветоши в противоположном углу, наискосок от входа. Стоило мне приподняться и сесть, из темноты выступил карлик, которого Гунни назвала Заком. Присев на корточки возле меня, он не сказал ни слова, однако вся его поза выражала тревогу о моем самочувствии.

– Не волнуйся, все в порядке, – сказал я, и, кажется, это его слегка успокоило.

Лампы здесь не горели. Пользуясь светом, падавшим внутрь из дверного проема, я постарался разглядеть мою «няньку» как можно лучше. На вид он казался, скорее, не карликом, а просто маленьким человеком – иными словами, не отличался заметными диспропорциями в размерах рук и ног по сравнению с туловищем. Лицо его также ничем существенно не отличалось от любого другого лица, если не принимать в расчет обрамления – косматой шевелюры, роскошной темно-русой бороды и еще более роскошных усов, причем ни то, ни другое, ни третье словно бы отроду не знало прикосновения ножниц. Лоб его был низок, нос несколько приплюснут, а подбородок (насколько уж о том позволяла судить борода) слегка скошен назад, однако подобные черты свойственны многим, особенно мужчинам. Принадлежность нового знакомого к мужскому полу не вызвала никаких сомнений, так как наготу его прикрывала только густая поросль волос на теле, однако, заметив мой взгляд, опущенный к его паху, он выдернул из кучи ветоши довольно широкий лоскут и опоясал им бедра на манер фартука.

Не без труда поднявшись на ноги, я захромал к выходу. Карлик, поспешив обогнать меня, встал в проеме стеной. В этот момент он каждым жестом, каждой чертой лица напоминал слугу, как-то при мне усмирявшего изрядно подвыпившего экзультанта: теперь в его позе чувствува-

лась мольба отказаться от сумасбродной затеи и в то же время готовность в случае надобности удержать меня силой.

Для сопротивления я был совсем непригоден, а от приподнятого, беззаботного расположения духа, нередко подталкивающего нас к драке с другом, если под рукой нет врага, безмерно далек, и посему почел за лучшее остановиться. Карлик, указав за порог, красноречивым жестом чиркнул себя пальцем поперек горла.

– Там опасно? – переспросил я. – Возможно, ты прав. В сравнении с этим кораблем многие поля сражений из тех, что мне довелось повидать, покажутся тихими парками. Будь по-твоему, я туда не пойду.

Вспухшие губы отнюдь не прибавляли моей речи внятности, но, кажется, он меня понял и недолгое время спустя расплылся в улыбке.

– Зак? – спросил я, указав на него.

Карлик, вновь улыбнувшись, кивнул.

– Севериан, – представился я, коснувшись собственной груди.

– Севериан!

Оскалив в улыбке мелкие, острые зубы, мой новый знакомый заплясал от радости. Выкинув пару коленец, он с той же улыбкой подхватил меня под левый локоть и отвел назад, к куче ветоши.

Казалось, его ладонь, пусть и довольно смуглая, едва заметно светится в полумраке.

Х. Интерлюдия

– Отменная у тебя шишка на голове, – заметила Гунни, сидевшая рядом, глядя, как я поглощаю похлебку.

– Знаю.

– В лазарет бы тебя отвести, да только слишком опасная это затея. Сейчас от других лучше держаться подальше.

– Особенно мне, – кивнув, согласился я. – Со мной уже двое пытались покончить. А может, и трое. А может быть, даже четверо.

Гунни взглянула на меня, будто заподозрив, что после падения я повредился умом.

– Я совершенно серьезно. Одна из них – твоя подруга, Идас. Но ее больше нет в живых.

– Вот, глотни-ка воды. Ты хочешь сказать, Идас был женщиной?

– Да. Вернее, девчонкой.

– И я об этом не знала? – Гунни ненадолго задумалась. – А ты, часом, не сочиняешь ли?

– Да это все пустяки. Главное, она на жизнь мою покушалась.

– Однако ты одолел его и прикончил?

– Нет, Идас покончила с собою сама. Но на борту есть еще кто-то, желающий моей смерти, и, может быть, он не один. Однако ты, Гунни, говоришь не о них. По-моему, ты опасешься тех, кого Сидеро называл рыскунами. Кто они таковы?

Гунни протерла уголки глаз (жест, заменяющий женщинам наше, мужское почесывание в затылке).

– Не знаю, как объяснить. Возможно, я сама этого толком не понимаю.

– Попробуй, Гунни, пожалуйста, – попросил я. – От этого многое может зависеть.

Почувствовав мое волнение, Зак отвлекся от самим им возложенных на себя обязанностей караульного ровно настолько, чтоб бросить на нас обеспокоенный взгляд.

– Ты знаешь, что представляет собой наш корабль? – спросила Гунни. – Знаешь, что мы влетаем во Время и выплываем, и вновь отправляемся в плавание – порой к самому краю вселенной и даже дальше?

Я кивнул, выскребая со дна миски остатки похлебки.

– Так вот, сколько нас в экипаже, мне неизвестно. Может, тебе это покажется смешным, но я даже понятия о нашем числе не имею. Сам видишь, корабль наш очень велик, и капитан никогда не собирает всех вместе. Больно уж это долгое дело. По нескольку дней на дорогу только затем, чтоб собрать всех в одном месте... а работать кто будет, пока мы ходим туда-сюда?

– Понятно, – откликнулся я.

– Всякого нанимающегося в матросы приписывают к той или иной его части, вот там он и несет службу. С теми, кто рядом, знакомишься быстро, но целую кучу других так никогда и не встретишь. Жилые кубрики наверху, там, где моя каюта, далеко не единственные. На борту таких множество. Сотни, а может, и тысячи.

– Я спрашивал о рыскунах, – напомнил я.

– Я к этому и веду. Кое-кто – да кто угодно – может заблудиться в отсеках навсегда. И «навсегда» – это я не ради красного словца говорю: корабль ведь уходит в плавание, а потом возвращается, и из-за этого со временем творится странное. Одни успевают состариться и умереть на борту, другие служат многие годы, но старше ничуть не становятся, денег накопят хоть отбавляй, и вот, наконец, корабль возвращается в их родные порты, а там времени с тех пор, как началась их служба, миновало – всего ничего, однако они сходят на берег разбогатевшими. А третьи вовсе на время становятся старше, а после молодеют опять.

Тут она несколько замялась, словно боясь продолжать, но совладала с собой и добавила:

– Так и со мной получилось.

– Гунни, но ты ведь совсем не стара, – возразил я, ничуть не кривя душой.

Гунни, взяв мою левую руку, коснулась ею собственного лба.

– Вот здесь, – пояснила она. – Здесь, в голове, я состарилась, Севериан. Сколько со мной случилось такого, о чем бы забыть навсегда... Нет, не просто забыть. Снова стать молодой тут, под черепушкой. Забыть нетрудно: забыть помогает выпивка или дурь, однако случившееся все равно остается с тобой, в твоём образе мыслей. Понимаешь, о чем я?

– И еще как, – подтвердил я, убрал ладонь со лба Гунни и взял ее за руку.

– Но, видишь ли, из-за всех этих фокусов со временем – ведь моряки о них знают и многим рассказывают, пусть даже большинство сухопутного люда в их рассказы не верит – на корабль попадает немало таких, кто и в морском деле ничего не смыслит, и работать не уважает. Или кто-нибудь из матросов бросился с кулаками на офицера и приговорен к тяжелым работам. Такие вот в рыскуны и подаются. А зовем мы их так, потому что... помнишь, как говорят о лодке, резко свернувшей с курса, куда не следует? «Рыскнула».

– Понятно, – повторил я.

– Одни, по-моему, просто сидят по углам, как мы сейчас. Другие бродят с места на место, смотрят, где б разжиться деньгами да с кем бы подраться. Порой в кают-компанию, к общему столу, заявляются. У одиночек обычно сказка какая-нибудь наготове, а вот если их много, с ними просто никому неохота связываться. Сделаешь вид, будто принял их за своих, они поедят и, если повезет, уйдут с миром.

– Другими словами, это просто обычные моряки, взбунтовавшиеся против капитана?

Капитана я помянул, желая расспросить о нем позже.

Однако Гунни отрицательно покачала головой.

– Нет, не всегда. Экипаж-то вербуют на разных мирах, в других туманностях, а может, даже в иных вселенных – этого я точно не знаю. Однако тот, кто нам с тобой покажется обычным моряком, вполне может показаться кому-то другому жутким сказочным чудищем. Ты ведь с Урд, верно?

– Да, с Урд.

– И я, и большинство тех, кто служит рядом, тоже. Нас свели вместе, потому что мы и говорим, и думаем одинаково. Однако в других кубриках все может оказаться совсем иначе.

– А я-то думал, будто изрядно попутешествовал, – заметил я, мысленно посмеиваясь над самим собой, – но теперь понимаю, что, по сути, сиднем на месте сидел.

– Чтобы покинуть ту часть корабля, где большинство матросов более-менее похожи на нас с тобой, потребуются не одни сутки. Однако рыскуны, рышущие тут и там, смешиваются меж собой. Бывает, дерутся друг с дружкой, а бывает, объединяются, так что в одной банде сходятся вместе по три, а то и по четыре разных вида. Иногда они спариваются, и у женщин рождаются дети наподобие Идаса, но у этих детей своих детей завести не может. Так говорят.

С этим Гунни бросила многозначительный взгляд в сторону Зака.

– Он тоже один из таких? – шепотом спросил я.

– По-моему, да. Он, на тебя наткнувшись, сбегал за мной, потому я и подумала, что могу оставить тебя под его присмотром, пока сама за едой отлучусь. Правда, он говорить не умеет, но ведь дурного тебе ничего не сделал, верно?

– Не сделал, – подтвердил я. – Наоборот, заботился обо мне как мог. В древние времена, Гунни, люди Урд странствовали меж солнц. Многие, в конце концов, возвращались домой, но многие осели в других мирах. Должно быть, к этому времени гетерохтонные миры изменили человека, перестроили под собственную среду. Урдским мистам известно, что каждый континент лепит род человеческий по собственному образцу, и, переселившись с одного на другой, любой народ вскоре – спустя этак полсотни поколений – не будет ничем отличаться от корен-

ных его обитателей. Не сомневаюсь, иные миры способны перекрыть человека до неузнаваемости, однако, по-моему, люди останутся людьми во веки веков.

– Пожалуй, – согласилась Гунни, – только вот выражение «к этому времени» тут не подходит. Как знать, в каком времени мы окажемся, завернув к очередному солнцу... Однако разговор у нас затянулся, и ты, Севериан, похоже, порядком устал. Не хочешь прилечь, отдохнуть?

– Только если и ты приляжешь, – ответил я. – Ты ведь устала не меньше, а то и сильнее моего, пока бегала мне за пищей и за лекарством. Так что отдохни, а заодно расскажи, что еще знаешь о рыскунах.

На самом деле мне, почувствовавшему себя много лучше, захотелось обнять тело женщины, а то и погрузиться в женское лоно, а между тем лучший способ добиться близости со многими женщинами, к числу коих, по-моему, принадлежала и Гунни, довольно прост: представь им говорить, а сам слушай.

Гунни улеглась рядом.

– Да ведь я уже рассказала почти все, что могу. Часть их – матросы, сбившиеся с пути. Часть – дети этих матросов, рожденные на корабле: пока дети слишком малы для драки, их обычно прячут от всех. Еще кое-кто... помнишь, как мы ловили аппорта?

– Разумеется, помню, – подтвердил я.

– Так вот, аппорты – не всегда звери, хотя зверей среди них куда больше, чем кого-либо еще. Иногда к нам заносит людей, и порой им удается пробраться живыми на борт, где есть, чем дышать.

Сделав паузу, Гунни хихикнула.

– А знаешь, то-то, должно быть, их земляки удивляются: куда они могли запропасть? Особенно если паруса переносят к нам кого-то из важных шишек!

Тоненький девичий смех в устах такой крупной женщины казался настолько странным, что я, при всей своей неулыбчивости, невольно заулыбался.

– Еще говорят, будто часть рыскунов попадает на борт с грузами. Будто это преступники, бегущие с родных миров тайком, прячась в каких-нибудь ящиках. Или будто на своих мирах их считают всего лишь животными и потому перевозят, как живой груз, хотя они такие же люди, как мы. Но, по-моему, на таких мирах и нас за животных считали бы.

От ее волос, оказавшихся совсем рядом с моей щекой, веяло резким ароматом духов, и мне пришло в голову, что духами она наверняка пользуется далеко не всегда, а значит, надушилась ради меня, перед возвращением в наш закуток.

– Некоторые зовут их мутниками, потому что многие из них какие-то мутные – говорить не умеют. Наверное, какой-то собственный язык у них есть, но разговаривать с нами они не могут: если поймал кого, приходится объясняться знаками. Однако Сидеро как-то сказал, что «мутниками» их прозвали потому, что они воду мутят, баламутят, бунтуют.

– Кстати, о Сидеро, – вспомнил я. – Когда Зак привел тебя на дно воздушной шахты, Сидеро здесь, рядом, был?

– Нет. Кроме тебя, мы не нашли никого.

– А не видала ли ты моего пистолета, или ножа, который подарила мне при первой встрече?

– Нет, их мы не видели тоже. А упал ты вместе с ними?

– Не я, Сидеро. То и другое было на нем. На поясе. Я надеялся, что ему хватит честности вернуть их... ну что ж, по крайней мере, он меня не добил.

Гунни покачала головой – точнее, повернула ее из стороны в сторону поверх мягкой ветоши, так что ее румяная, округлая щека соприкоснулась с моей.

– Нет, на него это не похоже. Может, он порой и грубоват, но чтоб убил кого-то – о таком я ни разу не слышала.

– По-моему, он ударил меня, пока я лежал без сознания. Губы разбиты, и вряд ли при ударе об пол: падал-то я в нем, внутри, помнишь? Или об этом я еще не рассказывал?

Гунни, отодвинувшись в сторону, уставилась на меня во все глаза.

– Вправду? Ты и такое можешь?

– Да. Сидеро это пришлось не по вкусу, но, думаю, какая-то особенность конструкции не позволяла ему меня вытолкнуть, пока я оставался в сознании. А после падения он, должно быть, открылся и вытащил меня уцелевшей рукой. И мое счастье, что ноги мне не переломал... зато, вытащив, очевидно, ударил. За что я непременно прикончу его, когда встречу снова.

– Он всего-навсего машина, – негромко сказала Гунни.

Ладонь ее скользнула под мою изорванную рубашку.

– Вот уж не думал, что тебе об этом известно, – удивился я. – Казалось, ты считаешь его человеком.

– Мой отец был рыбаком, и росла я на лодках. Дай лодке имя, дай ей глаза, и она что ни день станет вести себя, как человек, и даже о многом расскажет. Но на самом-то деле она вовсе не человек. Рыбаки – они нередко с причудами, но отец говорил, что помешавшегося всерьез отличить можно вот как: спятивший, если лодка ему не по душе, не продаст ее, а утопит. Да, у всякой лодки есть собственный дух, но чтобы стать человеком, одного духа мало.

– А как отнесся отец к твоей вербовке в матросы? – спросил я. – Не ругался?

– Нет, – ответила Гунни. – Отец к тому времени утонул. Все рыбаки когда-нибудь тонут. А мать не пережила его гибели. Я на Урд возвращаюсь довольно часто, однако еще ни разу не смогла застать их в живых.

– Скажи, Гунни, кто был Автархом в твои детские годы?

– Не знаю, – отвечала она. – Подобные вещи нас сроду не волновали.

Тут Гунни всплакнула. Я принялся ее утешать, утешения быстро и совершенно естественно обернулись любовными играми, однако ее ожог покрывал большую часть живота и груди, а еще, как бы мы ни ласкали друг друга, память о Валерии разделяла нас незримой стеной.

Наконец Гунни спросила:

– Тебе не больно?

– Нисколько, – заверил ее я. – Мне просто жаль, что я сделал так больно тебе.

– Но ты вовсе не сделал мне больно.

– Ошибаешься, Гунни. Это мой выстрел обжег тебя там, в коридоре, у двери в мои апартаменты, и нам обоим об этом прекрасно известно.

Рука ее невольно потянулась к поясу, к ножнам с кинжалом, однако кинжал, отброшенный, когда она раздевалась, лежал среди прочей одежды, далеко в стороне.

– Идас, по собственным же словам, наняла одного из матросов, чтоб тот помог ей избавиться от трупа стюарда. Правда, о нанятом она говорила как о мужчине, но при этом слегка запнулась. Ты же работала с ней в одной вахтенной команде, и, пусть даже не знала, что Идас – девчонка, обращение за помощью к женщине с ее стороны, если у нее не имелось любовника, выглядит вполне естественно.

– И давно ли ты это понял? – прошептала Гунни.

На сей раз она не заплакала, но в уголке ее глаза набухла слеза – большая, округлая, как сама Гунни.

– Сразу же, как только ты принесла мне миску похлебки. Отчего мою руку обожгло пищеварительными соками этой крылатой твари? Оттого, что из всех частей тела только она и осталась снаружи, не прикрытая металлической шкуркой Сидеро – и, разумеется, я подумал об этом, как только пришел в сознание. А ты сказала, будто тебя обожгло искрой тока. Разницы между тем и другим – никакой, однако твое лицо и предплечья, ничем не защищенные, остались целы. Тебя обожгло как раз там, где тело обычно защищено рубашкой и брюками.

Здесь я сделал паузу, дожидаясь ответа, но Гунни молчала.

– В темноте я позвал на помощь, однако никто не откликнулся. Чтоб осветить коридор, я выстрелил, убавив мощность луча до минимума, а пистолет, стреляя, поднял вровень с глазами, но ни прицела, ни цели не видел, и луч слегка ушел книзу. И, надо думать, попал тебе в живот, несколько выше пояса. Пока я спал, ты, очевидно, отправилась на поиски Идас, чтобы выручить за меня еще хризос, но, разумеется, отыскать ее не смогла. К тому времени она была мертва, а ее тело я запер в каюте.

– Я бы ответила на твой зов, – сказала Гунни, – но дело-то нам предстояло секретное, а с тобой вроде бы не струсилось ничего страшного. В темноте заблудился – так свет скоро включат. И тут Идас приставил... Хоть ты и говоришь, что он был девчонкой, но я же об этом еще не знала... Приставил мне нож к горлу. А стоял он прямо у меня за спиной. Так близко, что твой выстрел его даже не зацепил.

– Ну, как бы там ни было, – продолжал я, – знай: обыскав тело Идас, я нашел девять хризосов. И спрятал их в кармашек ножен того самого, найденного тобой в трюме ножа. Сейчас мой нож и пистолет у Сидеро. Вернешь их мне – золото можешь забрать. Пользуйся на здоровье.

Продолжать разговор Гунни не пожелала. Какое-то время я, притворившись спящим, зорко следил за ней из-под полуопущенных век: не попробует ли прирезать?

Нет, покушаться на мою жизнь Гунни и не подумала – просто поднялась, оделась и, осторожно переступив через уснувшего Зака, выскользнула из закутка. Долгое время я ждал ее, однако она все не возвращалась, и, наконец, я тоже уснул.

XI. Схватка

Однако небытие сна овладело мною не целиком: казалось, я, отчасти бодрствуя, плыву, дрейфую в пучине беспамятства – в обители нерожденных и великого множества мертвых.

– *Известно ли тебе, кто я?*

Да, я это знал, хотя ни за что не смог бы ответить, откуда.

– Ты – капитан. Капитан корабля.

– *Так и есть. Но кто я?*

– Мастер, – пролепетал я, решивший, будто снова вернулся во времена ученичества. –

Не понимаю вопроса, мастер.

– *Кто капитанствует на этом корабле?*

– Не могу знать, мастер.

– *Я – твой судья, а та расцветающая вселенная вверена моему попечению. Имя мое – Цадкиэль.*

– Все это и есть мое испытание, мастер? – спросил я.

– *Нет. Это мне, не тебе вот-вот предстоит испытание. Ты, Севериан, был царем-полководцем. Царем-воителем. согласишься ли ты пойти в бой за меня? согласишься ли?*

– С радостью, мастер.

«Мастер... мастер... мастер...»

Казалось, отзвуки моего голоса грохочут со всех сторон. Иного отклика, кроме его эха, я так и не услышал. Солнце постигла смерть, и я остался один, совсем один в окружении стужи и мрака.

– Мастер! Мастер!

Открыв глаза, я увидел над собой Зака, трясущего меня за плечо.

На миг мне показалось, будто он разговаривает куда лучше, чем я полагал.

– Тихо ты. Я проснулся. Проснулся, – сказал я, подняв голову и сев.

– Тихо ты! Тихо ты! – повторил он за мной, точно попугай.

– Выходит, Зак, я во сне разговаривал? Должно быть, да, раз и ты услышал это слово.

Помнится...

Но тут я осекся: Зак поднял к уху сложенную горстью ладонь. И вправду, издали донеслись вопли, шум боя... и чей-то голос, зовущий меня по имени.

Не столько бегом, сколько распластавшись в прыжке, Зак вылетел за дверь первым. Я прыгнул следом и, едва коснувшись ладонями первой стены, точно так же, как он, извернулся, оттолкнулся от нее что есть силы и полетел дальше, ногами вперед.

Поворот, еще поворот, и впереди показалась кучка дерущихся. Еще прыжок – и мы с Заком стрелой влетели в самую гущу схватки, только я не успел разглядеть, кто тут свои и есть ли вокруг таковые.

Ко мне немедля прыгнул матрос с ножом в левой руке. Я, ухватив нападающего, как учил меня некогда мастер Гюрло, швырнул его о стену и лишь после этого узнал в нем Пурна.

Увы, на расспросы и извинения времени не было: великан с кожей цвета индиго уже направил кинжал мне в легкое. Отразив выпад ударом с обеих рук по толстому, точно полено, запястью, я слишком поздно заметил второй кинжал: его противник до последнего прятал, прижимая клинок к предплечью. Сверкнула сталь, я, увернувшись, отпрянул прочь, но пара борющихся оттолкнула меня назад, к великану, и перед моими глазами расцвел, раскрыв сердцевину из стали, голубой неньюфар – цветок смерти.

Однако цели он (как будто ради меня на время утратили силу законы самой природы) так и не достиг. Взвившаяся в замахе рука великана продолжила взлет: казалось, кулак и клинок стремительно тянут владельца назад, да с такой силой, что ему самому, хочешь не хочешь,

пришлось изогнуться дугой. Миг – и треск его плеча заглушил дикий вопль, изданный великаном, едва обломки кости пропоролы мускулы изнутри.

Как ни огромна была его ладонь, навершие кинжала на несколько пальцев торчало из кулака. Ухватившись одной рукой за него, а другой за крестовину гарды и повернув рукоять, я обезоружил противника и вогнал клинок ему в грудь. Великан рухнул навзничь, будто упавшее дерево – медленно, величаво, так и не согнув ног. Тем временем Зак, повисший на его поднятой кверху руке, точно так же, как я, вырвал у него и второй кинжал.

Каждый из пары трофеев вполне мог сойти за короткий меч, и урона мы ими нанесли немало... хотя, кабы Зака не пришлось защищать от одного из матросов, принявшего его за рыскуна, я бы, пожалуй, успел и больше.

Обычно подобные схватки заканчиваются с той же внезапностью, с какой начинаются. Сначала бежит один, за ним другой, и вскоре бежать приходится всем остальным: их слишком мало для боя. Так получилось и с нами. Обросший буйными космами рыскун с клыками атрокса взмахнул булавой из обрезка трубы, целя в мой кинжал. В ответ я отсек его кисть, перерубив руку в запястье, нанес укол в горло... и понял, что, кроме Зака, товарищей у меня не осталось. Последний из матросов, зажимая ладонью кровоточащую рану в плече, стрелой промчался мимо, и я, во весь голос окликнув Зака, рванулся за ним.

Если за нами и гнались, то без особого рвения. Миновав извилистый коридор, мы пронеслись через гулкий зал, полный безмолвных, неподвижных машин, а после еще один коридор (след бежавших явственно обозначали кляксы свежей крови на палубах и переборках, а раз нам подвернулось под ноги мертвое тело одного из матросов) вывел нас в зал поменьше, уставленный верстаками с грудками инструмента, к пятерке матросов, с ахами, охами и руганью бинтующих друг другу раны.

– Кто ты такой? – спросил один, пригрозив мне дирком.

– Пассажир, я его знаю, – ответил за меня Пурн, баюкавший правую руку, замотанную марлей и пластырем.

Матрос, вооруженный дирком, указал на Зака.

– А этот?

– Тронешь его, убью, – предостерег я.

– Этот не из пассажиров, – с сомнением протянул матрос.

– Я вам ничего объяснять не обязан и не намерен. Сомневаетесь, что мы вдвоем способны покончить со всеми вами – рискните, попробуйте.

– Уймись, Модан, – подал голос еще один матрос, прежде хранивший молчание. – Если уж сьер ручается за него...

– Ручаюсь. Целиком и безоговорочно.

– Вот и ладно. Этого нам достаточно. Мы все видели, как ты бил рыскунов, и твой волосатый друг не отставал. Чем мы тебе можем помочь?

– Например, рассказав, отчего рыскуны ополчились на вас – если, конечно, знаете. Мне говорили, на борту они имеются постоянно, но ведь наверняка не всегда ведут себя столь агрессивно.

Прежде открытое, дружелюбное лицо матроса сделалось замкнутым, хотя, казалось бы, его выражение не изменилось ни в одной мелочи.

– Слыхал я, сьер, будто им велено прикончить кого-то, пошедшего с нами в этот рейс, да только они его все никак не отыщут. Больше ничего сказать не могу. Если тебе известно что-то еще, стало быть, ты куда больше моего знаешь, как сказал хряк мяснику.

– Кто отдает им приказы?

Матрос отвел взгляд в сторону. Я оглядел остальных, и, наконец, Пурн ответил:

– Не знаем мы. Если у рыскунов и есть капитан, мы о нем до сих пор не слышали.

– Понятно. Мне хотелось бы поговорить с одним из офицеров – но не каких-то старшин, вроде Сидеро, а с кем-нибудь из помощников капитана.

– Честное слово, сэр, мы бы тоже хотели, – сказал матрос по имени Модан. – Думаешь, это мы на рыскунов с ходу бросились, без командира и без приличного оружия? Нет, мы всего-навсего сменная вахтенная команда из девяти матросов; это они на нас навалились. И теперь мы без пик да караула из морской пехоты вахту стоять не согласны!

Остальные дружно закивали, поддерживая его.

– Но вы же, разумеется, знаете, где я могу найти кого-нибудь из старших офицеров? – спросил я.

Модан пожал плечами.

– Где-нибудь на носу, сэр, или на корме. Больше я ничего сказать не могу. Чаще всего они либо там, либо там – в таких местах, где паруса наблюдательных и навигационных приборов не перекрывают. Стало быть, либо нос, либо корма. Лучшего места не сыщешь.

Я сразу вспомнил, как ухватился за бушприт во время диких полетов среди парусов и мачт.

– Насколько я понимаю, от носа мы сейчас довольно близко?

– Точно так, сэр.

– Тогда скажи, как пройти дальше вперед?

– А, это туда, – отвечал Модан, указав направление жестом. – А там тебе собственный нос дорогу покажет, как сказала обезьяна слону.

– А точно путь описать ты в состоянии?

– Точно так, сэр, в состоянии, только объяснение выйдет очень уж... неучтивым. Позволь, сэр, совет тебе дать?

– Об этом я и прошу.

– Держись лучше с нами, пока из опасных мест не уйдем. Тебе нужен старший офицер? Так мы тебя передадим кому следует, как только будет возможность. Пойдешь один, рыскуны тебя точно прикончат.

– За этой дверью направо, – заговорил Пурн, – а дальше прямо, пока не упруешься в межпалубный трап. Поднимешься наверх, следуй самым широким из коридоров. Только нигде не задерживайся.

– Спасибо, – ответил я. – Идем, Зак!

Мой волосатый спутник кивнул, а как только мы вышли за порог, указал подбородком назад.

– Плохой человек, – объявил он.

– Знаю, Зак, знаю. Нужно найти укромное место и спрятаться. Понимаешь? Ты ищешь по эту сторону коридора, а я – по эту. И не шумим.

На миг призадумавшись, Зак смерил меня вопросительным взглядом, но замысел мой явно понял. Стоило нам пройти вдоль коридора около чейна, он придержал меня за здоровую руку и указал на небольшую кладовку. Большую ее часть занимали какие-то бочки да ящики, однако места хватило и нам. Я притворил дверь, оставив для наблюдения щель шириной с волосок, и мы, усевшись на пару ящиков, принялись ждать.

Я был уверен, что в зале, где мы догнали их, матросы надолго не задержатся – отдышатся, перевяжут раны, а больше им там делать нечего. На самом же деле они не появлялись так долго, что я решил, будто мы упустили их: они ведь вполне могли вернуться назад, к месту схватки, или свернуть в какой-нибудь не замеченный нами боковой коридор, да еще наверняка долго спорили, прежде чем отправиться в путь.

Так ли, иначе, в конце концов, они появились. Я, предостерегая Зака, приложил палец к губам, но, кажется, надобности в этом не было никакой. Как только все пятеро, пройдя мимо,

удалились от кладовой элей на пятьдесят, если не больше, мы крадучись выскользнули в коридор.

Разумеется, предсказать, долго ли нам придется красться за ними, пока Пурн не окажется в самом хвосте (и окажется ли последним вообще), я не мог и в самом худшем случае приготовился, целиком положившись на нашу храбрость и их страхи, выдернуть его из середины процессии.

Однако фортуна приняла нашу сторону: вскоре Пурн поотстал от товарищей на пару-другую шагов. Унаследовав трон Автарха, я нередко водил войска в атаку на северном фронте и теперь, притворившись, будто возглавляю точно такую же атаку сейчас, заорал состоявшим из одного только Зака полчищам:

– Пандуры, за мной!

Размахивая оружием, мы, словно головной отряд целой армии, бросились на матросов, и те дружно, все как один, пустились бежать.

Пурна я рассчитывал, по возможности оберегая обожженную руку, взять со спины, но Зак избавил меня от хлопот. Прыжок, долгий-долгий полет, и мой товарищ сбил бегущего с ног ударом плеча под колени, а мне осталось лишь приставить острие кинжала к его горлу. В глазах Пурна отразился ужас, и отнюдь не напрасный – с ним я, вытянув из него все, что удастся, намеревался покончить.

На протяжении вдоха-другого мы, замерев, вслушивались в удалявшийся топот четырех пар ног. Зак, выхвативший нож из ножен на поясе Пурна, стоял над ним с клинками в обеих руках, испепеляя поверженного моряка крайне недружелюбным взглядом из-под кустистых бровей.

– Побежишь, умрешь на месте, – шепнул я Пурну. – Отвечай честно, и тогда, может, еще поживешь. Бинты на руке откуда? Где кисть повредил?

Пусть даже лежащий навзничь с моим кинжалом у горла, Пурн смерил меня взглядом, полным презрения. Взгляд этот мне был прекрасно знаком: сколько раз на моих глазах ломали таких молодчиков...

– Возиться с тобой мне недосуг, – сказал я, кольнув его кинжалом ровно настолько, чтоб пустить кровь. – Не станешь отвечать, так и скажи: прирежу тебя, и делу конец.

– В схватке с рыскунами. Ты сам там был и все видел. Ну да, не отрицаю, бросился на тебя. Так и есть. Думал, ты тоже из них. В компании с этим рыскуном, – пояснил он, покосившись на Зака, – тебя всякий бы за ихнего принял. Но на тебе ж ни царапины, ни синяка...

– ...как сказал удав кролику. Подобными присказками один мой знакомый постоянно сыпал, а звали его Ионей. В моряках служил, как и ты, и приврать при случае, точно так же, как ты, не гнушался. Когда мы с Заком вступили в бой, твоя рука уже была перевязана. Снимика повязку.

Пурн нехотя размотал бинты. Очевидно, рану его обработал умелый лекарь из того самого лазарета, о котором поминала Гунни, но, несмотря на аккуратные швы, происхождение раны не оставляло ни малейших сомнений.

Стоило мне склониться пониже, чтоб разглядеть ее, Зак, тоже согнувшись в поясе, оскалил зубы на манер дрессированной обезьяны. Тут мне и сделалось ясно, что дикие домыслы, которые я все это время столь старательно гнал из головы, есть чистая правда: Зак и есть тот самый косматый, прыгучий аппорт, изловленный нами в трюме.

ХII. Образы и подоби́я

Дабы скрыть охватившее меня замешательство, я водрузил на грудь Пурна ногу и рявкнул:

– Отчего ты пытался убить меня?

Случается, люди определенного склада, осознав неизбежность смерти, теряют перед ней всякий страх. Так вышло и с Пурном, и перемена отразилась на его лице: он словно открыл глаза.

– Оттого, что знаю тебя, Автарх.

– Значит, ты – один из моих подданных и на борт взошел со мной вместе.

В ответ Пурн кивнул.

– И Гунни?

– Нет, Автарх, Гунни из старослужащих. Она тебе не враг, если ты так подумал.

К немалому моему изумлению, Зак поднял на меня взгляд и кивнул.

– Об этом я, Пурн, знаю несколько больше, чем ты.

– Я так надеялся, что она поцелует меня, – будто ничего не расслышав, продолжал он. –

А ты ведь даже не знаешь, что это здесь означает.

– Она поцеловала меня при первой встрече, – сказал я.

– Я видел, и твое незнание обычаев заметил сразу. На этом корабле каждому новичку полагается обзавестись парой – любовницей либо любовником из тех, кто служит давно, чтоб его посвятили в обычаи на борту. Поцелуй – знак.

– Как известно, женщина вполне может и поцеловать, и убить, и одно другому нисколько не помешает.

– Гунни не из таких, – возразил Пурн. – Ну, я так думаю.

– Но ты готов был убить меня из-за нее? Ради ее любви?

– Я нанялся в рейс, чтобы покончить с тобой, Автарх. Ведь всем известно, куда ты отправился и что задумал, если удастся, привести в мир Новое Солнце, перевернуть Урд вверх дном и погубить всех до единого.

Неописуемо ошеломленный не только его словами, но и очевидным чистосердечием, я отступил на шаг. Пурн тут же вскочил на ноги. Зак немедля метнулся к нему, но, хоть и достал длинным клинком плечо несостоявшегося убийцы, рана оказалась неглубока, и тот зайцем умчался прочь.

Зак был готов, точно гончая, броситься за ним следом, однако, услышав мой оклик, остался на месте.

– Убью его, если снова попытается лишиться меня жизни, – пояснил я. – Однако преследовать человека, убежденного, будто вершит правое дело, по-моему, не годится. Похоже, мы оба на свой лад стремимся спасти Урд.

Зак в недоумении поднял брови и весьма выразительно пожал плечами.

– Ну, а теперь надо бы разобраться в тебе. Ты беспокоишь меня куда сильнее, чем Пурн. Разговаривать ты, вижу, умеешь.

– Зак говорить! – с энергичным кивком подтвердил он.

– И понимаешь, что говорю я.

Зак снова кивнул, но на сей раз вовсе не так уверенно.

– Тогда признайся честно. Не тебя ли мы с Пурном, Гунни и остальными ловили в грузовом трюме?

Зак, вытаращив глаза, замотал головой и отвернулся от меня в манере, красноречиво свидетельствующей, что этого разговора он продолжать не желает, но я не сдавался.

– Больше скажу: это ведь я изловил тебя. Изловил, но не убил, а чувство благодарности тебе, очевидно, не чуждо. Поэтому, когда Пурн напал на меня со спины... Зак! Зак, вер-нись!

Сорвавшись с места, Зак, как и следовало ожидать, бросился наутек, и угнаться за ним при моей-то увечной ноге не стоило даже надеяться. Из-за каких-то причуд корабля он еще долго оставался в поле зрения, появляясь с одной стороны лишь затем, чтоб вмиг исчезнуть в другой, а негромкое шлепанье его босых пяток какое-то время доносилось до меня даже после того, как сам Зак окончательно скрылся из виду. Все это живо напоминало один давний сон, сон о мальчишке – как и я, сироте, носящем то же имя, что и я сам, и ту же одежду, какую сам я носил в ученичестве, бегущем стеклянными коридорами: ведь в том сновидении маленький сирота Севериан отчасти играл мою роль, и лицо Зака, казалось, тоже приобрело некое сходство с моим, удлинненным и узким.

Однако на сей раз все это мне отнюдь не пригрезилось: сна – ни в одном глазу, в крови – ни капли дурмана... На сей раз я попросту заплутал где-то в извилистых лабиринтах корабельных палуб. Что же за существо этот Зак? Пожалуй, не из зловредных, хотя многие ли из миллионов видов, населяющих Урд, можно назвать зловредными хоть в сколь-нибудь буквальном смысле? Альзабо – да, это уж точно, и летучих мышей, пьющих кровь, и, может быть, скорпионов, да еще змей под названием «желтая борода» вместе с прочими ядовитыми змеями, да еще вид-другой... общим числом – дюжина или две среди множества миллионов. Как выглядел Зак при первом столкновении в трюме? Желтовато-коричневый, сплошь в густых лохмах, ничуть не похожих на шерсть или перья, четвероногий, бесхвостый, а также, вне всяких сомнений, без головы. К нашей второй встрече, в зверинце, он обзавелся шерстью, притупленной сверху головой и грубо очерченной мордой, и я машинально счел изначальное впечатление ошибочным, не потрудившись даже как следует припомнить первую встречу.

На Урд живут ящерицы, принимающие окраску всего, что бы их ни окружало – в листве становящиеся зелеными, среди камней серыми и так далее. Однако все это не для того, чтоб изловить жертву, как вполне можно подумать, а чтобы прятаться от зоркого взгляда птиц. А если так, разве не мог какой-нибудь иной мир породить на свет зверя, способного принимать облик других живых существ? Тогда природное, если можно так выразиться, его обличье может оказаться много чудней, непривычнее четвероногого, почти шарообразного создания, с которым я нос к носу столкнулся в трюме! Как правило, хищники не охотятся на себе подобных... а коли так, что же убережет жертву от гибели лучше внешности хищника?

Вот человеческие существа, должно быть, доставили зверьку немало трудностей: тут тебе и разум, и речь, и даже разница между волосами на голове и одеждой на теле. Вполне вероятно, космы наподобие узких лент, покрывавшие его вначале, являли собой первую попытку изобразить одежду, предпринятую, когда Зак еще полагал, будто одежда – неотъемлемая часть тела преследователей. Вскоре он осознал ошибку, и, не выпусти его мутники на волю вместе с прочими обитателями зверинца, со временем в загородке Зака обнаружился бы нагой человек. Теперь он практически и стал таковым, и вдобавок обрел свободу, а в его бегстве от меня нет ничего удивительного: инстинкт, велящий бежать от представителя имитируемого вида, разоблачившего его маскарад, наверняка заложен в подобного зверя природой одним из первых.

Размышляя обо всем этом, я двинулся вдоль коридора, где был оставлен Заком. Вскоре коридор разделился на трое, и я ненадолго остановился, не зная, которое из ответвлений выбрать. Казалось, резонов предпочесть одно двум другим нет, и я наугад свернул в левое.

Свернул... но далеко не ушел, так как вскоре заметил, что идти сделалось затруднительно. Первым делом мне пришлось в голову, будто я захворал, а затем – что причина не в хвори, а в каком-то дурмане. Однако чувствовал я себя несколько не хуже, чем покидая закуток, где прятала меня Гунни. Голова не кружилась, с ног я не падал, равновесие держал без труда...

...но, тем не менее, начал падать, едва подумав об этом. Нет, вовсе не потерял равновесия, сам того не заметив: просто не смог вовремя сделать очередной шаг, лишился опоры, и

собственный вес увлек меня вниз – хорошо, что падение оказалось очень и очень медленным. Ноги будто сковала какая-то непостижимая сила, а попытавшись выставить вперед руки и не сумев оторвать локтей от боков, я обнаружил, что и они скованы ею же.

Таким образом, я повис в воздухе, ничем не удерживаемый, по-прежнему во власти едва ощутимого притяжения палубы корабельных трюмов, однако не падая. Или, точнее, падая так медленно, будто никогда не достигну грязно-бурой поверхности палубного настила. Откуда-то издали, из недр корабля, донесся мерный звон колокола.

Все это оставалось без изменений на протяжении долгого-долгого времени... или, по крайней мере, на протяжении времени, показавшегося мне очень и очень долгим.

Наконец сзади донеслись чьи-то шаги, но повернуть головы и оглянуться я не сумел. Пальцы сами собой потянулись к трофейному кинжалу. Не сумев сдвинуть его с места, я что было сил стиснул в кулаке рукоять, напряг все мускулы...

Встряска, и все вокруг стремительно заволокло тьмой.

Казалось, я скатился с теплого ложа из ветоши, но потянувшаяся к нему рука нащупала только холодный пол. Жесткий, но это не страшно: необычайно легкий, я едва не парил над ним, однако холоден он был, точно одна из неглубоких луж, образующихся на льду Гьёлля с наступлением недолгого теплого времени года, а порой даже среди зимы.

Словами не выразить, как мне захотелось снова улечься на кучу ветоши! Если не отыскать ее, то и Гунни меня не найдет... Увы, сколько я ни ощупывал пол вокруг, постель исчезла как не бывало.

Продолжив поиски, я потянулся мыслями во все стороны разом. Как, объяснить не могу, однако охватить разумом весь корабль целиком не составило никакого труда. Миг, и перед мысленным взором моим предстали грузовые трюмы, вокруг коих шмыгали мы, словно крысы в стенах, ограждающих комнаты дома, и оказались они необъятными подземельями, битком набитыми самым странным добром. В руднике обезьянолюдей хранились целые залежи слитков золота и серебра, но любой трюм корабля (а насчитывалось таковых куда больше семи) превосходил его размерами многократно, а самые пустяковые из погруженных на борт сокровищ были сокровищами с далеких звезд.

Разум мой объял корабль целиком, со всеми его диковинными механизмами и устройствами, еще более дивными, не механическими, но и не живыми – из тех вещей, для коих у нас не имеется даже названий. На палубах обнаружилось множество людей, а еще больше – созданий, на людей ничем не похожих, и всяк был занят собственным делом: кто трудился, кто спал, кто предавался любовным утехам, а кто бился друг с другом насмерть. Всех их охватил я мыслью и даже узнал кой-кого, однако многих узнать не сумел.

Объял мой разум и мачты, в сотни раз выше, длинней толщи корпуса, и огромные паруса, ширью не уступавшие морю, исполинские в двух измерениях, но едва осязаемые в третьем. Еще недавно приведенный в ужас изображением корабля, теперь я охватил его весь иным чувством, много превосходящим зрение, окружил собою корабль, как он окружал собою меня... и, разумеется, отыскал свое тряпичное ложе, да только добраться до него так и не смог.

В чувство меня привела боль. Может статься, для этого боль и нужна, а может, она есть лишь цепь, выкованная, дабы связывать нас с бесконечностью настоящего, в горниле, о коем мы способны только догадываться, рукою неведомого нам кузнеца. Как бы то ни было, мое сознание съежилось, схлопнулось, рухнуло само в себя, будто материя, стремящаяся к сердцу звезды; будто строение в тот миг, когда камень снова становится камнем, неотличимым от тех, что некогда залегали глубоко в недрах новорожденной Урд; будто урна, разбитая вдребезги. Надо мною склонилась кучка оборванцев – большей частью людей.

Самый огромный из них оказался и самым оборванным, и это казалось мне весьма странным, пока я не сообразил, что ему просто негде раздобыть одежду по мерке, оттого он и носит то же, в чем попал на борт, вновь и вновь латая прорехи.

Великан ухватил меня за плечо и рывком поднял на ноги. Кое-кто из товарищей поспешил прийти ему на помощь, хотя в посторонней помощи он не нуждался ничуть. Затевать с ним драку было бы верхом безрассудства: противников насчитывалось не менее десяти, и все при оружии, однако я без раздумий нанес удар, начиная бой, в котором заведомо не мог победить, после чего удары посыпались на меня градом. Казалось, с тех самых пор, как моя рукопись отправилась в бездну пространства, меня непрерывно изводили, мучили, гоняли с места на место, а самому себе хозяином я если и становился, то совсем ненадолго. Посему к этому времени я был готов схватиться с любым, кто вздумает мною распорядиться – будь это даже сама судьба, и ей врезал бы от всей души.

Однако никакого толку из этого не вышло. От моего удара вожак пострадал не больше, чем сам я – во время великого множества жарких мальчишечьих драк. Мотнув головой, великан заломил мне руки за спину, а один из его сообщников скрутил их в запястьях проволокой и подтолкнул меня в спину. Подгоняемый им, я захромал вперед, и, наконец, меня втолкнули в тесную, узкую комнатку, и у дальней ее стены стоял сам Автарх, Севериан, прозванный придворными Великим, облаченный в роскошные желтые ризы и пелерину, усыпанную самоцветами, с жезлом, символом власти, в руке.

ХIII. Сражения

Конечно, то было всего лишь изображение, однако настолько похожее, что я, пусть на миг, но поверил, будто передо мною я сам. Под моим изумленным взглядом «Автарх Севериан» развернулся, преувеличенно царственным жестом указал на свободный угол комнаты и сделал два шага, а на третьем шаге исчез, но в тот же миг вновь появился на прежнем месте. Здесь он надолго замер, затем повернулся, снова взмахнул рукой и двинулся вперед.

Широкогрудый, что твоя бочка, вожак повелительно каркнул что-то на незнакомом мне языке, и кто-то освободил мои руки от проволочных уз.

Мой образ снова шагнул вперед. Избавившись от толики внушенного им презрения, я смог отметить и его волочашуюся на ходу ногу, и надменный наклон головы. Вожак рыскунов заговорил снова, и державшийся рядом коротышка, обросший давно не мытой, солевой, как у Гефора, седой шевелюрой сказал мне:

– Ему угодно, чтоб ты сделал то же самое. Не слушаешься, прикончим.

Однако я его почти не расслышал. В этот миг мне вдруг вспомнились роскошные наряды и изящество жестов придворных, и я, ничуть не желавший мысленно возвращаться в прошлое, оказался захвачен, поглощен ими, словно ненасытной крылатой тварью из воздушной шахты. Казалось, передо мной вновь возник серебристый ажур сходней, ведущих на борт пинаса (тогда я еще не знал, что это всего-навсего посыльная шлюпка огромного межзвездного корабля), и мои преторианцы, выстроившиеся плечом к плечу в две шеренги более лиги длиной, образуя аллею, слепящую взор, но в то же время почти невидимую...

– Бей его!

Толпа оборванцев захлестнула меня, словно водоворот. Решив, будто меня вот-вот убьют за то, что не поднял руки и не пошел вперед, я хотел было урезонить их – дескать, да подождите же... но даже рта раскрыть не успел.

Кто-то схватил меня за ворот, рванул назад, сдавливая горло. И совершил ошибку: притянутый к нему вплотную, я получил возможность дотянуться до его палицы, но прежде вонзил большие пальцы ему в глаза.

И тут в беснующуюся толпу вонзился фиолетовый луч. С полдюжины рыскунов попадали замертво. Еще этак полдюжины – с наполовину сожженными лицами, кто без руки, кто без ноги – завизжали от боли на разные голоса, в воздухе за клубился дым, ноздри защекотал сладковатый смрад горящего мяса. Вырвав из рук ослепленного мной человека палицу, я уложил его одним ударом. Глупость, однако рыскунам, бросившимся вон из комнаты, точно стая крыс от хорька, пришлось куда хуже, чем мне: фиолетовый луч выкашивал их, подобно колосьям спелой пшеницы.

Бочкогрудый вожак их повел себя куда разумнее: при первом же выстреле бросился на пол и распростерся в каком-то эле от моих ног. Теперь он, вскочив, бросился на меня. Навершием палице служила массивная шестерня – она-то и опустилась там, где его плечи соединились с шеей, причем в удар этот я вложил все имевшиеся силы.

С тем же успехом я мог бы огреть палицей арсинойтерия. В полном сознании, не утративший ни капли сил, вожак рыскунов с разбегу, точно помянутый арсинойтерий на волка, бросился на меня. Палица отлетела в сторону, а чудовищной силы толчок вмиг выбил из меня дух.

Слепящая вспышка – и вожак рыскунов, словно в попытке схватиться за голову, вскинул кверху семипалые ладони, однако от головы на его плечах остался только обрубок шеи, дымящийся наподобие пня во время лесного пожара. Великан вновь с разбегу бросился в атаку, но не на меня – на переборку, врезался в нее, отлетел прочь и вновь неистово, слепо рванулся вперед.

Второй выстрел едва не рассек его надвое.

Опершись об пол, чтобы подняться, я оскользнулся в его крови. Чья-то рука, невысказанно сильная, обхватила меня за пояс и подняла с пола.

– Сам стоять можешь?

Голос ее хозяина оказался знакомым: то был Сидеро, внезапно, к немалому моему удивлению, показавшийся мне одним из старых друзей.

– Думаю, да, – ответил я. – Благодарю тебя.

– Ты сражался с ними.

– Не слишком успешно, – заметил я, вспомнив, как водил в бой войска. – Можно сказать, из рук вон скверно.

– Но все же сражался.

– Да, если тебе так угодно.

В комнату хлынула толпа матросов, оцетинившихся фузеями и окровавленными ножами.

– А снова сражаться с ними согласишься? Постой, не отвечай, – с этим Сидеро качнул стволом собственной фузеи, призывая меня к молчанию. – Твой пистолет и нож я сберег. Возьми.

Действительно, мой пояс с оружием так и остался на нем. Прижав фузею к телу кульпяпкой правой руки, Сидеро расстегнул пряжку и вернул мне все разом.

– Благодарю тебя, – повторил я.

Ничего другого мне в голову не приходило; подумалось только, вправду ли он ударил меня, бесчувственного, или мои подозрения напрасны?

Металлическое забрало, заменявшее Сидеро лицо, не выражало никаких чувств, а его резкий голос – тем более.

– Теперь отдохни. Отдохни и поешь. Поговорим после. Этот бой не последний. Отдых! – рявкнул он, повернувшись к столпившимся рядом матросам. – Отдых и прием пищи!

И то и другое казалось весьма заманчивым. Драться за Сидеро я вовсе не собирался, однако перед мыслью о сытной еде в компании товарищей, которые постерегут мой покой во сне, устоять не сумел. А улизнуть (так мне в то время казалось) успеется и после.

У матросов нашлось немало съестного, а вскоре мы отыскивали запасы убитых нами рыскунов и спустя недолгое время уселись за восхитительный ужин из чечевичной похлебки со свиной, приправленной огненно-пряными травами, хлеба и вина.

Возможно, где-то неподалеку, кроме печи и съестных припасов, имелись и койки либо гамаки, но я лично слишком устал, чтобы разыскивать их. Правая рука еще изрядно побаливала, однако я точно знал, что уснуть это не помешает, а ноющая боль в голове унялась благодаря выпитому вину. Но едва я (пожалев мимоходом, что Сидеро не сберег вместе с поясом моего плаща) собрался улечься на отдых там же, где сидел, рядом присел на корточки матрос отменно крепкого телосложения.

– Помнишь меня, Севериан?

– Очевидно, должен бы, раз уж тебе известно мое имя, – ответил я.

На самом деле матроса этого я совершенно не помнил, однако в его лице чувствовалось нечто знакомое.

– Прежде ты звал меня Заком.

Я в изумлении поднял брови. Лампы светили неярко, но даже со скидкой на сие обстоятельство спутать его с прежним Заком было бы невозможно. Наконец я сказал:

– Не поминая вопроса, в который ни одному из нас не хочется углубляться, должен заметить, что с тех пор ты здорово изменился.

– Это все одежда. Снял с мертвеца. Побрился. У Гунни есть ножницы, она меня еще постригла.

– Гунни тоже здесь?

Зак кивком указал в дальний угол.

– Хочешь с ней поговорить? Она тоже, по-моему.

– Нет, – решил я. – Передай ей: утром поговорим.

Как ни хотелось мне сказать еще что-нибудь, в голову пришло только:

– И еще передай: все, что она для меня сделала, с лихвой искупает любые провинности.

Зак, кивнув, отошел.

Разговор о Гунни напомнил мне о хризосах Идас. Заглянув в кармашек ножен, я удостоверился, что монеты на прежнем месте, а затем лег и уснул.

Когда (написать «поутру» не рискну, так как в действительности времени утреннего или вечернего на корабле не бывает) я проснулся, большинство матросов были уже на ногах и дружно поедали остатки вчерашнего пиршества. К Сидеро присоединились два довольно стройных автоматона – думаю, точно таким же некогда был Иона. Все трое, стоя в некотором отдалении от остальных, о чем-то беседовали вполголоса, так что подслушать их разговора мне не удалось.

В каких должностях состоят эти наделенные свободой воли машины, общаются ли они с капитаном и старшими офицерами чаще Сидеро, я, конечно, не знал, а пока размышлял, имеет ли смысл обратиться к ним и назвать себя, оба покинули нас и скрылись в хитросплетениях коридоров. Сидеро, словно прочитав мои мысли, подошел ко мне.

– Теперь мы можем поговорить, – сказал он.

Я, согласно кивнув, объяснил, что как раз собирался сообщить ему и остальным, кто я таков.

– Бессмысленно. Я навел справки сразу же после встречи с тобой. Ты не тот, за кого себя выдаешь. Автарх в безопасности.

Я принялся убеждать его в своей правоте, однако Сидеро прервал меня, вскинув кверху ладонь.

– Оставим пререкания. Уж я-то знаю, что мне сообщили. Прежде чем снова вступать в спор, позволь мне объясниться. Я причинил тебе вред. Увещевать и карать – мое право и долг... но со временем это начало доставлять мне радость.

Я спросил, не имеет ли он в виду удара, нанесенного мне, пока я лежал без сознания, и Сидеро кивнул.

– Я не должен был...

Казалось, это еще не все, однако Сидеро умолк.

– Не могу объяснить, – после продолжительной паузы признался он.

– Что такое моральные соображения, нам известно, – сообщил я.

– Однако не так, как нам. Вы верите, будто знаете, как надлежит поступать. Мы – знаем точно, но часто совершаем ошибки. Мы вправе жертвовать людьми ради собственного спасения. Мы вправе передавать людям приказы вышестоящих и отдавать приказание сами. Мы вправе исправлять и карать. Но мы не вправе уподобляться вам, а именно это я и совершил. И должен искупить вину.

Я ответил, что вину он уже искупил, причем сполна, когда спас меня от рыскунов.

– Нет. Сражались с ними мы оба, ты и я. Это не в счет. Нанесенную тебе обиду я искуплю вот как. Нам предстоит большой бой. Возможно, последний. Прежде рыскуны только воровали. Теперь затевают резню, захват корабля. Капитан слишком долго их терпел на борту.

Критика в адрес капитана явно далась Сидеро весьма и весьма нелегко: я всем нутром чувствовал, как ему хочется отвернуться.

– Но тебя я от всего этого освобожу, – продолжил он. – Тогда мы и будем квиты.

– То есть мне не придется идти в бой вместе с тобой и твоими матросами, если я сам того не захочу? – спросил я.

Сидеро кивнул.

– До начала боя недалеко. Уходи поскорее.

Разумеется, именно это я и замышлял, однако теперь об уходе не могло быть и речи. Одно дело – сбежать от опасности по собственной воле, благодаря собственному хитроумию, но если тебя гонят прочь, отстраняют от битвы, будто какого-то скопца, в чем же тут доблесть?

Вскоре наш металлический предводитель скомандовал построение. Когда все мы выстроились в ряд, вид товарищей не внушил мне ни малейшей уверенности: в сравнении с ними иррегуляры Гусахта показались бы несокрушимым воинством. У нескольких, как и у Сидеро, оказались фузеи, еще несколько вооружились легкими аркебузами наподобие тех, что помогли нам изловить Зака (увидев одну из них в руках самого Зака, я с трудом удержался от смеха). Еще у горстки матросов имелись пики либо копья, но большинство бойцов, включая Гунни, стоявшую в некотором отдалении от меня, не глядя в мою сторону, не могли похвастать ничем, кроме ножей.

Тем не менее все они двинулись вперед довольно охотно, словно всерьез настроенные на битву, однако я понимал: надо думать, половина, если не все это воинство, после первого же выстрела пустится наутек. Поразмыслив, я подыскал себе место почти в самом конце нестройной колонны, дабы как можно верней оценить число дезертиров. Однако пока что таковых не наблюдалось: похоже, подавляющее большинство матросов, поставленных под ружье, видели в грядущем генеральном сражении лишь долгожданную возможность хоть немного отвлечься от тягот однообразной повседневной службы.

С ожидаемой баталией, как всегда, как во всех виданных мною войнах любого рода, вышла заминка. Целую стражу, а то и больше шагали мы обескураживающе запутанными коридорами корабля, миновали необъятное, гулкое помещение (должно быть, порожний грузовой трюм), раз остановились, устроив беспричинный, никому не нужный привал, а дважды к нам примыкали горстки матросов, с виду – людей, или созданий, к людям довольно близких.

Любым, кто, подобно мне, командовал армиями либо – опять же, подобно мне – повидал битвы, где обращались в прах, словно пучки травы в топке, целые легионы, овладел бы немалой силой соблазн посмеяться над нашим маршем, то и дело перемежавшимся остановками. Пишу «соблазн», так как смеяться тут, строго говоря, было не над чем – скорее, наоборот. Самая пустяковая стычка отнюдь не пустяк для тех, кто в ней гибнет, а посему и нам ее, в конечном счете, полагать пустяковой не стоит.

И тем не менее я, позвольте признаться, поддался сему недостойному соблазну, как поддавался многим другим. Поддался и забавлялся от всей души – особенно после того, как Сидеро (очевидно, в надежде по возможности уберечь меня от опасности) отрядил часть матросов в арьергард, а мне велел их возглавить.

Разумеется, матросов мне вверили из тех, на чьи силы Сидеро не рисковал полагаться, когда нашему разношерстному войску придет время вступить в бой. Шестеро из десятка оказались женщинами, причем женщинами далеко не такими рослыми и мускулистыми, как Гунни. Трое из четверых мужчин, также с виду отнюдь не дородные, были если не откровенно стары, то давно миновали пору расцвета сил. Вдобавок только четвертый из них – то есть я сам – обладал оружием хоть сколько-нибудь внушительнее рабочего ножа либо стального ломика-гвоздодера. Место (написать «в колонне» при всем желании не могу) нам отвели чейнов на десять позади основных сил.

Имей я такую возможность – повел бы наш невеликий отряд сам, так как был вовсе не против, чтоб любой из этих девяти бедолаг сбежал поскорее, если того пожелает. Увы, пойти первым я не мог: интерьер корабля – зыбкий свет, постоянное мельтешение красок и очертаний – до сих пор сбивал меня с толку, а посему сам я вмиг потерял бы всякий след Сидеро и остальных. За неимением лучшего выхода пришлось пустить вперед самого крепкого телом матроса, объяснить ему, какую нужно держать дистанцию, самому занять место сразу за ним, а

прочим предоставить идти следом – кто пожелает, конечно. Признаться, я всей душой сомневался, услышим, узнаем ли мы, что бой начался, буде идущие впереди столкнутся с врагом.

С врагом идущие впереди разминулись, а мы узнали об этом немедля.

Глядя вперед, через плечо ведущего нас за собою матроса, я увидел, как кто-то, выпрыгнув из-за угла, метнул в нас вращающийся на лету нож о множестве острий и мягкими, увесистыми прыжками тилакосмила помчался к нам.

Помнится, я этого не почувствовал, но боль от ожога, очевидно, лишила мою руку проворства. К тому времени, как мне удалось высвободить из кобуры пистолет, рыскун взвился в прыжке над телом злосчастного матроса. Сам я мощности выстрела не повышал, однако это, должно быть, проделал Сидеро: сгусток энергии, угодив в рыскуна, разнес его на куски – клочья разорванного тела брызнули мне навстречу испуганной стаей птиц.

Увы, возможности торжествовать победу, а уж тем более хоть чем-то помочь нашему проводнику, лежащему у моих ног, заливая кровью метательную гидру рыскуна, мне не представилось. Не успел я нагнуться, чтоб осмотреть его рану, как из бокового ответвления в коридор навстречу нам высыпало еще без малого полсотни рыскунов, и я со всей быстротой, с какой способен был жать на спуск, выпустил в толпу пять разрядов.

Огненный луч, исторгнутый чьим-то контосом, или боевым копьём, взревев, словно пламя в кузнечном горне, ударил в переборку за моей спиной, рассыпался фейерверком голубоватых искр. Развернувшись, я – насколько уж позволяла изувеченная нога – пустился бежать и пробежал, гоня перед собою уцелевших матросов, около полусотни элей. Не успели мы остановиться, как сзади донесся шум боя: рыскуны ударили по основным нашим силам с тыла.

Трое из них устремились за нами. Этих я пристрелил и роздал их оружие, пару копий и вульж, матросам, объявившим, что умеют с ними обращаться. Вновь двинувшись вперед, мы миновали дюжину с лишним убитых – частью из рыскунов, частью из матросов Сидеро.

Внезапный порыв ветра, с оглушительным свистом налетевшего сзади, едва не сорвал с моей спины изодранную рубашку.

XIV. Конец мироздания

Матросы, оказавшиеся куда умнее меня, поспешили надеть ожерелья. Я же сумел понять, что происходит, только увидев ожерелья на их шеях.

Ужасающей мощности взрыв где-то невдалеке от нас вскрыл обшивку, отделявшую коридоры от пустоты за бортом, и воздух из нашей части корабля устремился наружу. Надевая ожерелья, я услышал лязг огромных дверей – раскатистый, гулкий, словно гром титанических боевых барабанов.

Стоило мне щелкнуть застежкой ожерелья, ветер словно бы унялся, хотя в ушах по-прежнему слышалась его песнь, а вдоль коридора стремительно, мириадами сигнальных ракет неслись, обгоняя нас, буйные пыльные смерчи. Странно: вокруг меня всего лишь приплясывал умеренный бриз.

Крадучись, в любую минуту ожидая нового появления рыскунов, мы добрались до пролома. Казалось бы, где, если не здесь, мне удастся как следует разглядеть внутреннее строение корабля и узнать нечто новое о его конструкции... однако не тут-то было. Пробоину окружали лишь расщепленные доски, искореженный металл да растрескавшийся камень пополам с материалами, неизвестными на Урд, гладкими, словно нефрит или слоновая кость, но окрашенными в какие-то небывалые, диковинные цвета либо вовсе бесцветными. Местами среди всего этого виднелось нечто вроде ключев льняной кудели, ваты или грубой шерсти неких безымянных зверей.

Дальше, позади многослойных руин, нас ждали безмолвные звезды.

От основных сил мы безнадежно отстали, однако сомнений быть не могло: брешь в корпусе корабля необходимо закупорить, и как можно скорее. В надежде, выбравшись на палубу, отыскать там бригаду ремонтников за работой я знаком велел восьмерым уцелевшим матросам, назначенным в тыловое охранение, следовать за мной.

Будь мы на Урд, подняться наверх по разрушенным ярусам оказалось бы невозможно, но здесь не составило никакого труда. С осторожностью прыгни, ухватись за искореженную балку либо распорку и прыгай дальше, лучше всего – с каждым прыжком пересекая пробоину поперек, что в любых иных обстоятельствах выглядело бы безумием чистой воды.

Так мы добрались до палубы, хотя поначалу казалось, будто ничего этим не достигли: палуба оказалась столь же безлюдной, как ледяная равнина, простиравшаяся за верхними окнами Последнего Приюта до самого горизонта. Вдоль палубы змеились громады канатов, а еще несколько канатов колоннами тянулись вверх, удерживая стоймя остатки сломанной взрывом мачты.

Одна из женщин, махнув рукой, указала в сторону другой мачты, отделенной от нас не одной лигой. Поначалу я, как ни приглядывался, не смог разглядеть там ничего, кроме исплинского хитросплетения парусов, канатов и реев. Но вот среди них вспыхнул неяркий, крохотный, едва различимый среди звезд фиолетовый огонек... а на другой мачте вспыхнул в ответ такой же.

Далее произошло нечто столь странное, что на миг мне почудилось, будто все это обман зрения либо попросту сон. Казалось, мельчайшая крупинка серебра во многих лигах над головой склонилась к нам и медленно, крайне медленно начала расти. Конечно же, она падала, но, не встречая ни малейшего сопротивления воздуха, даже не трепетала, а сила тяжести, увлекавшая ее вниз, была столь незначительна, что падение превратилось в полет.

До сего времени я вел матросов за собой. Теперь они устремились вперед, полезли вверх по снастям обеих мачт, а я застыл столбом посреди палубы, замороженный невиданным зрелищем. Вскоре, оставшись один, я обвел взглядом вверенных моему командованию людей, стрелой перепархивающих с каната на канат, порой стреляя в прыжке... но сам все еще мешкал.

Следовало полагать, одну мачту удерживали мутники, другую же – экипаж корабля. На какую взбираться? Ошибка в выборе означала бы гибель.

За первым серебряным пятнышком последовало второе.

Сбить выстрелом единственный парус могли и случайно, но два, один за другим... здесь чувствовалась целенаправленность. Лишившись определенного количества парусов и мачт, корабль вовек не достигнет цели, а стремиться к этому могла лишь одна из сторон. Рассудив так, я прыгнул к вантам мачты, с которой падали паруса.

Выше я сравнивал палубу с ледяной равниной мастера Аска. Теперь, в прыжке, я сумел разглядеть ее много лучше. Воздух, по-прежнему рвавшийся в пустоту из огромной пробоины у подножия взорванной мачты, на глазах обретал видимость, превращался в призрак некоего титана, сверкающий миллионами миллионов микроскопических огоньков. Огоньки эти кружили над палубой в медленном-медленном (впрочем, на их месте и человек падал бы не быстрее) танце, оседали вниз, словно снег, покрывая настил белыми блестками изморози.

Миг – и вот я вновь стою у окна в доме мастера Аска, вновь слышу его голос:

– То, что ты видишь – последнее оледенение. Поверхность солнца совсем тускла и вскоре ярко вспыхнет от жара, однако само солнце сожмется, так что будет отдавать окрестным мирам еще меньше энергии. В итоге, если на Урд появится кто-то живой, с поверхности льда солнце покажется ему попросту яркой звездой. А лед, на который он встанет, будет уже не ледником, который ты видишь за окнами, а замерзшей атмосферой этого мира. Под этим льдом Урд и останется на долгие-долгие времена. Возможно, до завершения дня мироздания.

Казалось, он снова со мной. Даже после того, как приближение вант вновь привело меня в чувство, он словно бы летел рядом, а слова его отдавались эхом в ушах. Тем утром, когда я вел его одним из орифийских ущелий к Маннее, в госпиталь Пелерин, он внезапно исчез, и здесь, на корабле, я понял, каким образом ему удалось улизнуть.

Еще я понял, что ошибся в выборе мачты: если корабль навеки увязнет меж звезд, жив или мертв Севериан, некогда – подмастерье гильдии палачей, некогда – Автарх всея Урд, будет уже несущественно. Посему, добравшись до вант, я не полез на них, а развернулся и прыгнул вновь – на сей раз к мачте, удерживаемой рыскунами.

Сколь бы часто ни тшился я описать эти прыжки, порождаемый ими восторг и ужас мне не передать ни за что. Прыгаешь здесь точно так же, как и на Урд... но первый миг взлета растягивается до целой дюжины вдохов, словно полет брошенного ребенком мяча, и, упиваясь полетом, прыгун отчетливо сознает, что, миновав все до единой реи и шкоты, непременно погибнет – канет в пустоту навсегда, подобно мячу, заброшенному в морские волны. Разумеется, я, прыгая, чувствовал все то же самое, пусть даже взор мой до сих пор застилал образ равнины, укрытой льдом. Однако руки мои были вытянуты вперед, а ноги назад, и я казался себе самому не столько мячом, сколько чудесным нырлящиком из некоей древней сказки, нырявшим, где заблагорассудится.

Внезапно – без звука, без всякой видимой к тому причины – передо мной, в пространстве меж мачтами, где никаких снастей не было и быть не могло, возник новый канат – канат из слепящего пламени. Первый канат накрест перечеркнул второй, за ним – третий, но в следующую же миг все они угасли, исчезли, а я, едва разминувшись с ними, промчался сквозь пустоту. Очевидно, засевшие на мачте рыскуны, узнав меня, открыли по мне стрельбу.

Позволять врагу беспрепятственно палить по себе чаще всего неразумно. Выдернув из кобуры пистолет, я взял на прицел место, откуда был сделан последний выстрел.

Гораздо выше я рассказывал, как напугал меня, замершего в темноте коридора за порогом личной каюты, над телом убитого стюарда, крохотный алый огонек лампочки у затвора, означающий, что пистолет заряжен. Теперь он напугал меня вновь: нажимая на спуск, я с ужасом отметил, что лампочка не горит.

Ясное дело, о фиолетовом разряде не могло быть и речи. Будь я действительно таким умным, каким порой притворяюсь – наверное, выбросил бы пистолет сразу же. Но нет, я по привычке сунул его в кобуру, а нового выстрела, самого точного, даже не заметил, пока луч не сверкнул над моей головой, едва не опалив темени.

После этого стрелять и подставляться под выстрелы сделалось недосуг. Канаты такелажа тянулись кверху со всех сторон и здесь, у палубы, в самом низу, не уступали толщиной стволам огромных деревьев. Впереди показался канат, за который следовало ухватиться, а вдоль него вниз, наперехват мне, мчался один из рыскунов. Поначалу я счел его человеком вроде меня самого, только необычайно рослым и крепко сложенным, но затем (и времени все это заняло куда меньше, чем описание происходящего) обнаружил, что ошибаюсь: за канат он мог цепляться не только руками, но и ступнями ног.

Когда же он, словно борец, готовящийся схватиться с противником, протянул ко мне руки, на пальцах его в свете звезд блеснули длинные острые когти.

Несомненно, он рассудил, что мне придется схватиться за канат, иначе меня ждет гибель, а как только я ухвачусь за канат, тут он со мной и покончит. Однако я хвататься за канат не стал, а устремился прямо к врагу и остановил полет, вонзив ему в грудь нож.

Абзацем выше я написал, что остановил прыжок, однако в действительности едва с этим не оплошал. Оба мы закачались в пустоте: он – будто лодка на якоре, я – будто другая, зачalenная за нее. Выплеснувшаяся из раны по обе стороны от клинка, кровь врага, кажется, оказалась такой же алой, как человеческая, и ее брызги обернулись шариками вроде карбункулов, одновременно вскипавшими, замерзавшими и иссыхавшими, едва выплыв за пределы окружавшей его воздушной оболочки.

Испугавшись упустить нож, я дернул рукоять на себя – и, как и надеялся, ребра противника не подвели: клинок увяз в них так прочно, что мне удалось подтянуться к канату. Разумеется, после этого сразу же следовало взобраться повыше, однако я, ненадолго замешкавшись, пригляделся к нему: вдруг когти окажутся не природными, а рукотворными, наподобие стальных когтей волшебников из высокогорных джунглей либо люсэве Агии, располозовавшим мне щеку? Если так, они вполне могли бы мне пригодиться.

Увы, его когти оказались не вполне природными и не вполне рукотворными, а чем-то средним – думаю, результатом некоей чудовищной хирургической операции, проделанной над ним в раннем детстве, наподобие ритуальных увечий, наносимых мужчинам по обычаям некоторых племен автохтонов. Дстойные арктотера, когти были вылеплены, изваяны из его пальцев, устрашающих и в то же время парадоксально безобидных – за неспособностью удержать любое другое оружие.

Прежде чем я нашел в себе силы отвести взгляд в сторону, внимание мое привлекло необычайное сходство его лица с человеческим. Я заколол его, лишил жизни, подобно многим, многим другим, не перемолвившись с ним ни словом. Неписанный закон не позволяет палачу ни вступать в разговоры с клиентом, ни понимать что-либо из оным клиентом сказанного. То, что каждый из нас – палач, открылось мне еще в одном из давних, первых прозрений, и сейчас агония человекомедея подтвердила: я остаюсь палачом до сих пор. Да, убитый мною был рыскуном, но кто же мог знать наверное, по собственной ли воле он принял сторону бунтовщиков? Что, если причины, побудившие его биться за рыскунов, ничем не хуже моих, побуждающих меня драться на стороне Сидера и капитана, которого я знать не знаю?

Упершись ногой в его грудь, я выдернул нож из раны.

«Убитый» открыл глаза и взревел, хотя изо рта его, пенясь, брызнула кровь. На вид он казался мертвее мертвого, однако в первый момент я, вовсе не ожидавший его воскресения, куда сильнее удивился тому, что слышу его рев в бескрайнем безмолвии пустоты, а между тем объяснялось все просто: вблизи окружавшие нас атмосферы слились воедино, и я смог услышать даже бульканье крови, извергаемой раной.

Высвободив клинок, я ударил его в лицо. К несчастью, острое угодило в толстую лобную кость, а без опоры для ног удар оказался не настолько силен, чтоб пробить ее, и меня оттолкнуло назад – назад, в окружавшую нас пустоту.

Ответный удар – и когти человекомедведя рассекли мне плечо. Сцепившись, мы закружились, закувыркались над палубой, а оброненный мною нож парил между нами, поблескивая в свете звезд окровавленной сталью клинка. Попробовал я поймать его, но человекомедведь, взмахнув рукой, отправил нож в бездну межсолнечной пустоты.

Тогда я, дотянувшись до шеи противника, сорвал с него ожерелье из цилиндрических бусин. Ему бы в таком положении вцепиться в меня, да покрепче, но, вероятно, этому помешали когти на пальцах. Ударив меня наотмашь, он судорожно принялся хватать ртом пустоту, вмиг задохнулся, обмяк, а я кувырком полетел прочь.

Увы, всю возможную радость победы без остатка затмили угрызения совести вкупе с уверенностью, что вскоре такая же смерть ждет и меня. Совесть терзала меня, оттого что я вправду, со всей искренностью, на какую способен человеческий разум, когда ему более не грозят испытания, сожалел о его гибели, а уверенность в гибели собственной внушало направление полета: судя по наклону мачт, ни до растяжек, ни до вант мне было уже не дотянуться. Надолго ли хватит воздуха в ожерельях, я представлял себе разве что смутно – может, на стражу, может, чуть больше. Запас у меня двойной... значит, максимум на три стражи, а когда сей срок истечет, я неизбежно умру – медленно, все лихорадочнее и лихорадочнее хватая ртом воздух, неумолимо переходящий в ту форму, что дарит возможность дышать, жить, одним лишь цветам да деревьям.

Но тут я вспомнил, как спасся от гибели, запустив в пустоту свинцовый ларец с рукописью, и принялся думать, что могу выбросить на этот раз. Ожерелья? Нет, это – верная смерть. Сапоги? Сапогами я некогда уже пожертвовал, впервые в жизни выйдя на берег того самого всепоглощающего моря. Воспоминания о заброшенных в озеро Диутурна обломках «Терminus Эст» наводили на мысль об охотничьем ноже, сослужившем мне столь скверную службу, но нож уже канул в бездну...

При мне оставался лишь пояс, а на поясе – ножны из черной кожи с девятью хризосами в кармашке и разряженный пистолет в кобуре. Спрятав в карман хризосы, я снял пояс, и ножны, и кобуру с пистолетом, прошептал молитву и отшвырнул все это прочь.

Действительно, дальше я полетел гораздо быстрее прежнего – да только, вопреки всем надеждам, не к палубе, не к вантам и не к растяжкам, и вскоре поравнялся с верхним такелажем мачт справа и слева. Бросив взгляд в сторону на глазах уменьшавшейся палубы, я заметил искорку фиолетового луча, выпущенного с одной из мачт по другой, но на этом стрельба прекратилась. Более жуткий покой пустоты не нарушало ничто.

Вскоре я с обычным усердием, сопутствующим стараниям выкинуть из головы все до единой мысли о смерти, начал гадать, отчего по мне не стреляют, как во время прыжка к мачте, и почему никто не стреляет вообще.

Но стоило мне подняться над топом кормовой мачты, и все эти пустячные головоломки разом вылетели из головы.

Над кромкой самого верхнего из парусов, подобно Новому Солнцу, что, быть может, взойдет однажды над Несской Стеной (только гораздо, гораздо больше, прекраснее самого Нового Солнца в той же мере, в какой самый крохотный парус, венчающий мачту, а на поверку – целый материк из серебра, превосходит величиной громаду Несской Стены, нескольких лиг в высоту и нескольких тысяч лиг протяженностью, но в сравнении с ним кажущейся изветшавшей изгородью овчарни), всходило солнце, подобного коему вовек не увидит никто из стоящих ногами в траве – то самое, что знаменует рождение новой вселенной, изначальный взрыв, заключающий в себе все солнца разом, первое солнце, отец-прародитель всех будущих солнц.

Сколь долго дивился я на него в благоговении, сказать не могу, однако стоило мне вновь бросить взгляд вниз, на мачты, и мачты, и сам корабль оказались далеко-далеко.

Но тут мне пришла в голову новая мысль: помнится, когда наш невеликий отряд достиг пробоины во внешней палубе, я, подняв взгляд, увидел над собой звезды...

Оглянувшись, я устремил взгляд назад. Да, за спиной по-прежнему роились, мерцали звезды, но теперь они словно бы образовали в небе огромный диск, и, оглядев этот диск, я обнаружил, что края его изрядно выщерблены, изъедены временем. С тех пор я нередко размышляю над этим зрелищем здесь, близ всепоглощающего, ненасытного моря. Говорят, вселенная столь велика, что увидеть ее как есть не дано никому: всякий видит ее лишь такой, какова она была в прошлом (ведь я в бытность Автархом тоже не мог знать, как обстоят дела в Содружестве, а знал лишь, как обстояли они во время составления присылаемых мне донесений). Если все это так, быть может, и звезд, которые я увидел в тот миг, давным-давно не существовало, а донесения моих глаз оказались сродни бумагам, найденным мною в древних покоях Автарха под сводами Флаговой Башни, стоявших запертыми с давних-давних времен, но отворившихся по моему слову.

Посреди этого звездного диска сияла (как показалось мне поначалу) одинокая голубая звезда, изрядно крупнее, ярче всех остальных. Мало этого, она росла на глазах, и вскоре я понял, что до нее не так далеко, как мне думалось прежде. Гонимый светом, наш корабль обгонял свет, подобно кораблям, бороздившим беспокойные моря Урд, гонимым ветром, но некогда, во времена оны, обгонявшим сам ветер, даже идя в крутой бейдевинд. Но пусть и так, оказаться далекой голубая звезда не могла, и будь она вправду звездой какого-либо сорта, мы были обречены, ибо мчались к самому ее сердцу.

Звезда становилась все больше и больше, и вот середину ее перечеркнула черная линия, изогнутая, словно Коготь – Коготь Миротворца, каким я впервые увидел его, вынув из ташки и вместе с Доркас подняв ввысь, к небу, пораженный его лазурным сиянием до глубины души.

Как я и говорил, голубая звезда росла на глазах, однако кривая черная линия росла еще быстрее, пока не заслонила голубой диск (теперь я уже видел, что это диск) почти целиком. И тут-то я, наконец, понял, что это – канат, единственный канат, по-прежнему связующий взорванную мутниками мачту с палубой корабля. Ухватившись за него, я огляделся и увидел, как мироздание, наша вселенная, имя коей Брия, меркнет, исчезает, словно во сне.

XV. Йесод

Согласно всем законам логики мне следовало бы слезть по канату вниз и вернуться на корабль, но возвращаться я не спешил. Канат я поймал на таком расстоянии от корабля, что стаксели несколько заслоняли обзор, и потому (очевидно, возомнив себя бессмертным, либо решив, будто уже мертв – сие мне неизвестно) полез к мачте, волочившейся за кораблем, с нее перебрался на покосившийся рей, прополз его до конца и, повиснув на нем, вновь устремил взгляд вперед.

Говоря откровенно, описать открывшуюся мне картину попросту не в человеческих силах, однако я попытаюсь. К этому времени голубая звезда превратилась в ярко-лазоревый диск. О том, что до нее было вовсе не так далеко, как до призрачных звезд, я уже поминал. Однако эта звезда, не в пример им, действительно существовала здесь и сейчас, а если так, поди рассуди, что дальше, а что ближе! Глядя на голубую звезду, я все острее сознавал фальшь прочих: их ведь не просто не было там, где они якобы есть, их не существовало вообще, а значит, все они не просто фантомы, но, как и большая часть фантомов, обман. Лазоревый диск рос, ширился, и вскоре я разглядел на его фоне белые пряди облаков. Тут я мысленно рассмеялся, и, не успев отсмеяться, понял, сколь опасно мое положение, понял, что, оставаясь здесь, могу в любой момент распространиться с жизнью, однако даже не сдвинулся с места.

Между тем корабль несся к центру лазоревых звезд на полном ходу, и вскоре нас окружило со всех сторон кольцо из черного дерева, инкрустированного россыпью призрачных звезд – Венец Брия.

Стоило миновать его, лазоревый свет хлынул со всех сторон, а позади – там, где еще недавно сиял хорос из юных солнц – виднелась наша вселенная, кружок не больше черной как смоль Луны, вскоре уменьшившийся в небе Йесода до пятнышка, а затем вовсе скрывшийся из виду вдали.

Если ты, тот, кто однажды, может статься, прочтет все это, до сих пор, невзирая на многообразие совершенных мной глупостей, сохранил ко мне толику уважения, то наверняка утратишь ее сейчас: настала пора рассказать, как я перепугался, точно младенец при виде пугала из выдолбленной тыквы со свечкой внутри. Некогда, по пути к Обители Абсолюта, на нас с Ионой напали Гефоровы нотулы, изловленные зеркалами летучие твари, порхающие над землей подобно хлопьям сгоревшего пергамента в дымоходе, однако, при всей своей неосязаемости, весьма и весьма смертоносные. В этот миг я, взглянув назад, в сторону исчезающей за кормою Брия, решил, будто за мной вновь гонятся схожие существа, только не сажные, каким цветом отличались нотулы, а серебристые.

Охваченный ужасом, я сжался в комок, прячась за реем, но вскоре понял, что это (как, несомненно, уже догадался и ты, мой читатель) всего-навсего ключья тончайшего серебристого бремена взорванной мачты, подхваченные буйным ветром. Однако все это означало, что вокруг нас уже не пустота – атмосфера, воздух, пусть даже разреженный. Окинув взглядом корабль, я увидел его во всей его необъятной наготе: паруса исчезли, как не бывало, десять тысяч мачт и сто тысяч реев оголились, точно лес к началу зимы.

Как странно было, цепляясь за рей, дыша собственной, порядком уже истощившейся атмосферой, видеть, однако не чувствовать титанической силы бурю, бушующую вокруг! Едва я сорвал с шеи оба ожерелья, меня едва не снесло с импровизированного наместа, рев урагана безжалостно хлестнул по ушам.

И как же упивался я этим воздухом! Словами не передать. Одно скажу: то был воздух Йесода, студеный, как лед, сверкающий золотом жизни. Никогда еще я не пробовал на вкус подобного воздуха, и все же он показался знакомым.

Сорвав с моих плеч обрывки рубашки, ураган понес их прочь, к ключьям изорванных парусов, и в этот миг я узнал его. В тот самый вечер, покинув Старую Цитадель и отправившись в изгнание, я шел по Бечевнику, глазел на океанские корабли и каракки, лавировавшие вдоль широкой водной дороги, Гьёлля, и поднявшийся ветер, играя гильдейским плащом за мою спиной, рассказывал, рассказывал о северных землях, а ныне все тот же ветер провожал меня вновь, во весь голос славил новые годы, пел мне все песни и гимны нового мира...

Вот только где же он, новый мир? Под кораблем виднелась лишь лазурная чаша да пряди облаков – все то же самое, что видел я из старой, изрядно засаленной вселенной, приближаясь к воротам в эту. Поразмыслив немного (подолгу торчать без движения на таком холоде – сушая мука), я бросил ломать над этим голову, полез вниз, к палубе...

И тут, наконец, увидел – да не внизу, куда глядел прежде, а над головой – необъятную, величественно плавную дугу, тянущуюся вдаль в обе стороны, и плывущие между нами и нею белые облака; горизонт нового мира, изукрашенного крапчатой зеленью и синевой, словно яйцо лесной птицы.

Увидел я и нечто еще более дивное – явление в сей новый мир Ночи. Подобно братьям по гильдии, облаченная в сажный плащ, Ночь на глазах укрывала его полами красоты нового мира, и мне сразу вспомнилось, что она – мать сказочной Ноктуа из книги в коричневом переплете, о которой я некогда читал вслух Ионе, что над плечами ее кружат летучие мыши, а по пятам за ней, резвясь, словно щенята, трусят лютые волки, а Геспер и даже Сириус шествуют не за ней – впереди, и, вспомнив все это, я невольно задумался: каким образом, благодаря чему корабль наш опережает саму Ночь, если паруса его убраны и не улавливают ни лучика света?

В атмосфере, окружающей Урд, корабли иеродул ходят, как заблагорассудится, и даже судно, доставившее меня (а также Идас и Пурна, хотя в то время я этого не знал) на борт этого корабля, поначалу шло не на парусах, а как-то иначе. Очевидно, наш корабль тоже мог ходить без парусов, двигаясь за счет чего-то иного, но вот странность: зачем капитан до сих пор гонит его вперед прямым курсом? Карабкаясь книзу, я размышлял над всем этим, но размышлять оказалось куда как легче, чем прийти хоть к какому-то заключению.

Не успел я спуститься на палубу, как корабль тоже окутала тьма. Ветер не утихал, будто твердо решив унести меня прочь. Казалось бы, я уже должен чувствовать тяготение Йесода, однако чувствовал лишь слабое, едва заметное притяжение корпуса, как в пустоте. Наконец мне хватило глупости отважиться на прыжок. Ураганное дыхание Йесода немедля подхватило меня, точно опавший лист, и я, подобно гимнасту, покатился по палубе кувырком – счастье еще, что не врезался с лету в мачту.

Весь в синяках, ошарашенный неожиданным приключением, я принялся ощупывать палубу в поисках люка, а не найдя его, решил дожидаться дня – и тут день настал, внезапно, словно глас трубы. Миг – и над темным, круто, точно верхушка баклера, изогнутым горизонтом поднялось солнце Йесода, добела раскаленный шар из чистейшего золота.

Казалось, откуда-то издали донеслись голоса гандхарвов, певцов пред тронном Вседержителя. Еще миг, и далеко впереди корабля (блуждания в поисках люка привели меня к самому его носу) показалась огромная птица с широко распростертыми крыльями. Корабль несся на нее, словно лавина, однако птица заметила нас и, не прерывая пения, взмахнула могучими крыльями, взмыла ввысь. Крылья ее оказались белыми, грудь отливала изморозью, и если жаворонка с Урд можно уподобить флейте, то голос птицы с Йесода являл собой целый оркестр, хор множества голосов – от высоких, щемяще нежных, до низких, басовитее самого огромного барабана.

Как мне ни было холодно (а замерз я – зуб на зуб не попадал), я невольно остановился, заслушался, а когда птица, разминувшись с нами, скрылась за скопищем мачт и ее пение стихло вдали, вновь устремил взгляд вперед: не появится ли еще одна?

Нет, с дивными птицами мне на сей раз не посчастливилось, однако в небе появилось кое-что новое. Навстречу нам мчался корабль, каких я еще не видывал – корабль на крыльях гораздо шире крыльев скрывшейся за кормой птицы, но тонких, изящных, словно клинок меча. Едва мы поравнялись с ним, как и со встречной птицей, пройдя несколько ниже, корабль сложил крылья и стремглав спикировал к нам, так что мне на миг показалось, будто он, не обладающий хотя бы тысячной долей нашего веса, врезавшись в нас, разобьется на части.

Однако встречный корабль пронесся над верхушками наших мачт, словно стрела над копьями многочисленной армии, развернулся, вновь поравнялся с нами, опустился на наш бушприт и вытянулся на нем вдоль, совсем как барс, разлегшийся на ветке над оленьей тропой, карауля добычу либо попросту нежась на солнце.

Я замер в предвкушении встречи с его командой, однако с борта суденышка не спустился никто. Вскоре мне показалось, что встречный корабль вцепился в наш крепче, чем я полагал, а вскоре после этого в голове зашевелились сомнения: уж не ошибся ли я? Может быть, это вовсе никакой не корабль, а то, что он, серебристый на фоне лазурного мира, сам по себе бороздил небеса, парил над верхушками леса мачт, мне просто почудилось? Сейчас его корпус казался, скорее, частью нашего корабля, корабля, на котором я (по всем ощущениям) путешествовал долгое-долгое время, необычайно утолщенным бушпритом либо бикгедом, а крылья – просто-напросто ватербакштагами, с помощью коих он крепится к носу.

Однако еще некоторое время спустя мне вспомнилось, что именно такой корабль встречал прежнего Автарха по прибытии на Йесод. Возрадовавшись, я со всех ног помчался по палубе на поиски люка. Бежать в таком холоде, на таком ветру было одно удовольствие, хотя каждый шаг отдавался болью в хромой ноге. Наконец я снова прыгнул вперед, а ветер (на это я и рассчитывал) вновь подхватил меня, понес вдаль, вдаль, над необъятным настилом, да с такой силой, что, уцепившись за бакштаг и остановив полет, я едва не остался без обеих рук.

Этого оказалось довольно. В головокружительном полете я сумел разглядеть ту самую брешь, сквозь которую моя невеликая команда из десятка матросов выбралась на палубу. Добежав до нее, я без оглядки бросился вниз, в привычное тепло коридоров, озаряемых хаотическими вспышками ламп.

В коридорах снова гремел тот самый голос, не всегда отчетливый, но неизменно понятный. На сей раз он взывал к эпитому Урд, и я, радуясь теплу, полной грудью вдыхая воздух Йесода, казалось, проникший даже под палубы, бежал вперед со всех ног, уверенный, что час моего испытания наконец-то настал или вот-вот настанет.

Корабль прочесывали поисковые партии из матросов, однако мне долгое время не удавалось встретиться ни с одной, пусть даже их голоса звучали где-то совсем рядом, а порой я даже мельком видел то одного, то двоих. Наконец, распахнув какую-то дверь в полутемном углу, я оказался на решетчатых мостках наподобие галереи и в тусклом свете, струившемся с потолка, разглядел внизу, под ногами необъятную равнину, в беспорядке заваленную строевым лесом пополам со всевозможными механизмами, а среди всего этого белели подобно сугробам грязного снега груды бумаг, окруженные россыпями ароматной, душистой пыли, словно талой водой. Если это был и не тот самый трюм, куда меня сбросил Сидеро, то очень, очень похожий.

Навстречу мне из его глубины двигалась небольшая процессия – как вскоре сделалось ясно, триумфальная. Многие из моряков размахивали над головой фонарями, чертя в полумраке трюма фантастические узоры при помощи их лучей, другие дурачились, скакали, выкидывая замысловатые антраша, а кое-кто пел:

– Баста, баста, брат! Надоело грязь топтать!
Мы, ребята, подрядились в долгий-долгий рейс,
Поведем большой корабль аж за край небес!
И не воротимся назад, пока целы паруса,

Надоело грязь топтать!..

...и так далее.

Однако процессию составляли не только матросы. Среди матросов навстречу мне шествовало около полудюжины созданий из полированного металла – в том числе Сидеро собственной персоной, без труда узнаваемый даже издали, поскольку руки ему заменить так и не удосужились.

А вот трое, державшиеся слегка поодаль от остальных, мужчина и пара женщин в плащах с капюшонами, оказались мне незнакомы. Чуть впереди них, словно возглавляя процессию, склонив голову так, что длинные светло-русые волосы целиком закрывали лицо, шел совершенно нагой человек ростом куда выше любого другого. С первого взгляда казалось, будто человек этот поглощен некими размышлениями (тем более что руки он на ходу держал за спиной, а я и сам нередко точно в той же манере расхаживал по покоям, размышляя над множеством бед и невзгод, осаждавших наше Содружество), однако вскоре мне удалось разглядеть сталь цепи на его запястьях.

XVI. Эпитом

Уже не столь невежественный, как прежде, я спрыгнул с мостков и после долгого, медленного, скорее приятного, чем пугающего падения встретил шествие на полпути.

Пленник даже не поднял взгляда. Разглядеть его лица как следует я не смог, однако видел этого человека, определенно, впервые. Ростом он, по меньшей мере, не уступал экзультантам, а над матросами возвышался на добрых полголовы. И плечи, и грудь, и, насколько я мог судить, руки его оказались развиты – на зависть всякому, могучие мускулы бедер пружинили, играли на ходу под бледной до полупрозрачности кожей, словно тела анаконд. В золотистых прядях его волос не нашлось ни следа седины, и, судя по стройности, ему было от силы лет двадцать пять, а может, и меньше.

Троица, следовавшая за удивительным пленником, выглядела – зауряднее не бывает. Все среднего роста и средних же лет; мужчина, кроме плаща, был облачен в длинную блузу с рейтузами, а обе женщины в свободные платья чуть ниже колена длиной. Оружия ни при ком из них не имелось.

Стоило им приблизиться вплотную, я отступил далеко в сторону, однако какого-либо внимания удостоился только со стороны матросов. Несколько (хотя никого из них я не узнал) замахали мне, призывая присоединиться к их празднеству. Лица гуляк лучились радостью, перхлестывающей через край, требуя поделиться ею со всяким встречным.

Я поспешил к ним, и тут меня крепко схватил за руку Пурн. Не заметивший его вовремя, я вздрогнул от страха и неожиданности – ведь он уже дважды успел бы меня заколоть, но нет, на лице его отражалась лишь радость встречи. Прокричав что-то (слов я в общем гомоне не разобрал), Пурн от души хлопнул меня по спине. Спустя еще миг Гунни, отпихнув его в сторону, расцеловала меня столь же крепко, звучно, как и при первой встрече.

– Подлец ряженный, – сказала она и поцеловала меня снова.

На этот раз поцелуй вышел не таким грубым, но куда более затяжным.

Выяснить с ними отношения в таком гаме явно не стоило, и, откровенно сказать, если им хотелось со мной помириться, то я (не имевший на борту ни единого друга, кроме Сидеро) был бы этому только рад.

Змеей втянувшись в дверной проем, наша процессия миновала длинный, круто тянувшийся вниз коридор, а коридор тот привел нас в отсек, не похожий ни на одно из помещений, где мне когда-либо доводилось бывать. Стены его казались иллюзорными, зыбкими, но вовсе не призрачными – скорее, необычайно тонкими, тоньше ткани, готовыми лопнуть в мгновение ока, и мне тут же вспомнился мишурный блеск балаганов ярмарки Сальта, где я лишил жизни Морвенну и свел знакомство с зеленым человеком. Охваченный недоумением, силясь понять, к чему все это, я замер посреди общего галдежа.

Тем временем одна из женщин в плащах уселась на высокий табурет и захлопала в ладоши, призывая сошедшихся к тишине. Не подогретое вином, веселье матросов слегка улеглось; ее вскоре послушались, и загадка моя получила ответ: за тонкими стенами негромко, но явственно шумел ледяной ветер Йесода. Вне всяких сомнений, я слышал его посвист и прежде, только сам того не сознавал.

– Дорогие друзья! – заговорила женщина. – Благодарим вас за гостеприимство и помощь, и, разумеется, за все внимание, уделенное нам на борту этого судна.

Матросы откликнулись нестройным гомоном – кто попросту добродушными возгласами, а кто и блеснул простонародной, провинциальной учтивостью, в сравнении с которой манеры придворных выглядят сущей дешевкой.

– Знаю, многие из вас родом с Урд, однако хотелось бы точнее оценить, сколь много здесь ее уроженцев. Будьте любезны, покажитесь. Пусть каждый, кто родился на мире под названием Урд, поднимет вверх руку.

Руки подняли почти все.

– Всем вам известно, к чему и за что приговорены нами народы Урд. Теперь они полагают, будто заслужили наше прощение и шанс вновь занять те же места, что и в прежние...

Большая часть матросов, в том числе – Пурн (но Гунни, как я отметил, к ним не прикнула), разразилась свистом и глумливыми выкриками.

– Посему они, дабы заявить об этом, и отправили к нам эпитама. Да, он пал духом и скрывался от нас, но этого не следует ставить в вину ни им, ни ему. Напротив, мы полагаем, что подобная демонстрация осознания вины, лежащей на родном мире, свидетельствует в их пользу. Сейчас мы, как видите, собираемся отвезти его на Йесод, для судебного разбирательства. В то время как он будет представлять Урд на скамье подсудимых, прочим надлежит представлять ее на скамьях амфитеатра. Принуждать к сему кого-либо мы не станем, однако ваш капитан дал позволение взять с собой тех из вас, кто пожелает. Прежде чем корабль снова отправится в путь, всех их вернут на борт. Те, кто не хочет лететь с нами, пусть удалятся немедленно.

Несколько матросов из задних рядов тихонько двинулись к выходу.

– Также, – продолжила женщина, – пусть нас покинут и те, кто рожден не на Урд.

От толпы отделилось еще несколько матросов. Больше никто не ушел, хотя, по-моему, многие из оставшихся походили на людей разве что смутно.

– Все остальные готовы отправиться с нами?

Оставшиеся согласно загудели.

– Постойте! – крикнул я, пробиваясь вперед, где меня наверняка услышат. – Если...

И тут произошли разом три вещи: Гунни крепко зажала мне рот, Пурн заломил руки за спину, а пол, который я принимал всего лишь за палубу какого-то странного отсека нашего корабля, ухнул куда-то вниз.

Падая, он накренился так, что и мы, и толпа матросов, не устояв на ногах, смешались в кучу, а падение оказалось ничем не похожим на прыжки по вантам. Ненасытное тяготение Йесода немедленно вцепилось в нас, повлекло книзу, и после множества дней в едва ощущаемом притяжении корабельных трюмов показалось мне невероятно сильным, пусть даже значительно уступало тяготению Урд.

За переборками взвыл во весь голос чудовищный ураган, и в тот же миг переборки исчезли, как не бывало, однако что-то – что именно, мы бы сказать не смогли – по-прежнему заслоняло нас от буйного ветра. Еще что-то, в той же мере непостижимое, не позволяло нам вывалиться из небольшого флайера, будто букашки, сметенные со скамьи, и тем не менее мы оказались в воздухе, между небом, так сказать, и землей, если не брать в расчет узкой палубы под ногами.

Палуба та, накренившись, помчалась вперед, словно дестрие, несущийся в самую сумасбродную из атак самого отчаянного сражения от начала времен. Так быстро, как мы, не скользил со склона воздушной горы ни один тераторнис, а у ее подножия мы вновь ракетой взвились вверх, кружась, точно веретено – нет, точно стрела на лету.

Еще миг, и мы ласточкой промчались над мачтами корабля, а затем – вот уж и впрямь словно ласточка – заматались меж ними, огибая мачту за мачтой, канат за канатом, рей за реем.

Поскольку многие моряки попадали с ног либо присели на корточки, мне удалось не только разглядеть лица троих йесодцев, что привели нас на борт флайера, но и впервые окинуть взглядом лицо их пленника. Йесодцы держались спокойно (казалось, происходящее их даже слегка забавляет), лицо же рослого юноши облагораживало непоколебимое мужество. Сам я, понимая, что на моем собственном лице не отражается ничего, кроме страха, вновь чувствовал

себя как в тот день, в те мгновения, когда над строем сьявони, возглавляемых Гуасахтом, с ревом мчались пентадактили асциан. Однако к этому страху примешивалось еще кое-что, а что – сейчас расскажу.

Те, кто никогда не бывал в сражениях, полагают, будто дезертир, сбежавший с поля боя, стыдится содеянного. Нет, дезертиру несколько не стыдно, иначе не бывать бы ему дезертиром: на поле боя, за исчезающе ничтожным исключением, бьются трусы, страшась сбежать. Так вышло и со мной. Стесняясь проявить страх на глазах Пурна с Гунни, я скроил мину, несомненно, напоминавшую подлинную решимость не более чем посмертная маска старого друга напоминает его улыбку, помог Гунни встать и забормотал какую-то чушь: надеюсь-де, с ней все в порядке, и тому подобное.

– Мне-то что, а вот парнишке, на которого я свалилась, изрядно досталось, бедняге, – отвечала Гунни, и я понял, что ей стыдно не меньше, чем мне, а посему она полна решимости держаться твердо, пусть даже живот подводит от страха.

Пока мы вели разговоры, флайер вновь взмыл над мачтами, выровнялся и расправил крылья. Казалось, все мы стоим на спине какой-то громадной птицы.

– Вот вам и приключение, которым можно похвастать перед товарищами по возвращении на корабль, – сказала женщина, державшая перед нами речь. – Тревожиться не о чем. Неожиданностей больше не будет, а упасть за борт этого судна при всем желании невозможно.

– Я знаю, что ты собирался сказать ей, – прошептала Гунни, – но ведь сам видишь: настоящий нашелся.

– «Настоящий», как ты выражаешься, – это я, – возразил я, – и мне непонятно, что происходит. Я ведь тебе рассказывал... хотя нет, не рассказывал... Так вот, знай: вместе с верховной властью мне досталась память всех моих предшественников. Можно сказать, я – это не только я сам, но и они, все до единого. А прежний Автарх, передавший мне трон, тоже летал на Йесод, в точности так же, как я... Вернее, это я думал, будто меня здесь ждет все в точности то же самое.

Гунни, явно жалея меня, сокрушенно покачала головой.

– По-твоему, ты все это помнишь?

– Не «по-моему», а действительно помню! И каждый шаг путешествия, и даже остроту ножа, лишившего его мужского достоинства. И в тот раз все было совсем не так: его встретили с подобающим почтением, доставили вниз, а на Йесоде он претерпел долгие испытания и, наконец, был сочтен их не выдержавшим, так как сам счел, будто не выдержал их.

С этим я оглянулся на женщину и ее спутников, надеясь, что привлек их внимание.

– Все еще утверждаешь, что ты и есть настоящий Автарх? – спросил подошедший к нам Пурн.

– Да. Бывший, – ответил я. – И Новое Солнце на Урд приведу обязательно, если только сумею. А ты все так же готов зарезать меня за это?

– Не прямо ж сейчас! А может, и вовсе ну ее, эту затею. Я – человек простой, понимаешь? Потому в байки твои и поверил. Но когда настоящего изловили, понял, что ты меня просто за нос водил. Или умом повредился. Я в жизни никого не убивал, и за выдумки человека резать не стану. А лишить жизни того, кто, как говорится, из Порт-о-Луна приплыл – дело вовсе дурное, тут уж наверняка жди несчастий. Как думаешь, – обратился Пурн к Гунни, будто меня рядом нет, – он вправду во все это верит?

– Несколько не сомневаюсь, – отвечала она, а поразмыслив, добавила: – И, может, все это даже правда. Послушай меня, Севериан. Служу я здесь давно – послушай, не пожалеешь. Этот рейс на Йесод для меня второй, а первым мы, надо думать, твоего прежнего Автарха сюда везли, только я его ни разу не видела и вниз спуститься тогда не смогла. Ты ведь знаешь, что этот корабль пронзает ткань времени – туда-сюда, туда-сюда, будто штопальная игла, верно? Теперь-то знаешь?

– Да, – подтвердил я. – И, кажется, понимаю, к чему ты клонишь.

– А тогда ответь-ка, будь добр, вот на какой вопрос. Что, если мы привезли сюда не одного – двух Автархов? Тебя и одного из твоих преемников? Подумай: допустим, тебе предстоит вернуться на Урд. А там – рано ли, поздно – преемника выбрать. Что, если это он и есть? Или тот, кого выбрал в преемники он? А если так, какой тебе смысл стоять на своем и идти до конца? И в итоге за здорово живешь лишиться кой-чего нужного?

– Хочешь сказать, как я из кожи ни лезь, будущее предрешено?

– Ну да! Сам видишь: будущее-то – вон оно, на носу этого самого тендера...

Разговаривали мы так, точно никого из других матросов поблизости нет, однако в таких случаях никогда ни за что поручиться нельзя: ведь подобные вещи проходят лишь с молчаливого согласия игнорируемых. Один из матросов, оставленных мной без внимания, схватил меня за плечо и подтянул на полшага к себе, чтобы я лучше смог разглядеть нечто за прозрачным, словно хрусталь, бортом флайера.

– Глянь-ка! – воскликнул он. – Глянь, не пожалеешь!

Однако я первым делом взглянул на него самого и вдруг осознал, что этот матрос, для меня ничего не значивший, для себя самого – пуп мироздания, а я для него лишь статист, один из миманса, лишенный всякой индивидуальности и служащий лишь для того, чтоб, разделив его восторги, удвоить их.

Отказ означал бы нечто сродни предательству, и посему я послушно устремил взгляд наружу. Наш флайер, замедлив ход, описывал широкий-широкий круг над островом посреди бескрайнего синего, невероятно прозрачного моря. Остров возвышался над волнами огромным холмом, облаченным в зелень садов и белизну мрамора, а подол его платья окаймляла бахрома из множества крохотных лодок.

Казалось бы, любоваться тут особенно нечем: и Стена Несса, и даже Башня Величия выглядели куда внушительнее. Однако этот остров намного превосходил их кое-чем иным: в нем все без изъятия было прекрасно, от него так и веяло радостью, вздымавшейся выше самой Стены, к темным грозovým тучам.

При виде этого острова и грубых, бессмысленных лиц окружавших меня матросов меня осенило: за всем этим кроется нечто еще, нечто большее, однако неразличимое глазом. Словно в ответ на невысказанный вопрос из глубин памяти всплыло видение, посланное одной из туманных особ, толпящихся (с моей точки зрения) за спиной прежнего Автарха, из тех наших предшественников, кого я вижу в лучшем случае смутно, а зачастую не вижу вовсе. То был образ прекрасной девы в разноцветных шелках, словно росой усыпанных жемчугами. Дева та пела на улицах и площадях Несса, засиживалась у фонтанов до ночи. Ни один горожанин не дерзал причинить ей обиды, ибо ее заступник, пусть даже оставаясь незримым, укрывал все вокруг своей тенью, хранил деву от любых бед.

XVII. Остров

Скажи я тебе, уроженцу Урд, всю жизнь дышавшему ее воздухом, что флайер наш сел на воду, словно водоплавающая птица огромной величины, ты наверняка вообразишь себе потешное «плюх» и множество брызг. Да, флайер действительно сел на воду, но безо всякого всплеска и брызг: ведь на Йесоде (в чем я убедился собственными глазами вскоре после того, как мы коснулись воды, глядя по сторонам, сквозь борта флайера) водоплавающие птицы умеют опускаться в волны столь мягко, изящно, будто вода для них – тот же воздух, разве что холоднее, как и для птичек, обитающих близ водопадов, ныряющих в их струи за мелкой рыбешкой и чувствующих себя в воде так же непринужденно, как прочие птицы в кустах.

Таким же манером опустились в море и мы. Едва коснувшись воды, флайер сложил необъятные крылья, мягко закачался на волнах, но словно бы не прервал полет. Матросы заговорили, зашумели меж собой, и Гунни с Пурном, наверное, тоже завели бы со мной разговор, предоставь я им такую возможность. Однако я не оставил им ни шанса, так как хотел запомнить, впитать все окружавшие нас чудеса до единого, а еще понимал, что, заговорив, острее прежнего почувствую за собою обязанность сообщить троице, удерживавшей в плену рослого длинноволосого юношу: вам, дескать, нужен не он, а я.

Посему я (как полагал сам) глазел вокруг сквозь борта флайера, наслаждался вкусом дивного ветра Йесода, напоенного освежающей чистотой морских вод без единой крупинки соли пополам с ароматами дивных, исполненных жизни йесодских садов, и обнаружил, что борта, прежде невидимые, сделались также неосязаемыми. Казалось, мы плывем по морю на узком плоту под навесом из сложенных крыльев над головой, и увидел я, должен заметить, немало.

Как и следовало ожидать, одна из женщин-матросов столкнула за борт напарницу, но те, кто стоял ближе к корме, вытащили ее и, хотя вымокшая во всеулышанье сетовала на зверский холод воды, море оказалось вовсе не столь холодным, чтоб нанести ей какой-либо вред, в чем я убедился, нагнувшись и окунув в воду руки.

Удостоверившись в том, я зачерпнул из-за борта йесодской воды, выпил все, уместившееся в горсти, и, хоть вода вправду оказалась почти ледяной, всем сердцем обрадовался, пролив немного на грудь. Эта мелочь напомнила мне одну древнюю сказку из книги в коричневом переплете, которую я одно время носил при себе как память о Текле. Рассказывалось там о некоем человеке: как-то раз, поздней ночью, возвращаясь домой через пустошь, увидел он пляшущую пару, мужчину с женщиной, присоединился к ним, а завершив танец, отправился с ними, омыл лицо в невидимом дне источнике и утолил жажду его водой.

Дальше жена его, наученная неким необычайно мудрым устройством, пришла на то же место спустя ровно год и услышала голос мужа, поющего соло под разухабистый, буйный мотив, и топот множества пляшущих, однако не увидела вокруг ни души. Когда же она спросила обо всем этом мудрое устройство, ей было сказано, что муж ее отведал вод иного мира, омылся ими, а посему к ней больше не вернется.

Так оно и вышло.

На беломраморной улице, ведущей от пристаней к зданию на вершине холма, я избежал от общества матросов, держась как можно ближе к троице йесодцев и их пленнику. Матросы настолько приблизиться к ним не осмеливались, однако и сам я не смел признаться этим троим, кто я таков: по меньшей мере, сотню раз открывал рот, да так ни на что и не решился. Наконец я все же заговорил, но лишь затем, чтоб спросить, когда состоится суд, сегодня или же завтра.

Женщина, державшая перед нами речь, оглянулась.

– Тебе так не терпится увидеть его кровь? – с улыбкой спросила она. – Нет, ты ее не увидишь. Сегодня иерограммат Цадкиэль не соизволит занять Трон Правосудия, а посему мы

ограничимся предварительным разбирательством. Предварительное разбирательство можно, буде возникнет надобность, провести и в его отсутствие.

Я отрицательно покачал головой.

– Поверь, госпожа, крови я повидал немало и отнюдь не горю желанием любоваться ею впредь.

– Тогда зачем же ты здесь? – с прежней улыбкой спросила она.

Ответил я чистую правду, однако не всю.

– По-моему, таков мой долг. Но скажи тогда вот что: допустим, Цадкиэль не соизволит занять Трон Правосудия и назавтра. Позволят ли нам дожидаться его здесь? И разве не все вы такие же иерограмматы, как он? И все ли вы говорите нашим языком? Услышав его из твоих уст, я был весьма удивлен.

Шел я на полшага позади, и вследствие этого ей приходилось говорить со мною, оглядываясь через плечо. Улыбнувшись шире прежнего, моя собеседница поотстала от остальных и взяла меня под руку.

– Сколько вопросов! Как же запомнить их все, а уж тем более ответить на каждый?

Пристыженный, я забормотал извинения, однако, невероятно взволнованный теплым, ищущим прикосновением ее руки, не сумел выговорить ничего внятного.

– Впрочем, ради тебя я, так уж и быть, постараюсь. Цадкиэль ожидается завтра, но к чему ты об этом спрашиваешь? Неужели боишься стосковаться по мытью палуб и тасканию тяжестей?

– Нет, госпожа, – выдавил я. – Мог бы, остался бы здесь навсегда.

Улыбка ее угасла.

– На нашем острове ты пробудешь, общим счетом, менее суток. Придется тебе – нам с тобой, если ты того хочешь – извлечь из этого времени все возможное...

– Разумеется, хочу! – ответил я, нисколько не покривив душой.

Выше я писал, что выглядела она совершенно обычной женщиной средних лет, и вправду, так оно и было: невысокого роста, с заметными морщинками в уголках глаз и губ, виски серебрятся легкой изморозью седины... однако во всем этом чувствовалась некая неодолимая притягательность. Возможно, причиной тому была всего-навсего аура острова – в силу схожих причин некоторые из обычных людей находят привлекательными всех экзюльтанток без исключения. Возможно, все дело заключалось в ее глазах, огромных, блестящих, отливающих не померкшей с возрастом синевой глубин йесодского моря. Возможно, необычайную привлекательность ей сообщало нечто третье, ощущаемое подсознательно... однако я вновь почувствовал то же самое, что и в тот день, когда, будучи много моложе, встретил Агию – всепоглощающее желание, по сути плотское, однако ж одухотвореннее любой веры, ибо вся плоть его немедля сгорела в его же собственном пламени.

– ...после предварительного разбирательства, – закончила она.

– Разумеется, – откликнулся я. – Разумеется. Что я? Покорный раб госпожи.

Знал бы я, на что соглашаюсь!

Впереди с воздушной легкостью перистого облака поднималась ввысь широкая белокаменная лестница, окаймленная по бокам фонтанами. Моя собеседница с лукавой, безмерно притягательной улыбкой смерила ее взглядом.

– Что ж, если ты вправду мой раб, повелеваю: неси меня наверх, и неважно, хромой ты или вовсе безногий!

– Отнесу с радостью, – ответил я и наклонился, будто затем, чтоб подхватить ее на руки.

– Нет, нет, – рассмеялась она и с девичьей легкостью двинулась наверх. – Что скажут твои товарищи?

– Что мне оказана небывалая честь.

– И не решат, будто ты ради нас бросил Урд? – с улыбкой шепнула она. – Зал Правосудия уже близок, однако ответить на твои вопросы я постараюсь. Времени хватит. Во-первых, не все мы иерограмматы. Часто ли на Урд дети санньясинов становятся святыми сами? Во-вторых, по-вашему не говорю ни я, ни еще кто-либо из нас, и ты по-нашему не говоришь тоже.

– Но, госпожа...

– Не понимаешь?

– Нет...

Сказанное ею казалось настолько абсурдным, что иного ответа у меня не нашлось.

– Объясню после предварительного разбирательства. А сейчас я должна попросить тебя о небольшой услуге.

– Все, что угодно, госпожа.

– Благодарю. Если так, будь добр, отведи эпитома на скамью подсудимых.

Я озадаченно поднял брови.

– Мы испытываем, судим его с согласия жителей Урд – тех, кого он представляет здесь, на Йесоде. В ознаменование этого его должен препроводить на скамью подсудимых один из вас, такой же, пусть даже не столь выдающийся, представитель вашего мира, как и он сам.

– Хорошо, госпожа, я согласен, – кивнул я, – покажи только, куда его следует отвести.

– Прекрасно. Что ж, страж у нас есть, – сообщила она сопровождавшим ее йесодцам.

Те одобрительно кивнули, и тогда моя спутница, взяв пленника за плечо (хотя он легко мог бы воспротивиться), подвела его ко мне.

– Твоих товарищей мы отведем в Зал Правосудия сами, а там я объясню им, что происходит. Тебе это, думаю, ни к чему. А ты... как тебя зовут?

Тут я слегка замаялся, гадая, известно ли ей имя настоящего эпитома.

– Ну же, неужто это такая страшная тайна?

Что ж, признаться мне в скором времени предстояло, так или иначе, хотя я надеялся прежде послушать, о чем будет говориться на предварительном разбирательстве, дабы подготовиться и встретить свой черед во всеоружии. Приостановившись вместе с нею под портиком, я ответил:

– Имя мое – Севериан, госпожа. А как, позволь узнать, звать тебя?

Новая ее улыбка оказалась столь же неотразимой, как и первая на моей памяти.

– В своем кругу имена нам ни к чему, но теперь, познакомившись с тем, кто нуждается в них, я назовусь Афетой. Не бойся, – добавила она, заметив сомнение в моем взгляде, – те, кому ты назовешь это имя, поймут, о ком речь.

– Благодарю, госпожа.

– Ну, а теперь веди его – вон под ту арку, – велела Афета, указав вправо. – За нею увидишь длинный эллиптический коридор. Дверей в его стенах нет, заблудиться негде. Следуй им до конца, и коридор приведет вас в Зал Правосудия. Взгляни на его руки: видишь, как они скованы?

– Да, госпожа.

– В Палате увидишь кольцо для пристегивания подсудимых. Веди его прямо туда, пристегни – найти разъемное звено и разобраться во всем нетрудно, займи место среди свидетелей, а по завершении заседания дождись меня. Я покажу тебе все чудеса нашего острова.

О чем речь, тон ее не оставлял никаких сомнений.

– Но я ни в коей мере недостоин сего, госпожа, – с поклоном ответил я.

– А вот об этом предоставь судить мне. Ступай. Сделай, как велено, и не останешься без награды.

Вновь поклонившись, я повернулся к великану и взял его за плечо. Выше уже говорилось, что ростом пленник превосходил любого из экзультантов, и в этом я нисколько не преувеличивал: высок он был, почти как Бальдандерс – правда, не столь тяжел, зато молод и полон

сил (пожалуй, настолько же молод, как сам я в тот памятный день, когда, переступив порог Двери Мертвых Тел, ушел из Цитадели с «Терминус Эст» за спиной). Проходя следом за мною под арку, ему пришлось нагнуться, однако шел он покорно, точно годовалый барашек за пастушонком, приучившим его к поводку, а теперь задумавшим продать на рынке какому-нибудь семейству, где барашка охолостят, дабы успел разжиреть к праздничному застолью.

Действительно, формой коридор больше всего походил на яйцо из тех, что фокусники ставят на столик стоймя: плавно изогнутые, стены его смыкались высоко над головой, образуя почти остrokонечный свод, а внизу еще более плавно переходили в пол наподобие неглубокого желоба. Госпожа Афета оказалась права: ни одной двери в нем не имелось, зато по обе стороны тянулись вдоль стен ряды окон. Последнее меня озадачило, так как я полагал, что коридор огибает дугой зал суда, расположенный в центре здания.

На ходу я поглядывал то вправо, то влево – поначалу любопытствуя, каков собой Остров Йесода, затем дивясь его поразительному сходству с Урд, и, наконец, едва не цепenea от изумления. Вскоре увенчанные снежными шапками горы и равнины пампасов уступили место череде крайне странных интерьеров, как будто каждое из окон вело в иное, новое здание. Просторный, безлюдный зал, облицованный зеркалами... еще зал, гораздо просторнее первого, с множеством полок, заваленных книгами... тесная, устланная соломой камера с зарешеченным оконцем под потолком... темный, узкий коридор меж двух рядов железных дверей...

– Что ж, дело вполне очевидно: здесь ожидали меня, – повернувшись к клиенту, сказал я. – Вон камера Агила, а вон наши темницы под Башней Матачинов, и так далее, и так далее. Вот только за меня отчего-то принимают тебя, Зак.

Произнесенное вслух, его имя словно развеяло некие чары. Встрепенувшись, пленник откинул со лба длинные волосы, глаза его полыхнули огнем, мускулы напряглись, словно вот-вот с треском разорвут кожу, цепь, стягивавшая запястья, натянулась до скрежета. Без раздумий, практически машинально заступив ему за ногу, я швырнул пленника через бедро, как когда-то, давным-давно, учил нас мастер Гюрло.

Пленник рухнул на белый камень, словно бык на арену. Казалось, огромное здание содрогнулось под его тяжестью, но в следующий же миг он, несмотря на оковы, вскочил и со всех ног помчался прочь, в глубину коридора.

XVIII. Разбирательство

Я устремился за ним и вскоре увидел, что шаги его хоть и длинные, но неуклюжи – Бальдандерс, и тот бегал лучше, а еще ему изрядно мешают бежать руки, скованные за спиной.

Впрочем, у него тоже имелась изрядная фора. Казалось, к лодыжке моей хромой ноги привязана гиря, так что погоня, вне всяких сомнений, давалась мне куда тяжелее, мучительнее, чем ему. Возможно, волшебные, а может, попросту искусно устроенные, окна медленно, словно крадучись, проплывали мимо одно за другим. В два-три я заглянул сознательно, на большинство даже не покосился, однако все открывавшиеся за ними картины остались при мне, в пыльной потайной кладовой на задах, а то и на самом дне памяти. Улегся туда и эшафот, на коем я некогда заклеимил и обезглавил женщину, и укрытый тьмой берег реки, и крыша известной гробницы.

Пожалуй, я посмеялся бы над этими окнами, если б и без того не хохотал про себя чуть не до слез. Хваленые иерограмматы, правители мироздания и тем, что за его пределами, не только опростоволосились, перепутав со мною другого, но вдобавок тщатся напомнить мне, не забывающему ни одной мелочи, сцены из моей же собственной жизни, причем воссоздают их (на мой взгляд) гораздо грубей, безыскуснее, чем моя память. Да, возможно, они не упустили ни единой детали, однако в каждой картине чувствовалась некая едва уловимая фальшь.

Останавливаться я не мог (или полагал, будто не могу), но, наконец, хромая мимо одного из этих окон, повернул голову и пригляделся внимательнее, чего прежде не предпринимал. За окном открывался вид на летний домик в садах Абдиеса, где я допрашивал, а после отпустил с миром Кириаку, и на сей раз единственного долгого взгляда оказалось довольно, чтоб наконец-то понять: окна показывают не то, что видел и запомнил я сам, а то, что виделось в то же время Кириаке, Иоленте, Агии и так далее. К примеру, вновь заглянув в летний домик, я сразу почувствовал: за краем оконной рамы скрывается некто ужасный, однако великодушный... и это не кто иной, как я – я собственной персоной.

Это окно оказалось последним. За ним тенистый коридор заканчивался второй аркой, озаренной ярким солнечным светом. При виде нее я разом похолодел, охваченный ужасом, понятным только тому, кто, подобно мне, рос и воспитывался в гильдии. Сомнений не оставалось: клиента, вверенного моему попечению, я потерял.

Ринувшись в проем арки, я увидел впереди, под портиком Зала Правосудия, беглеца, ошеломленно оглядывающего окружившую его толпу. В тот же миг он, заметив меня, бросился сквозь толчею к главному входу.

Я закричал, требуя задержать его, однако толпа, словно нарочно, в пику мне, услужливо расступилась перед ним, раздалась в стороны. Казалось, мне вновь снится один из кошмаров, терзавших меня во время ликторства в Траксе, и вскоре я, очнувшись от сна, хватая ртом воздух, почувствую на груди тяжесть ладанки с Когтем.

Невысокая женщина, выскочив из толпы, бросилась к Заку и схватила его за плечо. Зак отряхнулся, словно бык, избавляющийся от вонзившихся в бока дротиков. Женщина рухнула на пол, однако успела вцепиться в его лодыжку.

Этого оказалось довольно. В следующий миг я настиг беглеца, и, хотя здесь, на Йесоде, ненасытное тяготение коего немногим уступает тяготению Урд, вновь стал хромцом, силы отнюдь не утратил, а его руки по-прежнему оставались скованы за спиной. Дотянувшись до Закова горла, я потянул его на себя, согнул, словно лук. Зак немедля обмяк, и я (порой, чтоб угадать намерения человека, прикосновения вполне достаточно), почувствовав, что сопротивляться он больше не станет, отпустил его.

– Драться – нет. Бежать – нет, – заверил он.

– Вот и ладно, – ответил я и наклонился, чтоб поднять на ноги женщину, помогшую его изловить.

Тут я ее и узнал. Узнал и невольно бросил взгляд на ее ногу. Нога оказалась совершенно обычной – то есть полностью зажила.

– Спасибо, – пробормотал я. – Спасибо тебе, Гунна.

Гунна в изумлении подняла брови.

– Я думала, ты – моя госпожа... Сама не пойму, отчего.

Зачастую мне весьма нелегко сдерживать голос Теклы, рвущийся с языка, и на сей раз я не стал чинить ей препятствий.

– Спасибо тебе, Гунна. Ты ничуть не ошиблась, – сказали мы, улыбнувшись при виде ее замешательства.

Гунна, покачав головой, подалась назад, в толпу, и тут я мельком увидел в проеме той самой арки, которой привел сюда Зака, рослую даму с темными вьющимися волосами. Сомнений быть не могло – ни малейших, даже спустя столько лет... Нам захотелось окликнуть ее, но ее имя колом застряло в горле, лишив нас и дара речи, и даже сил.

– Не плакать, – с неожиданными в этакое звучном басы детскими нотками сказал Зак. – Не плакать, пожалуйста. Я думать, все быть хорошо.

Я повернулся к нему, собираясь ответить: вовсе я, дескать, не плачу... но обнаружил, что он полностью прав. Если я когда-либо и плакал, то разве что совсем маленьким, и даже помню об этом весьма смутно: плакать ученики отучаются быстро, а кто не отучится, тех остальные изводят, пока их не постигнет смерть. Вот Текла, бывало, плакала, а в камере рыдала нередко, но ведь я только что видел ее, Теклу!

– Я плачу лишь оттого, что очень хочу догнать ее, однако нам нужно туда, внутрь.

Зак понимающе кивнул, и я, без промедления подхватив его под локоть, двинулся вместе с ним в Зал Правосудия. Коридор, указанный мне госпожой Афетой, попросту огибал зал сбоку, и я, переступив порог, повел Зака широким проходом между расставленных рядами скамей, мимо матросов, провожавших нас взглядами. Мест на скамьях оказалось гораздо больше, чем собравшихся, и потому матросы занимали только ближайшие к проходу.

Впереди возвышался Трон Правосудия, сооружение куда величественнее и аскетичнее любого судейского кресла, какие мне только доводилось видеть на Урд. Трон Феникса являл собой (а может, являет собою по сию пору, если еще цел где-то на дне морском) огромное позлащенное кресло с воплощенным в золоте, нефрите, сердолике и лазурите изображением птицы феникс, символа бессмертия, на спинке, и с бархатной, окаймленной золотыми кистями подушкой поверх сиденья, без коей последнее сделалось бы убийственно неудобным.

Трон Правосудия (иными словами, иерограмма по имени Цадкиэль) не походил на него ни в чем, ни в одной мелочи, и на поверку оказался вовсе не креслом, а колоссальной величины глыбой белого камня, волею времени, непогоды и случая отдаленно – не более, чем облака, в которых мы ухитряемся разглядеть то лицо возлюбленной, то голову некоего паладина, похожи на них настоящих – напоминавшей нечто наподобие кресла.

Афета сказала, что в Зале Правосудия мне нужно найти кольцо, но в подробности не вдавалась, и я, неторопливо шагая вместе с Заком вдоль прохода между скамей, принялся искать его взглядом. В итоге кольцо оказалось той самой штуковиной, которую я поначалу принял за единственное украшение Трона Правосудия – кованым железным обручем, подвешенным к огромной железной скобе, глубоко вбитой в камень у оконечности одного из «подлокотников». Тогда я начал искать упомянутое Афетой разъемное звено, но ничего подобного не нашел, однако уверенно повел Зака к кольцу, не сомневаясь, что, стоит нам подойти ближе, кто-нибудь непременно придет мне на помощь.

Увы, на помощь мне никто не пришел, но, осмотрев узы, я разом, как и обещала Афета, разобрался во всем. Разъемным оказалось одно из звеньев цепи, и разомкнулось оно легче

легкого – Зак сам справился бы с защелкой без какого-либо труда. Стягивавшая его запястья петлей цепь ослабла, соскользнула на пол, а я поднял ее, стянул ею собственные запястья, поднял руки над головой, пристегнул разъемное звено к кольцу в камне и принялся ждать разбирательства.

Однако никакого разбирательства не последовало. Матросы глазели на меня в изумлении. Я думал, Зака кто-нибудь уведет, либо он сбежит сам, однако к нему так никто и не подошел. Вскоре он устроился на полу подле меня, но не скрестив ноги, как поступил бы на его месте я сам, а присев и приняв позу, поначалу напомнившую мне сидящего пса, а после атрокса или еще кого-нибудь из крупных котов.

– Я – эпитом Урд и всех ее народов, – окинув взглядом матросов, объявил я.

То была речь, произнесенная в свое время прежним Автархом, однако я осознал это лишь после того, как заговорил. Делать нечего, пришлось продолжать, хотя в его случае разбирательство выглядело совершенно иначе.

– Я здесь, потому что заключаю в себе их всех – мужчин, женщин и даже малых детей, богатеев и бедняков, старых и молодых, и тех, кто спас бы наш мир, будь им это по силам, и тех, кто готов вырвать из его горла остатки жизненных сил ради собственной выгоды.

Непрощенные слова всплывали из глубин памяти сами собой.

– Еще я здесь, потому что именно я – законный и полновластный правитель Урд. Народов и государств у нас множество. Некоторые много крупнее, сильнее Содружества, и, тем не менее, лишь мы, Автархи, и никто кроме, думаем не только о собственных землях, но держим в уме все наши ветра, колышущие кроны каждого дерева, и все наши волны, омывающие каждый клочок суши. Доказательством сему служит то, что я стою здесь, перед вами, и тем же самым, появлением здесь, подкреплено мое право предстать перед сим судом.

Матросы слушали все это молча, но я, не прерывая речи, взглянул за их спины в поисках кого-либо еще – по крайней мере, Афеты со спутниками.

Нет, в зале их не оказалось, однако другие слушатели у меня появились. Пока я держал речь, толпившиеся в портике собрались под аркой, через которую мы с Заком вошли, и, стоило мне умолкнуть, неторопливо двинулись в Зал Правосудия, но не по центральному проходу среди скамей, подобно нам и, вне всяких сомнений, матросам, а разделившись на две колонны, разошлись вправо и влево и крадучись заполнили пространство между скамьями и стенами.

От неожиданности у меня перехватило дух: среди вошедших оказалась и Текла, и взгляд ее был исполнен такой скорби пополам с жалостью, что сердце болезненно сжалось в груди. Обычно страху я поддаюсь нелегко, однако, понимая, что и сожалеет, и скорбит она обо мне, не на шутку испугался глубины этих чувств.

Наконец Текла отвела взгляд в сторону, а я отвел взгляд от нее, и тут заметил среди толпы Агила и Морвенну с клеймами на щеках в обрамлении черных волос.

Окружало их около сотни человек – заключенных из наших подземных темниц и тракской Винкулы, и жуликов, которых я сек кнутом, и душегубов, казненных мною по приговору провинциальных властей. По другую сторону зала собралось еще человек около ста – асциане, и рослая Идас, и мрачно поджавшая губы Касдо с малышом Северианом на руках, и Гуасахт с Эрбломом под нашим зеленым боевым знаменем...

В ожидании первого вопроса я склонил голову и опустил взгляд к полу.

Однако время шло, а допрашивать меня никто не спешил. Если написать здесь, сколь долгим казалось мне ожидание, или хотя бы сколь долго оно продолжалось в действительности, пожалуй, мне никто не поверит. Одно скажу: прежде чем хоть кто-либо отважился заговорить, солнце в ясном йесодском небе склонилось к самому горизонту, и остров накрыли темные пальцы Ночи, пришедшей на смену дню.

Ночь привела с собой кое-кого еще. Скрежет когтей о каменный пол... а затем из мрака донесся детский голосок:

– Ну, можно, мы уже пойдем, а?

Да, к нам явился альзабо. Глаза его горели огнем в непроглядном мраке, вползшем в Зал Правосудия сквозь проем арки.

– Разве кого-либо удерживают здесь силой? – спросил я. – Я никого не держу.

– *Держишь!* – откликнулись сотни голосов. – *Держишь, да еще как!*

Тут я и понял: да это же не они меня – я должен допрашивать их, однако в надежде, что заблуждаюсь, сказал:

– Ну, так ступайте.

Никто не сдвинулся с места.

– О чем я должен спросить вас?

Ответом мне было молчание.

Между тем Ночь полностью вступила в свои права. Однако здание было выстроено из белоснежного камня, с отверстием в вершине вознесшегося к небу купола, и посему я прежде не замечал, что оно ничем не освещено. Когда же поднявшийся горизонт заслонил солнце, в Зале Правосудия сделалось темней, чем в покоях, устраиваемых Предвечным под ветвями огромных деревьев. Лица собравшихся померкли во тьме, угасли, словно пламя свечей – только глаза альзабо, отражавшие последние отсветы вечерней зари, пылали, будто пара малиново-алых углей.

Матросы в страхе зашептались между собой, из мрака донеслось негромкое пение ножей, покидающих тщательно смазанные ножны. Я крикнул им, что бояться нечего, что все это мои призраки, а вовсе не их.

– *Вовсе мы никакие не призраки!* – с детской запальчивостью пискнула малышка Севера.

Пара малиново-алых глаз придвинулась ближе, жуткие когти снова заскрежетали о каменный пол. Матросы на скамьях зашевелились, заерзали, и шум их возни отразился от купола гулким эхом.

Я безо всякого толку рванул цепь раз-другой, принялся искать ошупью размыкающееся звено и крикнул Заку, чтоб он даже не думал соваться к альзабо безоружным.

– Севериан, – откликнулась из темноты Гунни (ее голос я узнал без труда), – она же всего-навсего девчонка от силы лет шести!

– Она мертва! – пояснил я. – Мертва, а ее устами говорит зверь!

– Нет, девчонка на нем верхом едет. Они здесь, совсем рядом со мной.

Онемевшие пальцы наконец-то нащупали нужное звено цепи, но размыкать его я не стал, охваченный внезапной, непоколебимой уверенностью: освободившись сам и спрятавшись среди матросов, как было задумал, испытания я не выдержу наверняка.

– Справедливость! – закричал я, обращаясь к толпе у стен. – Я старался блюсти справедливость, и всем вам об этом известно! Возможно, вы меня ненавидите, но кто из вас может сказать, что пострадал от моих рук безвинно?

Сталь в руке человека, бросившегося ко мне, сверкнула во мраке, словно глаза альзабо. В тот же миг Зак, вскочив, бросился на него. Клинок нападавшего лязгнул о камень пола.

XIX. Безмолвие

В замешательстве я поначалу не понял, кем был освобожден: сумел лишь разглядеть, что их двое. Подойдя с обеих сторон, они разомкнули цепь, подхватили меня под руки и быстро поволокли за Трон Правосудия, где ожидала нас узкая лесенка, ведущая вниз. Позади царил сущий пандемониум: вопли и топот матросов смешались с бешеным лаем альзабо.

Лесенка оказалась длинной и довольно крутой, однако колодец ее располагался точно под отверстием в вершине купола, и посему ступени озаряли неяркие отсветы заката, отраженные россыпью облаков, хотя солнцу Йесода предстояло вновь появиться в небе лишь с наступлением утра.

Однако у подножия лесенки нас окружила такая тьма, что я даже не заметил, как мы вышли наружу, пока не почувствовал траву под ногами и ветер, дунувший в щеку.

– Спасибо, – сказал я, – но кто вы?

– Мои друзья, – ответила Афета откуда-то из темноты. – Ты видел их на судне, доставившем тебя сюда с корабля.

Судя по звуку голоса, ее отделяло от меня не больше пары шагов.

Во время нашего разговора двое других отпустили меня и... Как ни велик соблазн написать, будто оба немедля исчезли, поскольку именно так для меня все и выглядело, они, скорее всего, никуда не исчезли, а попросту удалились в ночь без единого слова.

Афета, шагнув ко мне, как и прежде, взяла меня под руку.

– Я обещала показать тебе чудеса...

Я увлек ее прочь, подальше от здания.

– Любоваться чудесами я пока не готов. Ни твоими, ни чудесами любой другой женщины.

Афета расхохоталась. В женщинах ничто не содержит фальши столь же часто, как смех, обычно служащий им чем-то вроде ни к чему не обязывающего междометия в светской беседе, наподобие звучной отрывки автохтонов на праздничном пиршестве, однако в смехе Афеты слышалось подлинное веселье.

– Я совершенно серьезно.

От пережитого страха я изрядно ослаб, весь покрылся испариной, однако овладевшее мной замешательство не имело к сему ни малейшего отношения, и если я хоть немного (правда, и в этом ручаться, пожалуй, не рискну) разбирался в собственных мыслях и чувствах, то к случайным любовным интрижкам был не расположен совсем.

– Тогда прогуляемся – подальше от этого места, которое тебе так хочется поскорее покинуть, и побеседуем. Днем у тебя вопросов имелось великое множество.

– Но теперь нет ни одного, – отвечал я. – Мне нужно подумать.

– О, это нужно любому из нас, – снисходительно усмехнулась она. – Причем постоянно, или почти постоянно.

К подножию холма вела длинная белокаменная улица, петлявшая из стороны в сторону, словно река, так что спуск ни разу не оказался крут. По обе ее стороны бледными призраками высились особняки, большей частью безмолвные, однако из некоторых доносился шум кутежей – звон бокалов, обрывки мелодий, стук каблуков танцующих... но ни единого звука человеческой речи.

– Ваш народ разговаривает совсем не так, как мы, – заметил я, миновав около полудюжины подобных домов. – У нас бы сказали, что вы не разговариваете вовсе.

– Уж не вопрос ли это?

– Нет, не вопрос – ответ. Наблюдение. По пути в Зал Правосудия ты сказала, что вы не говорите по-нашему, а я – по-вашему. Однако вы, кажется, не разговариваете между собой вообще.

– Сказано это было метафорически, – пояснила Афета. – Просто у нас свои средства общения. У вас они не в ходу, а среди нас не в ходу ваши.

– Плетешь парадоксы, чтоб поугатать меня? – спросил я, хотя мысли мои занимали совершенно иные материи.

– Вовсе нет. Вам средством общения служит звук, а нам – безмолвие.

– То есть жесты?

– Нет, безмолвие. Вы издаете звук при помощи дыхательного горла, а форму ему придают нёбо, язык и губы. Обычно вы обо всем этом не задумываетесь, так как к речи привыкли давным-давно, но на заре юности вам пришлось долго учиться голосовому общению, и этот путь до сих пор проходит заново каждый рожденный вашей расой ребенок. Мы тоже можем подавать голос, если захотим. Слушай.

Навострив ухо, я услышал негромкое бульканье, исходящее словно бы не от нее, но прямо из воздуха над ее головой – как будто некоему немому невидимке, стоявшему рядом, вдруг вздумалось прочистить горло.

– Что это? – удивился я.

– О-о, вот видишь, вопросы у тебя все же нашлись! Это мой голос. Так мы зовем на помощь в случае надобности – к примеру, попав в беду.

– Не понимаю, – отрезал я. – Не понимаю и вникать не хочу. Мне нужно остаться наедине с собственными мыслями.

Среди особняков белело множество фонтанов, окруженных деревьями – высокими, необычными, прекрасными даже в ночной темноте. Воду фонтанов здесь не облагораживали духами, как заведено в садах Обителя Абсолюта, однако аромат чистой йесодской воды казался нежнее, слаще любых духов.

Имелись вокруг и цветы (я видел их, сойдя с флайера, а после, с приходом утра, увидел вновь). Сейчас почти все они укрыли сердцевину беседками из сложенных лепестков; цвела одна лишь ипомея – лунный вьюнок, хотя луны в небе не было.

Наконец улица привела нас к холодному морю. У берега покачивалось на якорях несметное множество йесодских лодок, показавшихся мне с высоты бахромой бело-зеленого платья. Здесь былолюдно: среди лодок, между лодками и берегом прогуливалось немало пар. Время от времени одна из лодок с негромким плеском уходила в ночное море, а порой с моря подходили к берегу новые лодки под разноцветными парусами, с трудом различимыми в темноте. Огоньки на глаза попадались лишь изредка.

– Однажды, – нарушив молчание, заговорил я, – я имел глупость поверить, будто Текла осталась жива. То был обман, уловка, чтоб заманить меня в рудник обезьянолюдей, а подстроила это Агия... однако сегодня я видел в толпе ее казненного брата.

– Вижу, ты не понимаешь, что с тобою произошло, – слегка пристыженно ответила Афета. – Затем я и здесь – чтобы все тебе объяснить, но объяснять ничего не стану, пока ты не будешь готов меня выслушать. Пока не задашь вопроса.

– А если я ни о чем не спрошу?

– Тогда и объяснений никаких не получишь. Однако тебе лучше бы во всем разобраться, особенно если ты и есть Новое Солнце.

– Урд вправду так много значит для вас?

Афета отрицательно покачала головой.

– Зачем тогда столько возни вокруг нее... да и со мной?

– Затем, что для нас очень многое значит ваша раса. Конечно, покончить со всем этим одним махом было бы куда проще, однако вы рассеяны по десяткам тысяч миров, и такой возможности у нас нет.

На это я не сказал ничего.

– Заселенные вами миры слишком далеки друг от друга. Если один из наших кораблей отправится с одного на другой со скоростью света звезд, путешествие займет многие сотни лет. Конечно, на борту этого не заметят, но тем не менее. А если корабль помчится еще быстрее, лавируя среди солнечных ветров, время потечет вспять, и к месту корабль прибудет прежде отплытия.

– Должно быть, это весьма неудобно, – заметил я, глядя вдаль над водой.

– Для нас – да, но не для меня лично. Если ты полагаешь, будто я – нечто вроде царицы или хранительницы вашей Урд, оставь эти мысли. Я ничего подобного собою не представляю. Но... да, представь, что нам захотелось сыграть в тавлеи, а клетки доски – плоты на волнах этого моря. Хочешь ты сделать ход, но плоты тут же приходят в движение, кружатся, перемешиваются, образуют новое сочетание, а чтоб передвинуть фигуру, нужно долгое время грести, плыть с одного плота на другой.

– Кто же ваш противник в игре? – спросил я.

– Энтропия. Хаос.

Я повернулся к Афете.

– Но, говорят, выигрыш в игре с ним невозможен.

– Мы знаем.

– Скажи, Текла вправду жива? Жива... вне моего сознания?

– Здесь? Да.

– А если я увезу ее на Урд, продолжится ли ее жизнь там?

– Этого тебе не позволят.

– Тогда не стану и спрашивать, нельзя ли остаться здесь, с нею. На этот вопрос ты уже ответила. «Общим счетом менее суток», верно?

– А ты бы остался здесь с нею, будь это возможно?

Я ненадолго задумался.

– Остаться здесь, а Урд бросить на гибель, замерзающей в темноте? Нет. Текла не отличалась ни добротой, ни порядочностью, но...

– Не отличалась? По чьим меркам? – уточнила Афета.

Я промолчал.

– Я вправду не знаю ответа, – объяснила она. – Возможно, ты свято веришь, будто для меня ничего неизвестного нет, но это вовсе не так.

– По ее собственным. А сказать я, если сумею внятно выразить эту мысль, собирался вот что: все экзюльтанты – исключения крайне редки – чувствуют за собою определенную ответственность. Долг. Во время наших бесед в камере меня не раз поражало, сколь мало она, такая ученая, ценит собственные познания. Гораздо позже, проведя на троне около полдюжины лет, я понял: все дело в том, что ей было известно нечто большее, и этому большему она училась всю свою жизнь, и... Странное дело: вроде бы этология-то проста до грубости, но я не могу точно объяснить, о чем речь.

– Постарайся, будь добр. Весьма интересно послушать.

– Понимаешь, Текла была готова защищать любого, кто от нее зависит, даже ценой собственной жизни. Потому Гунна сегодня и помогла мне изловить Зака. Разглядела во мне нечто от Теклы, хотя наверняка понимала, что в действительности я вовсе не Текла, и...

– Тем не менее ты говоришь, что Текла не отличалась ни добротой, ни порядочностью.

– Доброта и порядочность есть нечто намного большее. Это она знала тоже.

В попытках собраться с мыслями я умолк и вновь устремил взгляд к серебристым отблескам волн во мраке позади лодок.

– А я... Как бы тебе объяснить... Перенял от нее это чувство ответственности, или, скорее, вобрал его вместе с ней. И если б сейчас ради нее предал Урд, то стал бы нисколько не

лучше, напротив, гораздо хуже нее. Но ведь ей хочется, чтоб я оставался лучше – ведь всякий из любящих хочет видеть в любимом человеке намного лучшего, чем он сам.

– Продолжай, – задумчиво проговорила Афета.

– Меня влекло к Текле, поскольку она была намного лучше, выше меня во всех смыслах, и в моральном, и в социальном, а ее влекло ко мне, так как я невообразимо превосходил и ее, и ее подруг уже тем, что делал полезное, нужное дело. Большинство экзультантов на Урд подобным похвастать не могут. Да, их власть велика, все они старательно напускают на себя важный вид, без умолку внушают Автарху, будто правят своими пеонами, а пеонам внушают, будто правят Содружеством, однако в действительности не делают ничего и в глубине души прекрасно осознают это. Если не все, то лучшие из них просто боятся воспользоваться собственной властью, ибо знают, что разумно распорядиться ею не в силах.

Высоко в небе закружились несколько морских птиц – бледных, с огромными глазами, с клювами, словно сабли, а вскоре над волнами блеснула чешуйчатый боком рыба, выпрыгнувшая из воды.

– Так о чем это я? – спросил я.

– О том, что не позволяет тебе обречь собственный мир на гибель от холода в темноте.

Тут мне вспомнилось еще кое-что.

– Ты сказала, что не говоришь на моем языке.

– По-моему, я сказала, что не говорю никаким языком. Языков у нас попросту нет.

Смотри.

С этим она разинула рот и подняла лицо кверху, но в темноте я не смог разглядеть, правду она говорит или плутует.

– Тогда отчего же я тебя слышу?

Едва задав этот вопрос, я понял, чего ей хочется, и поцеловал ее, а поцелуй окончательно убедил меня в том, что передо мною женщина моей собственной расы.

– Тебе известна наша история? – прошептала она, когда поцелуй завершился.

В ответ я пересказал ей все, что слышал от аквастора Мальрубия другой ночью, на другом берегу: что в предыдущую манвантару люди той эпохи создали для себя сподвижников из иных рас; что незадолго до гибели собственного мироздания они бежали сюда, на Йесод; что ныне они правят нашей вселенной руками иеродулов, коих также создали сами.

Дослушав меня, Афета покачала головой.

– Это еще далеко не все.

Я ответил, что ни единого мига в этом не сомневался, но сам, кроме пересказанного, ничего больше не знаю, а под конец добавил:

– Ты говорила, будто вы – дети иерограмматов. Кто они таковы? Кто таковы вы сами?

– Они – именно те, о ком тебе рассказали; те, кто был создан по вашему образу и подобию расой, родственной вашей. Ну, а о нас ты от меня уже слышал.

На этом она умолкла.

– Продолжай, – спустя некоторое время попросил я.

– Скажи, Севериан, известно ли тебе значение слова, тобой же употребленного? Что означает «иерограммат»?

Я ответил, что слышал от кого-то, будто так называют тех, кто записывает и хранит рескрипты, получаемые от Предвечного.

– По сути, верно, – подтвердила Афета и вновь надолго умолкла. – Возможно, в нас слишком сильно прежнее благоговение. Те, кто для нас остаются неназываемыми, та самая раса, родственная твоей, внушает всем нам подобные чувства до сей поры, хотя из всех их творений уцелели одни только иерограмматы. Вот ты сказал: им требовались сподвижники. Как же смогли, как исхитрились они создать для себя сподвижников, способных расти, достигая столь невообразимых высот?

Я признался, что мне это неизвестно, и, чувствуя ее нежелание продолжать рассказ, описал крылатое существо, которое видел на страницах книги Отца Инире, а в завершение спросил, не могло ли оно оказаться одним из иерограмматов.

– Да, так и было, – отвечала Афета. – Но больше я не скажу о них ничего. Ты спрашивал о нас. Мы – их ларвы. Известно тебе, что такое ларва?

– Отчего же, конечно, – подтвердил я. – Дух. Дух, прячущийся под личиной.

Афета кивнула.

– Вот и мы носим в себе их дух, но – тут ты полностью прав – до тех пор, пока не достигнем их, высшего состояния, должны прятаться под личинами. Только эти личины – не настоящие маски, как те, что носят иеродулы, но облик вашей же расы – той расы, которой наши родители, иерограмматы, поначалу намеревались следовать и подражать. Одним словом, мы, пусть пока и не стали иерограмматами, с вами, по сути, схожи разве что внешне. Мой голос ты, Автарх, слушаешь уже долго, так прислушайся же теперь к сему миру, к Йесоду, и скажи, что слышишь, кроме моих слов, обращенных к тебе. Слушай! Слушай и отвечай: что слышишь вокруг?

– Ничего, – ответил я, совершенно не понимая, в чем дело. – А ты – такой же человек, как и мы.

– Ты ничего не слышишь, потому что мы говорим безмолвием, точно так же, как вы – голосом. Придаем облик любым подвернувшимся под руку звукам, отсеиваем ненужные, а при помощи оставшихся выражаем мысли. Вот отчего я привела тебя сюда, где без умолку плещутся волны, вот для чего нам так много фонтанов и деревьев, шелестящих листвой на дующем с моря ветру!

Но я ее почти не слышал. В небеса поднималось нечто огромное, яркое – то ли луна, то ли солнце, неслыханно причудливой формы, залитое слепящим светом. Казалось, в атмосфере этого чужого мира парит некое золотое семя, удерживаемое на лету миллиардом черных нитевидных волокон. То был корабль – наш корабль, а солнце под названием Йесод, пусть даже скрытое горизонтом, освещало его громаду, и свет, отражаемый ею, нисколько не уступал свету дня.

– Гляди! – воскликнул я, повернувшись к Афете.

– Гляди! Гляди! – эхом отозвалась она, указывая на собственный рот.

Опустив взгляд, я обомлел. То, что я, целуя ее, принял за язык, оказалось всего лишь выступом плоти, торчащим из неба.

XX. Покои, выющиеся улиткой

Как долго наш корабль, озаренный невидимым солнцем, парил в небе, сказать затрудняюсь. Наверняка меньше стражи, а промелькнуло это время словно бы в один миг. Пока он не скрылся из виду, я не мог оторвать от него глаз, и чем занималась Афета, даже не представляю. Когда корабль исчез за горизонтом, я обнаружил ее сидящей на камне возле кромки воды, наблюдая за мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.